КРАЉ ДЕЧАНСКИ

ЕПОСЪ У ОСАМЪ ПѢСАМА.

ОТЪ

ДРА. ІОВАНА СУБОТИЋЪ.

PA3133
P11409g

PE 4099 . P19 Cp II 353.1

КРАЉ ДЕЧАНСКІЙ.

ЕПОСЪ У ОСАМЪ ПѢСАМА.

5524
БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ

спѣвао

ДР. ІОВАНЪ СУББОТИЋЬ.

5218.
МАТИЦА СРБСКА

У БУДИМУ,

писмены кр. Свеучилишта Пештанскогъ

1846.

СА 1445

Wir haben schon längst einen Sänger gehofft —

I. W. Göthe.

Пѣсма прва.

Славу слави србскій царъ Стефане
У бієлу у Призрену граду,
Слави, кралю, светогъ Арханѣела,
Крстно име дома Неманьина.
Скупила се свієтла господа,
Светителъи одъ србске државе,
Светы србски дванаєстъ владика,
Са Данійломъ главомъ одъ владика,
И властели србске кралѣвине,
Све жупани, велики кнезови,
И войводе одъ србски земаля,
Съ Владиславомъ одъ землѣ захумске,
Кои лозу одъ Неманѣ вуче,
И Воиномъ одъ кршна Приморя,
Милымъ зетомъ одъ Србіє краля.
Господу є кралю посадіо
По господству и по старешинству;
На дно софре мет'о сиротиню,
Кою 'но є найпре одѣнуо
Одъ свог' блага у славу светога.
А самъ кралю съ госпоѣомъ кральицомъ
Послужує своє миле госте,
Послужує мало и велико,

И богато и оно убого,
Съ єдномъ бригомъ и съ єдномъ любавлю.
Тако кралю мисли угодити
Своме Богу и крстном' имену,
Кои су га тако узвысили,
Међъ богатым' да-й найбогатіи,
Међъ силныма да є найсилніи,
Свима да є отацъ и господаръ.
Краль ньи части, како с' кралю може,
Све са сребра и сувога злата,
Съ добрымъ виномъ, меденомъ ракіомъ,
И одъ сваке руке ђаконіомъ;
Служи ньима као старіима;
Нуди госте, да небуду гладни,
Домаћину као што се пристои;
Разговара своє госте миле,
Да му буду одъ срца весели. —
А кадъ было да се колачъ сѣче,
Устадоше дванайстъ светителя
Са Данійломъ своимъ поглавицомъ,
Устадоше сви гости остали,
Сташе поят' пѣсме Светителю,
Како каже црква православна.
Боже милый, да дивне красоте!
Као да се небо разтворило,
И изъ неба спуштаю се гласи,
Коє пою пречисти анђели
Силном' Богу, когъ видит' немогу.
Мрави миле гостима крозъ тѣло,
И коса имъ на главама расти,
А суза се валя преко лица,
У боєвма што су узорана.

Кадъ є кралю колачъ пресѣкао,
Узео є єдну чашу вина,
И гостима 'вако наздравіо:
„Да Богъ живи моє госте миле,
Да имъ даде и животъ и здравлѣ,
И у свему срећу и напредакъ.
И хвала имъ на любави њиной,
Што су данасъ у мене се нашли,
Да ми светца прославит' помогну,
Много лѣта и много година
Празновали своє благе дане:
Многа лѣта на многая лѣта!"
Садъ зазуи на многая лѣта
Изъ свы грла, изъ свакога срца,
Громке трубе на све тресну стране,
А и гласна загрмише звона,
Сакупише народъ око двора.
Опетъ краль є чашу прехватіо:
„Да Богъ живи моє миле Србљѣ,
Одъ Дунава до синѣга мора,
Одъ найвећег' па до найманѣга,
Младе, старе, момке и дѣвойке,
Свештенике, Богу угоднике,
И войнике, што насъ одъ зла бране,
И ратаре, што насъ лебомъ ране:
Свим' дай, Боже! срећу и напредакъ,
Многа лѣта, на многая лѣта!"
И захуи на многая лѣта,
И затреште убоите трубе,
И загрме звона на све стране,
У три пута, тако Богъ помаже.
Опетъ краль є чашу прехватіо:

„Да Богъ живи свѣтлогъ србскогъ краля,
Србскогъ краля, могъ сына Душана,
Кои данасъ на быстрой Бояни
Слави своє куће светителя:
Да му Богъ да и животъ и здравлѣ,
И у свему срећу и напредакъ,
Да одмене отца на престолу,
Да замене своє прадѣдове,
Да учини великомъ Србію,
Да учини срећномъ Србадію:
Многа лѣта на многая лѣта!“
Започеше пѣват’ светительи,
А уза ньи приставше властели,
И прехвати народъ на двориштy —
Грми пѣсма силены юнака,
Нечую се трубе убоите,
Нечую се звона громовита.
Кралю срце у нѣдрама игра,
А на очи сузе удариле,
Слушаюћи славу сыновлѣву.
Ал’ кральици и неправо было,
Лѣпо іой се чело наоблачи,
А руменъ іой образъ поцрвени.
Єдва пѣсма краю достигнула,
Разговору мѣста начинила,
Ал’ приступа госпоћа кральица
Своме другу, кралю домаћину,
Па потихо нѣму проговара:
„Свѣтлый кралю, милый господару!
Ты іоштъ имашъ Симеуна сына,
Немож’ права любавь родительска
Єдном’ напит’, другогъ заборавит’!“

Насмѣяо се српскій царъ Стефане,
Свою любу мило пригрліо,
Па овако њојзи прословіо:
„Нисамь дѣте я заборавіо.
Да самь піо чашу по любави,
Теби, душо, ню бы наздравіо,
Да самь чашу піо по милости,
Симеуну ню бы наздравіо,
Ал' самь чашу піо по дужности,
Србъ є піо одъ Србіє кралю!“
Садъ Данійло кралю наздравіо,
Кнезъ Владиславъ свѣтлой домаћицы,
Арсеніє, владика Призренскій,
Симеуну, малом' домаћину,
И узъ сваку срдачну здравицу
Одпояше на многая лѣта.
Па се онда стали разговарат',
А весело, и изъ пуног' гласа,
Како 'но се на слави пристои,
О старіим' данма и дѣлама,
Данма славе, дѣлма опасности,
И о мртвым' своим' пріятельма.

У веселом' разговору време
Протекло є, и вече се нашло.
Кадъ донеше сребрне свећняке,
Запалише одъ злата кандила,
Те изъ ноћи подне начинише,
Проговара кнеже Владиславе:
„Хвала теби, кралю домаћине!
Са свачимъ си госте дочекао,
И усрдно све си послужіо:

Єл' слободно штогодъ запросити,
Да учинишъ и што є одвише,
И да дадешъ, што ни недостає?“
Одговара србскій царъ Стефане:
„Ишти само, лозо Неманьина,
Некъ ме стане и по кралѣвине,
Хоћу теби волю испунити!“
Вели нѣму кнеже Владиславе:
„Задрж', кралю, цѣлу кралѣвину,
И да Богъ да, іоштъ є удвоіо,
Ма и съ овомъ моіомъ сѣдомъ главомъ.
Што я иштемъ, свим' ће быти драго,
А одъ тебе ништа неузима:
Єл' ти гдигодъ слуга Драгославе,
Съ яворовым' нѣговым' гуслама,
Да одпѣва ону пѣсму славну,
Одъ онога рата бугарскога,
И онога боя подъ Земляномъ,
Каквог' наши неимали стари.“
Краль весео кнезу одговара:
„Таки, кнеже, кадъ ти се проктело.
Ако коме то искат' приличи,
То се теби одрећи неможе,
Кои то си заслужіо крвлю,
И юначствомъ никадъ невиђенымъ.“
Па дозыва слугу Грдомиля:
„Иди, слуго, Драгославу старцу,
Некъ понесе гусле яворове,
И похита, што му с' брже може,
Да ми кнеза воля неостави.“
Лако момче на ноге скочило,
Брзо води старца Драгослава.

Старцу с' бѣли и коса и брада,
Као грудва на планини снѣга,
У очима живый огань сѣва,
На образи цвѣтаю ружице.
Како дошао старацъ Драгославе,
Узео чашу србскій царъ Стефане,
Съ руйнымъ ню є напуніо винцемъ,
Па є дає старцу Драгославу,
И овако нѣму проговара:
„Узми чашу, слуго Драгославе,
Испи вино а на часть ти чаша,
Остави є край други спомена,
Одъ сребра се неће стидит' злато!"
Узео чашу старацъ Драгославе,
До землѣ се кралю поклоніо,
Па овако нѣму говоріо:
„Хвала, кралю, на твоєму дару!
Лако-й теби дарове давати,
Ал' є мени замучно примати:
Тежко-й примит', што с' неда одслужит'.
За твогъ отца, покойна му душа,
Могао самь капь пролити крви;
Ал' за тебе то чинит' немогу,
Године ме ево оборише.
Држе руке гусле яворове,
Ал' немогу коплѣ убоито,
Іоштъ владаю са танким' жицама,
Ал' немогу са оштрым' стрѣлама.
Пакъ се боимъ, грѣхъ ћу учинити,
Много примит', ни съ чимъ незахвалит'."
Одговара србскій царъ Стефане:
„Немой, Драго, силомъ бриге тражит'.

Кою с' крвцу за отца проліо,
Сѣме было, за сына узрело;
А и мы се остарит' надамо,
И желимо примат' а недават'!
Нег' удеси твоє гласне гусле,
И покваси твоє ясно грло,
Воля дошла кнезу Владиславу,
Да му пѣвашъ ону пѣсму славну,
Одъ онога рата бугарскога,
И онога боя гласовитог'
Подъ Земляномъ, подъ крвавымъ градомъ.
Ако волю кнезу ми намиришъ,
Златну чашу пуно с' заслужіо,
И іоштъ купа неће быти доста!"
Насмѣя се старацъ Драгославе:
„Кадъ гуслама жице су одъ злата,
Ніе мучно добро одпѣвати,
Но є мучно предъ таквы юнаци,
Неређ' манѣ, него што є было,
Па слагати и осрамотит' се;
Єръ є ньима много свршит' мало,
Мени старцу мало спѣват' много.
Но ћу почет', ма свршит' немогао;
Што є лоше, съ моє є кривице,
Зашт' се пуштамъ оно опѣвати,
Што опѣват' нико кадаръ ніе;
Што є манѣ, съ кривице є ньине,
Зашт' толико да учине люди,
Што и пѣсма испѣват' неможе.
За зло мени вы примит' немойте,
Я ћу вама радо опростити!"
То рекао, па вино испіо,

Чашу метн'о у нѣдра широка,
Па се дао гусле удешават'
И кушати грло гласовито.

Сви су гости мукомъ умукнули,
Па чекаю да старацъ започне;
А онъ очи небу подигао,
Као да пѣсму са неба изгледа.
Почутіо, па онда зачео:
„„Боже милый, на свем' теби хвала! —
У Бугарской, у земли юначкой,
Сбы се чудо на небу ведрому.
У по подне неста небу сунца,
И земля се у таму завіє.
Страхъ и трепетъ люде обузео,
И зверинѣ мука напопала,
Све мислило: ето дна послѣдня!
Но є Божя воля милостива,
Своє небу вратила є сунце,
И са землѣ таму прогонила,
Упропастит' люде нехотѣла.
Єданъ другогъ све питаю люди,
Каквог' бы-ће то дѣла знаменѣ?
Сви питаю, ни ко неказує,
Ал' сви мисле, добро быти неће.
Ніє дуго време постояло,
Кньигу пише бугарска царица,
Мила сестра одъ Србіє краля,
Кньигу пише, па є брату шилѣ,
Овако му у кньизи говори:
„„Милый брате, одъ Србіє кралю,
Немой чекат' гласа радостнога,

Него слушай гласа жалостнога,
Одъ жалости и несреће моє,
Одъ неволѣ и срамоте моє.
Ево доста прође годиница,
Како самь се у Бугарской нашла,
За бугарскимъ царомъ Михаиломъ,
Као нѣгова люба и кральица,
Съ ньиме была, дѣцу изродила,
И лѣпа му, и мила му была,
И одъ рода доста господскога;
А садъ, брате, царъ ме отерао,
Отерао са єдинцемъ сыномъ,
Заточіо и мене и дѣте,
А узео лѣпу Теодору,
Лѣпу сестру цара Андроника,
Удовицу краля Светослава;
Ню садъ люби, а мени се руга,
Садъ му нисамь ни мила ни лѣпа,
А ни рода доста господскога.
Іоштъ и теби, милый брате, прети,
Да ће скупит' неброєну войску,
И подићи сусѣдне кралѣве,
Па на твою напаст' кралѣвину,
Све попалит' и све порушити,
Тебе самогъ робомъ учинити,
И у тежке ланце оковати,
Да му служишъ, да ти господари.
Зато т', брате, ову кньигу пишемъ,
А све крадомъ, да нико невиди,
Не пишемъ є, чимъ се кньиге пишу,
Већъ є пишемъ крвлю изъ нѣдара,
Єръ образа несмемъ изранити.

Мене, брате, жали, па прежали,
Имашъ любу, сестру ће заменут';
Ал' за себе, брате, постарай се,
Войску купи, пріятелѣ тражи,
И преправляй землю и градове,
Зло быт' може: Богъ ће добро дати!"
Кадъ є кралю кньигу проучіо,
Удари се рукомъ по колѣну,
Златанъ прстенъ на двоє с' распао:
„Яо мени, до Бога милога!
Ето нашто помрче сунашце,
На неправду цара Бугарина,
На срамоту мени и моима.
Шта се Боже, ту чинити може?
Оставити сестру у невольи,
У сужанству и срамоти грдной,
Одъ Бога є велика греота,
А одъ людій зазоръ и срамота;
А пролити крвцу одъ юнака,
И уцвѣлит' неброєне майке,
Неброєне сеє и любовце,
Небы ми се доиста хотѣло."
Све мысліо на єдно смисліо,
Па дозывлѣ Баранина дяка.
„Баранине, моя вѣрна слуго,
Пиши кньигу цару Бугарину:
Свѣтлый брате, царе Михаиле,
Здраво да си, а слава ће доћи!
Чуо єсамь чудноватe гласе,
Чуо єсамь, вѣроват' немогу,
Да си Божій законъ погазіо,
Мою милу сестру отерао,

И узео лѣпу Теодору,
Милу сестру цара Андроника,
Удовицу краля Светослава,
Па съ ньомъ живишъ у свези безбожной,
А праву си жену заточіо,
Заточіо са єдинцемъ сыномъ.
Немой, брате, да огрѣшишъ душу,
Грѣшной души болѣ да є нема,
Божій законъ одмашћує с' страшно,
Бракъ безбожный люте гує раћа,
Вѣчный прекоръ отцу є копиле.
Зато, брате, царе Михаиле,
Остави се лѣпе Теодоре,
Узми натрагъ твогъ законногъ друга,
И твогъ сына млада Александра,
Да будемо стари пріятельи.
Па помисли, царе Михаиле,
На све добро, коє си имао,
Одъ мог' отца, краля Милутина:
Шта ће быти изъ кћери нѣгове,
Шта л' ће быти изъ дѣтета твога!"
Кадъ є кралю кньигу написао,
Послао є у землю бугарску,
У градъ Трновъ цару Бугарину.
А царъ нѣму 'вако одписує:
„Кралю србскій, іоштъ за коє време,
Милый брате, кои си ми быо!
Чуо єсамь, што у кньиги пишешъ,
Чуо єсамь, вѣроват' немогу,
Како си се смѣо усудити,
И онако мени говорити,
Краль Србіє цару Бугарину.

Остави се молбе и ината,
Остави се претнѣ и савѣта,
Него дођи, па ми се поклони,
Немой чекат', да я теби дођемъ.
Єръ тако ми моє вѣре тврде,
Ако теби у Србію дођо,
Нит' ће быти тебе, нит' Србіє;
Србію ћу ватромъ попалити,
Спрамъ нѣ теби окове салити.
Питашъ мене, одъ Србіє кралю,
Шта ће быт' изъ кћери отца твога,
Шта л' ће быти изъ дѣтета мога?
Кадъ ме питашъ, хоћу да ти кажемъ,
Одъ мог' таста то самь научіо:
Дѣтету ћу очи ископати,
А матери штапъ у руке дати,
Онъ нек' проси, она нек' га води,
Да с' прослави србска кралѣвина.“
Чита кньигу србскій царъ Стефане,
Чита кньигу а сузе пролива,
Па господу у саборъ сазыва,
Све владике, и све игумане,
Све жупане, и све воєводе,
Све кнезове, и све слуге царства.
Кадъ се славна господа сабрала,
Говори имъ србскій царъ Стефане:
„Дайте савѣтъ, шта ће да се ради.
Сестра ми є у срамоти грдной,
Земля ми є у невольи лютой,
Одъ силена цара Бугарина.
Знано вамъ є, господо преславна,
Краль Милутинъ шта є учиніо,

Бугарскоме цару Михаилу,
И нѣговом' отцу Шишманину:
Правый отацъ онъ є ньима быо,
Као своіой дѣци имъ годіо.
Садъ видимо бугарску захвалность!
Кѣи нѣгова у срамоти цвили,
Кѣи нѣгова, тужна сестра моя,
И кнегиня одъ землѣ Србіє.
Іоштъ се руга царе Бугарине,
Своме тасту, моме родителю,
Светом' кралю одъ землѣ Србіє,
Кога самъ є господъ прославіо,
Светительскомъ круномъ украсіо.
Па се руга царе Бугарине,
Мени с' руга одъ Србіє кралю,
Прети грозно и мени и земльи.
Ево кньиге, па читайте сами,
Савѣтъ дайте, шта ће да се ради!“
Узе кньигу владика Данійло,
Узе кньигу и стаде читати . . .
Ал' се диже бука на све стране,
Сва господа на ноге скочише,
Запламтише мачи огнѣвити,
Сви за кнезомъ вичу Владиславомъ:
„На бой, кралю, на бой господару,
За честь светог' дома Неманьина,
За честь кѣери краля Милутина,
И за славу Божѣг' угодника,
Сви смо крвцу пролити готови,
Сви готови животъ положити.“
Кадъ се буна мало утишала,
Проговара владика Данійло:

„Свѣтлый кралю, земльи господару,
Твоя слава и наша є слава,
Праведно є, у твоіой увреди,
Сви увреду нашу да видимо.
Нит' бы србскій народъ заслужіо,
Да му Богъ да светце и кралѣве,
Кадъ бы коме лако допуштао,
Да му светце грди и безчести,
А кралѣве вреѣа и срамоти.
Зато ћемо радо и весело
За честь светог' дома Неманьина,
За честь кћери краля Милутина,
И за славу Божѣг' угодника
Крвь пролити, животъ положити;
Ал' я, свете вѣрный слуга цркве,
То учинит' за добро налазимъ,
Да се яви цару Бугарину,
Ако правду съ добрымъ неучини,
Да ће за сву проливену крвцу,
За сву бѣду и за сву несрећу,
Грѣшна цара одговарат' душа,
А тежко є одговора дати,
За безумно проливену крвцу,
У неправди и беззаконію.“
Одговара србскій царъ Стефане:
„Добро зборишъ Божій светителю,
Хоћу тебе пуно послушати.“
Па є свѣтлый саборъ разпустіо.
Светительи одоше у цркве,
Да се моле и бденія чине,
Небыли се господъ смиловао,
И одъ землѣ бѣду одвратіо;

А жупани и други властели,
Воєводе и кнезови силни,
Свакъ у свою одоше државу,
Мече оштрит', опралят' оружѣ,
И купити пешце и коньнике,
Єръ свакъ знаде, да ће боя быти.
Царъ Стефане своегъ дозывлѣ слугу:
„Баранине, моя вѣрна слуго,
Пиши кньигу цару бугарскоме:
„Свѣтлый брате, царе Бугарине,
Я самь твою кньигу проучіо,
И видіо, што у кньизи пишешъ.
Яко си се царе осиліо,
Не боишъ се ни Бога ни людій.
Но се сѣти, царе Бугарине,
Да се неда съ Богомъ воєвати,
Людска срећа да се яко меня,
Данасъ теби а сутра є мени.
У миру су Божіи благослови,
А рату се излазка незнаде.
Грѣхъ є сладакъ, ал' за кратко време,
Права срећа у добры є дѣли.
Што си мене царе увредіо,
Я ти праштамъ, и Богъ нек' т' опрости;
Што си мога отца увредіо,
Онъ є светацъ, слабе люде брани,
Измоли ће т' кодъ Бога милости;
Што си мою сестру увредіо,
Самъ си Божій законъ погазіо,
То ти, царе, опростит' немогу.
Людска-й дужность законъ Божій бранит',
Власть казнити има преступнике,

А братъ сестру заступити мора
По закону людском' и Божіем'.
Зато, брате, царе Бугарине,
Ил' се врати ты Божіой правди,
И неправду поправи проклету,
Ил' ме чекай са мои юнацы,
И са страшномъ Божіомъ осветомъ.
Прими савѣтъ, прими молбу мою:
Узми натрагъ твогъ законногъ друга!
Чини добро, нећешъ се каяти;
Ако ли се неоканешъ грѣха,
У злу єси, горе ће ти быти;
Єръ су Србльи за Божію правду,
За честь кћери краля Милутина,
И за славу Божѣг' угодника
Сви до єдног' изгинут' готови.
А каква є моя Србадія,
Ни єданъ ти погинути неће,
Докъ съ две свою незамене главу.
Бы-ће крви людске проливене,
И твоя ће одговарат' душа,
За сву бѣду и за сву несрећу;
А тежко є одговора дати
За безумно проливену крвцу
У неправди и беззаконію! —"
Чита царе, шта му кньига пише,
Чита царе, ништа неговори,
Већъ онъ друге на три шилѣ стране.
Єдну шилѣ цару цариградском', —
Да подигне свою силну войску,
И удари на србскога краля;
Другу шилѣ кралю угрскоме, —

Да подиже своє Угричиће,
И удара на србскога краля;
Трећу шилѣ граду Дубровнику,
Градском' кнезу и великом' вѣћу,
Да подигну младе Дубровчане,
И ударе на србскога краля;
Самъ онъ своє сакупи Бугаре,
И удари на землю Србію.
Гласъ допаде србском' цар' Стефану;
„Зло си сѣо србскій цар' Стефане,
Зло си сѣо мударъ зборъ зборити,
Ето на те цара силенога,
Упаде ти у землю Србію,
У Елгосску страну горовиту,
Руши, пали, села и градове,
Старо сѣче, а младо окива,
Шилѣ роблѣ у землю бугарску.
Ево има и четири дана,
Како сяйногъ невидимо сунца
Одъ онога дима дебелога!“
Кадъ то чуо србскій царъ Стефане,
Онъ зацикну као люта гуя:
„Яо мени до Бога милога,
Шта ће рећи моя сиротиня?
На мене ће горко заплакати,
И клети ми и душу и тѣло.“
Па поскочи на ноге лагане,
Лаке шилѣ на све стране слуге,
Да с' развію убойни баряци,
И дижу се на войску юнаци,
Да се купе пешци и коньници,
Пребираю на полѣ Добриче,

Гди с' Топлица край Мораве бѣли,
А на сусретъ цару бугарскоме. —

За мало є постояло време,
Силена се искупила войска
Изъ Конавля и изъ Виталине,
Драчевице, землѣ Жрновичке,
Изъ Рудине, и изъ Крушевице,
И Даленске богате равнице,
Са Растока, зелена єзера,
И одъ бѣлы на мору градова,
Одъ Острога, Врулѣ и Мокрога,
Одъ Обода, Люте и Цаптата,
Одъ Требиня и Сокола града,
И одъ бѣла Рисна и Новога,
Свака чета са своимъ войводомъ.
Надъ свима є главнымъ воєводомъ
Кнезъ Воине, зетъ Стефана краля,
И онъ води до хиляду друга,
Коє пешца а коє коньника,
Све момака редомъ изабраны,
Изабраны, добро оружаны.
И друга є чета пристигнула,
Одъ бієла Скадра на Бояни,
И Будимлѣ на води Морачи,
И одъ Дуклѣ града поносита,
Подъ кимъ Цета грли се съ Морачомъ,
Одъ Котора и одъ Будве града,
Коє морски перу таласеви,
Те се бѣле као лабудови,
Изъ Подлуж'я, Лѣске и Папрате,
Облачића, Горске и Грахполя,

Изъ Кучева и изъ Кременице.
Мало друга, єдно петъ стотина,
Ал' самога огня жестокога.
Предъ њима є главный воєвода,
Кнезъ Жигловићь, лютый змай планинскій.
И трећа є чета пристигнула
Одъ Захумске землѣ силовите,
Дѣдовине дома Неманьина,
Одъ Ужице и одъ Драча града,
Одъ Мокрска, Хлума, и Глумника,
Изъ Мораче, Пиве и Гацкога,
Оногошћа, Раме и Нерета,
Изъ Гучева, Стона и Жабице,
И Поповске зелене долине,
Изъ Дубраве, Дебра, Невесиня,
Свако племе подъ своимъ барякомъ.
Цѣла чета две хиляде друга,
Подъ войводомъ кнезомъ Владиславомъ.
И четврта чета пристигнула,
Одъ Рассіе, одъ землѣ кралѣве,
Одъ Приштине и Призрена града,
Одъ Ипека и одъ Вучитрна,
Одъ Петрића и града Звечана,
Одъ Сѣница и Полога града,
Одъ Триполя и Новогабрда,
И осталы у земльи градова.
Свега има три хиляде друга,
Све господе и господичића,
Подъ войводомъ Манякомъ Деаномъ,
Глава іой є србскій царъ Стефане,
Са барякомъ дома Неманьина.
И пета є чета пристигнула,

Одъ Србіє, землѣ одъ юнака,
Одъ Мачковца на води Морави,
Одъ Крушевца, Хвостна и Рудника,
Сане, Пливе и одъ Земальника,
Одъ Лознице, Плаве и Пореча,
Одъ Валѣва и Ораховице,
Одъ Деснице и Лешника града,
Одъ Дрежника и одъ Међуреча,
Одъ Топлице и одъ Косалнице,
Чернабуче и Голеча града,
Изъ Загоря, и изъ Лугомира,
Крушилнице, Борче, Лепенице,
И осталы у земльи градова.
Свега има три хиляде друга,
Подъ Жупаномъ подъ Николомъ Буѣомъ,
И юнакомъ Бориловиѣъ Кузмомъ,
Све юнаци, весела имъ майка,
Да ій с' доста немо'шъ нагледати.
Глава имъ є младый краль Душане.
И шеста є чета пристигнула,
Одъ онога Срема китнястога,
Одъ Дабраца града кралѣвога,
И одъ града светог' Димитрія,
И остале землѣ и градова,
Свега друга само петъ стотина,
Ал' юнака одъ сама челика,
Гди ко стао, ту є и остао,
Напредъ увѣкъ а натрагъ никада.
Предъ ньима є воєвода Райко,
Крстіо га кралю Драгутине
У Дабрацу двору веселоме,
Крстіо га болѣгъ некрстіо.

И остале чете пристигнуле,
Браничевци и млади Кучевци,
Одъ Ковина и одъ Ждрела града,
И лѣпога мѣста Смедерева,
Мало друга, єдно петъ стотина,
Удари-ће на пуну хиляду,
Удари-ће, покоръ учини-ће,
Свакій носи два срца юначка.
Предъ ньима є войвода Градиславъ,
Кажу Вила да му мати была.
И юнаци одъ Липляна града,
Одъ Злѣтова и града Піянца,
И Овчія поля широкога,
Нису дали на себе чекати:
Нова войска подъ старымъ войводомъ,
Подъ жупаномъ Враткомъ Разбитурке.
Скоро ова земля добыєна,
Па садъ прва войска изведена,
Да се бори за своґъ новоґъ краля,
И за свою нову домовину.
Оштро гледе, юначки се држе,
Добро ће се войска приказати,
Славно хоће име заслужити.
Како небы подъ таквымъ воиводомъ,
У боєвма кои осѣдіо,
Кои знаде дати заповѣсти,
И грунути, кадъ грунути валя,
Да га немож' нико издржати.
Іоштъ се єдна чета приключила,
Храбра чета одъ хиляду друга,
Изъ Франціе изъ землѣ далеке.
Незнашъ, кои вышій є одъ кога,

И кои є ячи одъ коєга,
Ковани у синѣм' челику,
На коньима яко оклоплѣным'.
Ньи предводи казнацъ Балдовине,
Вештина му нигди невиђена.
Глава имъ є србскій царъ Стефане.—

Кадъ се тако искупила войска,
Войводе се лѣпо поздравише,
Руковаше па и излюбише,
Као сынови єдне домовине.
Текъ се мало одморила войска,
Ал' ето ти брзи гласоноша,
Коньи имъ се яко озноили,
И у саму пѣну учинили.
Они носе гласе о Бугари.
Питао ій србскій царъ Стефане:
„Слуге моє, видистел' Бугаре?
Єл' велика сила у Бугара?
Єл' весела войска Бугарина?“
Гласоноше говорили кралю:
„Свѣтлый кралю, видисмо Бугаре,
Лежи войска на води Струмици,
Подъ Земляномъ подъ бієлымъ градомъ;
Велика є сила у Бугара,
Колико є полѣ подъ Земляномъ,
Све су полѣ тишмомъ претиснули.
Ако ти є воля послушати,
Све ћемо ти по реду казати,
Коє єсу чете у Бугара,
Коє чете подъ коимъ войводомъ.
Прва єсте чета у Бугара,

Све по изборъ млади Црноморци,
Одъ Керсове, и одъ Варне града,
Истрополя на мору сокола,
И осталы мѣста и градова.
Предъ ньима є Белауръ войвода,
Братъ роѣеный цара Михаила,
Што господствомъ за царомъ долази,
А юначствомъ никомъ неуступа.
Друга єсте чета у Бугара,
Са Дунава лаѣане водице,
Одъ Видина и Аксіополя,
Славомира и одъ Никополя,
И остале землѣ и градова.
Добра чета подъ добрымъ юнакомъ,
Подъ Раксиномъ царевымъ войводомъ.
А треѣа є чета у Бугара
Изъ старинске изъ землѣ Тракіє,
И господске землѣ Романіє,
Одъ Преславе и Плискова града,
Одъ Ранхуба Копсе и Стилбона.
Предъ ньима є Деспотъ Михаиле.
Сужанъ быо цару цариградском',
А садъ царъ га дао изъ сужанства,
Да се наѣе юнакъ предъ юнаци.
Четврта є чета у Бугара
Одъ Трнова одъ царева града,
Одъ Славице и одъ Тріядице,
Одъ Вурача и одъ Кипиловца,
Одъ Клисуре и Боіона града,
Одъ Перника, града Кракринога,
Са Стопоня поля пространога,
И одъ други у земльи градова.

Све господа и господичићи,
Оружѣ имъ огрезло у злату,
Одъ сребра се челикъ невидіо.
Глава имъ є царе Михаиле,
Предъ ньима се царскій барякъ віє,
Кои има силу чудотворну,
Єръ докъ надъ ньимъ тай се барякъ віє,
Бугарина предобити ніе.
Пета єсте чета у Бугара
Одъ Загоря и Палагоніе,
Моровизда и землѣ Могленске,
Одъ славнога града Желѣзника,
Одъ Дебелта и одъ Меленика,
Одъ Струмпице, Соске и Острова,
Одъ Термице и Просека града,
Одъ Илеса града славлѣнога,
Гди є силно нѣкадъ было благо
Бугарскога цара Самуила,
Одъ Моглена и Нотіе града,
И осталы царевы градова.
Предъ ньима є Бугаринъ Босило,
Кои сѣди цару Андронику
Рад' господства и юначства свога
У савѣту узъ десно колѣно.
А шеста є чета у Бугара
Одъ Семене и Агатополя,
Одъ Прилапа и одъ Созополя,
Одъ Лардеє и одъ Силивріе,
Одъ Стипсова и одъ Месемвріе,
Одъ Охрида и одъ Касторіе,
Са планина Гмора, Валависте,
Съ рѣка Црне, Скафиде и Круна,

Гди Елшимиръ своє има дворе,
Деспотъ силный одъ землѣ бугарске.
Своє старацъ самъ води юнаке,
Страхъ одъ Грка, дика одъ Бугара. —
То су кралю чете у Бугара,
У свему є петнаєстъ хиляда,
Све то самы люты оклопника.
А што питашъ, србскій царъ Стефане,
Є л' весела войска Бугарина?
Єсть весела войска Бугарина,
Сви пѣваю пѣсме убоите,
И играю игре одъ юнака,
Радую се крви и добытку,
Грде Србльѣ, ругаю се ньима,
И зову ій плашльивым' женама,
Нелюдима и кукавицама,
Страшльивцима и несмѣлицама."
Замисліо с', србскій царъ Стефане,
Поћутао, па ій запитао:
„Слуге моє, єсте ли дознали,
Бугарима ко є у помоћи?"
„Свѣтлый царе, и то смо дознали.
Бугарима єсу у помоћи,
Три хиляде поганы Татара,
Две хиляде немачки коньика,
И хиляда хитры Куманаца;
И већой се надаю помоћи,
Єдной войски одъ цара грчкога,
Другой войски одъ угрског' краля,
Трећой войски града Дубровника:
Съ четиръ стране мисле ударити."

Кадъ то чуо србскій царъ Стефане,
У свиленый шаторъ є ушао,
У молитви на колѣна пао:
„Благій Боже! мислишъ ли казнити,
Казни мене, како теби драго,
Узми мени и животъ и царство,
Ал' сачувай мою Србадію,
Коя слуша твоє заповѣсти,
И твой законъ выше свега цѣни!"
А кадъ царе Богу с' помоліо,
Мало му є срцу одлануло,
Па сазыва своє воєводе,
Да се съ ньима о том' разговара,
Шта да раде, како да се бране.
Текъ се саборъ стао свѣтовати,
Ал' ето ти кнеза Сушенице,
Савъ му коньицъ у пѣни огрезао,
Како га є кнеже озноіо.
Съ коня скаче, а за краля пита,
У саборъ га одведоше слуге.
Кнезъ господи Божю помоћь дає,
А краль нѣга за гласъ добаръ пита.
„Добри гласи, србскій цар' Стефане,
Одъ Грка се ништ' плашити немашъ.
Кренуо се царъ изъ Цариграда,
Ал' на тебе ударати неће,
Докъ невиди срећу Бугарина.
Памти царе саблю Милутина,
Па се бои одъ нѣ и кодъ сына."
Сушеница текъ свршіо рѣчи,
Ал' ето ти Куряковиће кнеза,
Свег' у прау и у зною црном'.

„Божя т' помоћь, србскій цар' Стефане,
Добри гласи одъ угрског' краля;
Добро краль є Влашку запамтіо,
Свакій путъ се Деже неналази.
Краль немисли на те ударати,
Докъ невиди срећу Бугарина.“
Разведри се србскій царъ Стефане,
Па говори своим' војводама:
„Хвала Богу, хвала єдиному,
Милость му се ево показує,
Надати се срећи и напредку.
Кадъ смо мирни одъ цара грчкога,
И онога краля угрскога,
Дубровникъ намъ наудит' неможе.“
Текъ краль ове изрекао рѣчи,
Ал' ето ти војводе Младена,
Божю помоћь онъ называ кралю,
И овако нѣму проговара:
„Дубровчани са памети славни,
Дознали су за цара грчкога,
И за оногъ краля угрскога,
Да не мисле на те ударати,
Оставише страну Бугарина,
Послаше ти хитра посланика,
Да ти одъ ньи изручи поздравлѣ,
И изяви право пріятельство,
Какво съ твои имали су стары.“
Проговара србскій царъ Стефане:
„Богъ є съ нама, ко ће супротъ нама!
Айд'те браћо, скочите весело,
Бы-ће наша слава и побѣда!““

Ту застао старацъ Драгославе,
Да затегне жице на гуслама,
Єръ ячи му требаю гласови,
Кадъ силене ударе се войске.

Пѣсма друга.

Кадъ Драгославъ гусле удесіо,
Овако є пѣсму наставіо:
„„Одтале се войска подигнула,
Све по реду, барякъ за барякомъ,
Докъ недошли на воду Каменчу,
На Каменчи таборъ начинише,
Те са холы гледе се Бугари.
Кадъ Бугари Србльѣ опазише,
И како се свѣтли имъ оружѣ,
Повикаше изъ грла яснога:
„Ево нама добра беричета,
Бы-ће доста блага и богатства.“
То говоре Богу се немоле. —

Мысліо се србскій царъ Стефане:
Радіє се о миру говори,
Кадъ оружѣ предъ очима сѣва.
Па онъ цару ситну кньигу пише,
И у кньизи нѣму проговара:
„Чуєшъ мене, царе Бугарине,
Коя ти є голема неволя?
Што ми палишъ села и градове?

Што ли сѣчешъ мою сиротиню?
Кою самь ти злоћу учиніо?
Зашто водишъ погане Татаре
На народе одъ вѣре Христове?
Надашъ ли се царе спасенію
Одъ пресвете крви спасителя?
Знашъ ли царе, а то знати морашъ,
Одъ отца си твога научіо,
Ко за туђимъ добромъ пружа руку,
И своє ће лако изгубити.
Тако хоће правда неумытна.
Него айде, да миръ учинимо,
Да будемо опетъ пріятельи,
Бы-ће болѣ и мени и теби.“
Чує царе, па се сгоропади,
И повиче, што грло донело:
„Ако сутра кадъ засійне сунце,
Царъ Стефане предъ мене недоће,
Да му станемъ ногомъ на кркачу,
И попнемъ се на коня витеза;
Хоћу нѣга оковати срамно,
Свакоякимъ мучити мукама,
И бацит’ га граблъивым’ птицама,
Некъ се часте редкомъ посластицомъ,
Сладкимъ месомъ одъ вѣнчана краля,
Некъ имаю, што имале нису,
Одъ како є и свѣта и птица.“
А кадъ види србскій царъ Стефане,
Да Бугаринъ неће да се мири,
Онъ учини поноћно бденіє,
И припаде Богу на молитву,
Опра руке одъ крви невинне,

И свой животъ Богу препоручи.
Па кадъ свето бденіє свршише,
Скупише се кралѣвом' шатору,
Све войводе, велики и мали,
Да се они о том' договоре,
Како треба напаст' на Бугаре.
Пре одъ свію младый краль устане,
И овако почне бесѣдити:
„Свѣтлый кралю, милый родителю!
И остала сва господо славна!
Радъ бы найпре я чуо старіє,
Ал' кадъ морамъ говорити првый,
Послушайте, што 'ћу да вамъ кажемъ,
Па примите, или одбаците,
Поправите, ил' преиначите,
Я ћу радо на болѣ пристати.
Я самь дознао како душманъ лежи,
Сазнао самь цѣлу околину:
Бугари су среду заузели,
Поредъ ньи су немачки коньници,
Кумани су на десноме крылу,
А Татари лѣво су смѣштени.
На Бугаре валя одредити
Захумляне, Срблѣ и Рашчане,
Некъ се дебло удара о дебло,
Оштаръ кременъ о тврдо оцило.
На Татаре валя оправити
Хитру войску юначке Поморце,
Съ новомъ войскомъ подъ Враткомъ жупа-
Некъ имену своме Разбитурке (номъ,
Дода ново садъ Разбитатаре.
На Кумане нека иду Сремци,

Они своє сусѣде познаю,
Најсгодніє њи ће послужити.
Браничевци и млади Кучевци,
Нека стоє остраг' у одмору,
И притеку, куд' притећи валя,
И допуне, гди допунит' треба.
А кадъ обе ударе се войске,
Свакъ ће знати, шта му чинит' валя;
Само треба на умъ се узети
Одъ Татара, стары варалица.
Ако тежко Татари ударе,
Оштро имъ се треба одапрети:
Пробію ли, ил' узбію л' мало,
Сви побѣсне, побѣда є њина;
Ако трипут' оштаръ одпоръ нађу,
Поплаше се, надежду изгубе,
Неће быти побити ій тежко.
А овлашь ли ударе Татари,
Чуват' ій се, на превару мисле,
Одмами-ће, навест' на засѣду.
Съ Бугарима бы-ће окршая;
Бугари су врло іогунасти,
Гди ко стао, ту є и остао,
Докъ годь види цареву заставу,
И докъ знаде цара у животу.
Њи ће валят' сѣћи и сасѣћи,
Бы-ће посла за добра юнака.
Балдовину оставимо Нѣмце.
А Сремцима мислимъ свѣтовати,
Да се они ману коняника,
Већъ некъ конѣ гледе да уморе,
Ови коплѣмъ а они стрѣлама,

Други ноге нек' имъ мачемъ сѣку,
Види-ћемо, поплаши-ћемо ій,
Остави-ће и насъ и Бугаре,
И побѣћи безъ трага и гласа."
Кадъ є Душанъ бесѣду свршіо,
Све войводе кликомъ ускликнуше:
„Буди нама у бою войвода,
Сви ћемо те радо послушати!"
А царъ Стефанъ рѣчь є прехватіо:
„Свѣтлый кралю, и любезный сыне!
Кадъ си тако добро размисліо,
А ты гледай, па добро и сврши.
Я ћу быти са мои Рашчани,
Поредъ мене Владиславъ съ Захумци,
Сремци свога войводу имаю,
А Поморци и нова дружина
Нека Вратка слушаю жупана,
Балдовинъ ће своє управляти,
А ты твоє храбре подай Срблѣ
Или Бући ил' Бориловићу,
А самъ води мою цѣлу войску,
Сви ћемо те радо послушати."—
У том' бѣла зора заплавила,
Войводе се къ войскама разиђу,
Да се свойски за борбу преправе.

Кадъ се сунце на небу укаже,
Цѣлу войску преправну застане.
Чека Душанъ да Бугари доћу,
Ал' се они ни съ мѣста некрећу;
Проће ютро, проће данъ до подне,
Іоштъ Бугаринъ ударат' немисли.

А кадъ сунце на по дана было,
Рече Душанъ Срблѣмъ ударати. —
Боже милый и Богородице!
Кадъ се силне две састаше войске,
Затресе се земля подъ ногама,
А загрми небо надъ главама
Одъ силены юначки гласова,
И громовны труба убоиты,
И ржаня коня одъ мейдана.
Кадъ удари Србльинъ на Бугара,
Стои лупа челичны оклопа,
Стои цика огнѣны мачева,
Стои кршка убойны копаля.
Како сложно Србльи ударише,
Бугари се мало препануше,
Єданъ коракъ натрагъ потргоше,
Ал' се таки люто покаяше,
И на Срблѣ оштро навалише,
Да ій крену съ мѣста ограблѣна:
Но су Србльи одъ камена стѣна,
Кренути се ни стопе недаду,
Већъ се боре као и лавови,
Коплѣмъ боду, а мачеви сѣку,
Буздовани оклопе лупаю.
Навалюю юначки Бугари,
Као силни на мору таласи,
Стоє Србльи юначко колѣно,
Као брегови одъ синѣг' камена.
Ништ' се незна, коме срећа служи.
Само с' чує якъ и врисканѣ,
Люта псовка, и крвничка клетва. —
Душанъ има око соколово,

На све стране види, шта се ради;
Оным' шилѣ добре заповѣсти,
Овдѣ помоћь своіомъ мишцомъ дає.
Крваве се Сремци са Кумани,
Ови хитри, они іоштъ хитріи,
Добри стрѣлци и єдни и други.
Што є више на брою Кумана,
То вештиномъ Сремци допунише;
Свакій одъ њи по две пушта стрѣле,
Съ обе руке стрѣлят' научени.
После кратког' боя жестокога,
Грдну штету опазе Кумани,
И разспу се на све четиръ стране,
Као плева ветромъ разнешена.
Райко стане, да зной съ чела сатре,
А Душанъ га по рамену куцне:
„Право, Райко, весела намъ майка,
Ты изврши како бы најболѣ.
А садъ пошљи єдну чету малу,
Нека гони ове кукавице,
Да с' нескупе, на ново не дођу;
Ты съ другима одмори се мало,
Па на нове чекај заповѣсти.“
То изрече вине с' као муня,
И одлети преко поля бойна,
Да погледи како Вратку иде
Противъ оны жестоки Татара.
Све є кралю по желњи испало.
Вратко старый са свои Поморци
На Струмицу нагнао Татаре:
Кои први дошли на Струмицу,
Препливали на добри коњици,

И отишли право у Татарску,
Да са србскимъ плѣномъ се похвале;
Други такве сгоде неимали,
У мутной се води потопили;
Трећи гину одъ србски копаля,
Оштры стрѣла и люты мачева.
Не бы дуго боя жестокога,
Чисто полѣ одъ бѣсны Татара,
Изъ далека облаци се виде,
Одъ прашине исподъ бѣгаюћи.
Вратко коня текъ заустaвіо
И туріо саблю у корице,
А краль младый войводи повиче:
„Одмори се, мой добрый старино,
Како си ій люто заплашіо,
Татари се заустaвит' неће,
Докъ небуду изза Цариграда.“
На ободе коня виловита,
И вину се преко поля бойна,
Оде управ' француской дружини,
Па говори кнезу Балдовину:
„Како, кнеже, тебе срећа служи?
Сремци своє разсули Кумане,
Жупанъ Вратко Татаре крстіо,
Како твои владаю се Нѣмци?“
Кнезъ Балдовинъ кралю одговара:
„Хвала, кралю, на таковом' гласу!
Нѣмци су се яко укопали,
Немогу имъ ни са коє стране.
Доста ми є изгинуло людій.
Садъ ћу грунут' изъ све моє снаге;
Или ћемо садъ Нѣмце пробити,

Ил' до єдног' овдѣ изгинути."
То изрече, заповѣсти даде,
Сиђоше се нѣколико друга,
Люте саблѣ у зубе узеше,
Съ обе руке копля убоита,
У юришу Нѣмце нападоше,
Копляма имъ конѣ уморише,
Међъ првыма врата отворише;
За ньима є Балдовинъ пристао
Са дружиномъ на лаки коньици,
Ускочіо съ ньима у душмане,
Напредъ себи силно путе крчи,
Неможе му нико одолѣти.
Измешаше с' Нѣмци и Французи.
Па да видишъ тежка окршая,
Кадъ се дивльи клат' сташе звѣрови,
Люти тигри съ яростны лавови.
Црна крвца потокомъ се просу,
Напуни се полѣ мртвацима. —
Душанъ къ своим' похитіо Срблѣмъ,
Нашао ій у крвавом' кланю.
Неда Србинъ ока отворити,
А Бугаринъ жмурећки удара.
Гди удара рука одъ Србльина,
Онде крвца све таласомъ врца;
Гди удара рука Бугарина,
Одъ оклопа комаће одлеће.
А да видишъ србскогъ цар' Стефана,
Како сабля у руци му игра.
По двоицу на коплѣ набія,
Упропнице дората наганя,
Конѣмъ гази а мачемъ убія.

Ал' є пуста сила у Бугара,
Єданъ падне, двоица г' замену.
Дуго су се єдномъ срећомъ клали:
Нит' се даю Бугари пробити,
Нити могу Срблѣ да пробію.
Кадъ то види кнеже Владиславе,
Онъ одбаци коплѣ убоито,
Съ обе руке сграби палошину,
Па завитли себи изнадъ главе,
И пусти га пасти на Бугаре.
Четворицу на махъ оборіо,
И на ньино мѣсто ускочіо,
Па другій путъ палошъ завитліо,
Съ четворицомъ путъ си прокрчіо.
Кадъ то чудо Бугари видише,
Несмедоше кнеза дочекати,
Праве нѣму на све стране пута,
Као своме цару Михаилу. —
Царъ Михаилъ Срблѣ салетіо,
Као орао сиве соколове.
Єсу Србльи на гласу юнаци,
Ал' какавъ є царе Михаиле,
Неможе га нико издржати.
Яши царе коня халовита,
Зубма гризе, а ногама гази,
Ни на близу неда приступити.
А царъ носи коплѣ убоито,
Гди удари, онъ скрожѣу пробія,
И обара коня и юнака;
А гди падне царевъ палошина,
Ил' просѣче, ил' у землю сбіє.
За царомъ су Бугари пристали,

Хтѣше Срблѣ заиста надбити.
Но садъ види царе Бугарине,
Гди Владиславъ Бугаре му коси,
Као жетаоцъ сазреле класове.
Онъ се мане Срблѣ поражават',
Остави ій своим' Бугарима,
А онъ коня обрне Витеза,
И предъ кнеза оде Владислава.
Изъ далека нѣму довикує:
„Стани, кнеже, остави Бугаре,
Я самь твоє Срблѣ оставіо;
Єси л' юнакъ ево ти юнака,
Стани, кнеже, да се огледамо."
То изусти а коплѣ изпусти,
Лупи кнеза у груди юначке;
Како га є лако ударіо,
Кнежевъ ђогатъ на стражницу сѣо,—
Ал' изъ сѣдла кнезъ се некренуо;
Па потргао мача пламеннога,
И на кнеза юришомъ напао,
Недао му ока отворити:
Но се брани кнеже Владиславе,
Съ шестопернымъ своимъ буздованомъ,
На буздованъ мачъ є дочекивао,
Одъ себе га вешто одбіяо,
Свом' ђогату ребра претискао,
Три аршина натрагъ поскочіо,
Палошину грдна завитліо,
Пустіо га на цара бугарска.
Да ухвати цара палошина,
Са земльомъ бы нѣга саставіо,
Ал' є царе съ конѣмъ варакнуо,

Избѣгао исподъ палошине.
Садъ се зачу вриска одъ Бугара,
Царъ погледи, има шта видити,
Србльи натрагъ узбили Бугаре,
И нагнули на заставу царску.
Око нѣ су найбольи юнаци,
Све по изборъ млади оклопници,
Ни єданъ се съ мѣста свог' некреће,
Погину-ће, ал' се маћи неће:
Ал' су Србльи люто притиснули;
Єдни знаду, шта добити могу,
Други знаду, шта ће изгубити,
Па се єдни узъ друге притисли,
Побацали копля и мачеве,
Повадили огнѣне ножеве,
Па се грле, а ножеви колю.
Царъ се прену, неволю опази,
И остави кнеза Владислава,
А похита у помоћь своима.
Не бы царе оставіо кнеза,
Поуздао бы с' у своє Бугаре
И у славногъ свога стѣгоношу,
Већъ опази предъ Србльи юнака,
Надъ своимъ войскомъ перо му се тресе,
У высини равна непознає.
Види царе, како юнакъ сѣче,
Хоће нѣму сасѣћи Бугаре,
Погуби-ће Кракрина унука,
И оте-ће цареву заставу.
Зато царе кнеза оставіо,
Похитао у помоћь своима.
Похитао, ал' доцканъ дошао,

Єръ юнака нико неподнео.
Тако сѣче цареве Бугаре,
Као косіоцъ ливадске цвѣтове,
Тако гони цареве деліє,
Као орао птице голубице.
Потукао, што му на путъ стало,
Разтерао, што утеѣи могло,
Стѣгоношу крозъ срце пробіо,
И отео цареву заставу.
Садъ весело Србльи закликташе,
А Бугари никомъ поникоше.

Вечъ се сунце западу нагнуло,
Кадъ Бугари барякъ изгубише.
Ал' ето ти цара Михаила,
Издалека громогласно виче:
„Стани, момче, съ царевымъ барякомъ,
За царево съ царемъ се погаѣа.“ —
Душанъ даде барякъ Витомиру,
(Онъ га добы, весео му бабайко!)
Па с' окрену цару бугарскоме,
И овако нѣму проговара:
„Правда, царе, овамо те води!
Преправи се, да ти платимъ любавь,
Кою си ми тетки учиніо.“
Царъ Бугаринъ кралю одговара:
„Та ты ли си, крвничко колѣно!
Хвала Богу, кадъ се тако деси.
Волемъ тебе овдѣ погубити,
Него Трновъ съ тобомъ срамотити.“
То изрекао, на краля напао;
Конь му лети, ка'нда има крыла,

У махъ єданъ на све четиръ стране;
Као муня кралю прискочіо,
Као муня натрагъ одскочіо,
А царъ съ мачемъ у десници руци,
А у лѣвой съ коплѣмъ убоитымъ,
Сѣче, боде, и съ десна и съ лѣва,
Неда кралю ока отворити.
Обе войске стале па гледале,
Коме ће се срећа насмѣяти,
Србском' кралю ил' цару бугарском'.
Србље ладна брига обузела,
Єръ є силанъ царе Бугарине,
А Душана текъ пробила брада;
Бугари се побѣди надаю:
Свакій види, сва садъ срећа лежи
У мишица ова два юнака.
Гласъ допаде србском' цар' Стефану:
„Зла ти срећа, србскій цар' Стефане,
Хоћешъ данасъ сына изгубити,
Напао га царе Бугарине,
Хоће нѣга погубити млада.“
Кадъ то чуо србскій царъ Стефане,
Рашчане є своє оставіо,
И безъ душе похитао сыну,
Да га своимъ одкупи животомъ;
Нашао сына у великой бѣди
Одъ силнога цара бугарскога.
Ал' є Душанъ юначко колѣно,
Кадъ видіо, да немож' ударат',
На умъ узео, како да се брани.
У обрани юнакъ се познає,
Као у истом' оном' нападаню:

Свакій ударъ царевъ дочекао,
Учиніо да празанъ остао.
Већъ хиляда пало удараца,
А ни капля непотекла крви.
Чудно с' чини Срблѣмъ и Бугаромъ:
Срблѣмъ сташе срца сгрѣвати се,
А Бугаре гроза пролазити,
Єръ видише да се царъ сустає.
Слабіи су нѣгови ударци,
Слабіи су и реѣе падаю.
Коня му є пѣна попанула,
Пола бѣла а пола крвава.
Садъ є Душанъ коплѣ угодіо,
И на цара юришъ учиніо,
Намисліо у прси юначке;
Ал' є Витезъ коньицъ одъ мейдана,
Познао є, шта юнаку прети:
Упропнице Витезъ подскочіо,
Коплѣ бойно у прси приміо,
Избавіо свога господара,
Ал' живъ ніє до землѣ дошао.
Скочи царе са коня Витеза,
Душанъ скочи са свога Алата,
Срамота се нѣму учинило,
Ударити на пѣшца коньнику.
Па потеже мача огнѣнога,
И нападе цара бугарскога,
Притискао, неда одданути,
Мило цару враћао за драго.
Єл' краль быо у невольи лютой,
У црньой се сада царъ нашао;
Неможе се доста наодбіят'

Учестаны люты удараца.
Кадъ Душану игра додіяла,
Сграби мача са обадве руке,
И прискочи цару бугарскоме,
Удари га ударцемъ юначкиимъ
Посредъ главе преко перянице.
Затресе се царе одъ ударца,
Затресе се, на колѣна паде,
Како паде више неустаде,
Крвъ га обли на землю се свали;
Лютый челикъ перѣ пресѣкао,
И на глави оклопъ просѣкао,
И крозъ мозакъ скрожѣу прохуктіо,
На две поле главу развалiо:
– Мртавъ оста царе Бугарине. —
Србска войска кликомъ ускликнула,
А бугарска никомъ поникнула. —

Браничевци и млади Кучевци
Немогоше срцу одолѣти,
Гледаюћи юначко веселѣ,
Веѣъ са своимъ воѣомъ виловитымъ
Наѣоше се Бугаромъ за леѣи,
Па са Сремци и хитры Поморци
Начинише оборъ страховитый,
Колѣ копля, а поплетъ палоши,
Тежко сваком', кои є у нѣму,
А іоштъ горе, кои крозъ нѣга нагне.
У невольи Бугари се нашли,
Главе нема, уредбе нестало,
Нико незна, шта му чинит' валя.
У Србаля срце с' разгреяло,

И юначке мишце разиграле,
Као репу све бы порыбали.
Ал' недао србскій царъ Стефане,
Већъ дозыва предъ себе гласника,
Учи нѣга, шта ће говорити,
Па га шилѣ предъ бугарску войску.
Оде гласникъ, па громко повиче:
„Чуйте мене, бугарски юнаци!
Поздравъ вама одъ цара Стефана.
Цару жао крви одъ юнака,
Вама доста славе и юначства.
Богъ є казао, коя-й глава крива,
Коя-й крива, садъ већъ нієе жива.
Одпашите свѣтло оружіе,
Полож'те га предъ ноге кралѣве:
У нѣга є милость превелика,
Све ће примит' као пріятелѣ,
И како є лѣпо за юнаке.
Ако л' нѣговъ непримите савѣтъ,
Учини-ће, што учинит' мора,
Све до єдног' хоће погубити,
Некъ се сатре и сѣме неправде,
У онима, кои ньойзи служе.“
Кадъ Бугари саслушали рѣчи,
Међъ ньима се дигла халабука,
Као кадъ се громовни облаци
Удараю съ ужаснымъ трештенѣмъ.
Паметъ каже послушати краля,
А крвь врела хвата за оружѣ:
И бы крвца паметъ надвладала,
Да с' недиже Деспотъ Елшимире,
И са свога великог' кулаша,

Обливеног' крвлю одъ юнака,
Своим' ове неповиче рѣчи:
„Погледайте мене и кулаша!
Кулашъ ми є у крви огрезао,
И моє є, ал' є више туђе;
Я у грудма грдну носимъ рану,
Одъ коє вамъ преболѣти нећу.
Кои коня тако зна окупат',
Неплаши се копля ни мачева;
Ко смрть ладну носи у нѣдрама,
Нема с' чуват' одъ смртног' ударца.
Чуйте мене, па ме послушайте,
Више ми є одъ лютине правда,
Одъ сяйности милія истина.
Прим'те савѣтъ србског' цар' Стефана,
Прим'те милость, кою нама дає,
Остав'те се крвавог' душманства,
И будите Србльмъ пріятельи.
Докъ є было цара Михаила,
Свакогъ дужность за њимъ є водила,
Нѣгово є ствари было судит',
Што онъ рекне, наше извршиват':
Нѣга ніє, — садъ морамо съ правдомъ,
А правда є са кралѣмъ Стефаномъ.
Ил' срамоте боє се юнаци?
Срамота є съ безбожны мачеви
Правду гонит', Богу пркосити,
И умрети, као разбойници;
Ил' сте ради ваше сачувати
Домъ одъ огня, дѣцу одъ мачева?
Мы смо Србльмъ добро учинили,
Изгинути безъ бриге можемо:

Бы-ће дима по земльи бугарской,
Као што є по Србіи было,
По Загорю потећи ће крвца,
Као што є текла по Елгосу!
Предъ вама є правда и благословъ,
За вама су ваши наймиліи:
Ко за правду бойно коплѣ носи,
И мачъ паше, да му свой непроси,
За мномъ айде србском' цар' Стефану".
То рекао, кулаша стегао,
Право пошао, куд' за добро нашао,
А за ньиме сва се дала войска.
Найпре своє велике войводе
Одпасаше свѣтло оружіє,
И предъ ноге кралю положише,
Па за ньима манѣ четовоће,
А за овым' други витезови,
И остала сваколика войска.
Текъ што войска предала оружѣ,
Ал' повика Деспотъ Елшимире:
„Хвала Богу, я умиремъ мирно,
Бугарска є моя избавлѣна."
То говори, а съ душомъ се бори.
Притекоше са помоћу руке,
Скинуше му челичне оклопе:
Ал' смрть тѣло пре скинула съ душе;
Подъ оклопомъ юнакъ издануо.
На прси му грдна рана плюшти,
У лопте се крвца усирила,
Оштро коплѣ провалило груди,
И край срца отворило врата,
Те са крвлю животъ изышао.

Уздануо српскій царъ Стефане,
Обе са ньимъ уздануле войске,
А Бугари и сузе пролили.
Однели су мртвога юнака,
Метнули га край нѣгова цара,
За кога є животъ изгубіо.—

Бога хвали српскій царъ Стефане,
Пада царе земльи на колѣна,
А за ньиме цѣла српска войска.
А кадъ свою свршише молитву,
Краль дозыва свога милогъ сына,
Па га грли, у чело га люби,
И овако нѣму проговара:
„Милый сыне, милый мой Душане,
Ты освѣтла образъ нама свима.
Єсамь тебе кралѣмъ учиніо,
Да-ћу теби цѣлу кралѣвину,
Єси и нѣ и іоштъ веће вреданъ.“
А сынъ отца у десницу люби,
И овако нѣму одговара:
„Што самь годь я, отче, учиніо,
Ако ти се хвале види вредно,
Ніє манѣ твоє, него моє,
Ты учини, а крозъ мою руку.
Што си мене кралѣмъ учиніо,
Силномъ си ме милошћу обліо;
Ал' одъ малог' духа родителя,
Сынъ велике невиди милости.
Што ми мислишъ кралѣвину дати,
Ты-ћешъ дати, я нећу пристати;
Зао отацъ, кои ништ' не дає,

Горій сынъ є, кои све узима.“
Боже милый, да лѣпа угледа!
Отацъ сына сладко загрліо,
Суза му се низь образъ котрля;
А у войсци радость узкипила,
Сви весели у гласъ повикали:
„Да Богъ живи и отца и сына,
Равне ньима раѣала Србія!“—
Кадъ краль Стефанъ войску прегледао,
Не бы много изгинуло друга;
Одъ войвода ни єданъ непао,
Ал’ ни єданъ безь ране неостао.
Бугара є половина пала,
Подъ Земляномъ подъ крвавымъ градомъ,
Све є полѣ у крви огрезло,
Струмица се у крвь учинила.
Много благо Стефанъ задобыо,
Меѣу войску право подѣліо;
А одъ оног’ што є заостало,
Высоке є сазыдао Дечане,
Да є споменъ одъ вѣка до вѣка,
Како правди и самъ Богъ помаже,
А неволю шилѣ на неправду.
Онда было, садь се преповѣда,
Одъ мен’ пѣсма, одъ Бога вамъ здравлѣ.“ “

Кадь є пѣсму Драгославъ свршіо,
Кнезъ Владиславъ нѣму проговара:
„Башъ ти хвала на той пѣсми старче!
Єси момче све добро казао,
И спѣвао, као што є было.“
Говори му србскій царъ Стефане:

„Живъ ми быо, моя вѣрна слуго!
Кадъ си мени кнезу угодіо,
И гостима радость учиніо,
Най ты, слуго, ову купу златну!
Изъ нѣ царъ є піо Бугарине:
Нек' ти она споменъ царевъ буде,
Кадь си тако лѣпо г' опѣвао.
А одъ стары чуо єсамь людій,
Да найболѣ увѣкъ доликує
Златной купи и вино одъ злата."
Па извади стотину дуката,
У купи ій Драгославу дає.
Старацъ узме кралѣвско уздарѣ,
Люби краля у скутъ и у руку,
Кланя му се до земльице црне,
Па одлази нове спѣват' пѣсме,
И юнаке прославляти србске. —
Гости іоште осташе весели,
Нѣшто пише, нѣшто диванише;
А кадь поноћь быя превалила,
Дигоше се, кралю захвалише,
И одоше свакій дому своме,
Самъ остаде србскій царъ Стефане,
Са Маріомъ, са свѣтломъ кральицомъ.
Весео краль є, што є светителя
Тако славно прославіо свога,
Ал' кральица пуно невесела;
Облакъ іой се на лице навукао,
А очице на плачъ іой готове.
Питао є србскій царъ Стефане:
„Шта є теби, моя вѣрна любо,
Те си тако невесела яко?

Нисмо л' светца добро прославили?
Нисмо л' госте добро дочекали?
Или те є ко годь увредіо,
Увредіо, или уцвѣлио?
Кажи мени, моя вѣрна любо,
Могу ли те съ чимъ годь развеселит,
Хоћу любо, живота ми мога!
Сви су гости весели ми были,
Хвала Богу и любави ньиной!
Заръ да сама моя домаћица,
Одъ Србіє пресвѣтла кральица,
Одъ мог' дома зелена гранчица,
Данасъ буде тужна, невесела?
Ишти, душо, што є теби драго,
Само ми се данасъ развесели!"
Одговара кральица Марія:
„Добро с', кралю, светца прославіо,
И добро си госте дочекао,
Ніє мене нико увредіо, —
Али ми се срце разцвѣлило,
Слути ми се, добро быти неће.
Хоћу, кралю, све казати теби,
Најболѣ се любавь награђує,
И најлѣпше чистомъ искренношћу.
Самъ то видишъ, нећу да ти кажемъ,
Како народъ за Душаномъ гине;
Више нѣга люби и поштує,
Него тебе, благогъ краля свога." . . .
Проговара србскій царъ Стефане:
„Хвала Богу, хвала Єдиноме!
Слава сына отчина є дика;
Нѣга любе, мени срце игра;

Нѣга славе, мени круна расте.“
Одговара кральица Марія:
„Немой, кралю, пресѣцат’ ми рѣчи;
Одслушай ме до края бесѣде,
Онда чини, како теби драго,
Мени никад’ кукати негине,
Све л’ изгубимъ, то ми заостає,
Најболѣ є одъ данасъ почети. —
Докъ є дѣте іоште младо было,
У слави є желю свршивало,
У похвали свог’ отца и краля
Сву награду дѣла налазило.
Изъ дѣтета човекъ є постао,
Научіо быти господаромъ;
Празне славе вечь се заситіо;
Старіега у отцу невиди,
Вечь равнога, или слабіега.
Заповѣсти чудне єсу сласти;
Духъ немиранъ све за вечимъ гине;
Налазе се, кои ватру стичу,
И буктећій пламенъ подпирую.
Све се боимъ, добро быти неће.
Ты си, кралю, анђелске доброте,
Па, знашъ, шта є случай учиніо,
А безь твоє волѣ и кривице:
Ал’ Душанъ є духа жестокога,
Неће хтѣти мученикомъ быти,
У отцу ће видит’ противника;
А рука є у Душана снажна,
Крвь ће народъ за нѣга пролити;
Може быти велике несреће.
Зашт’ га ніє данасъ у Призрену?

Кадь є дошао кнеже Владиславе,
И дошао Воинъ изъ Приморя,
И толике изъ землѣ владике,
Зашт' онъ ніє отцу на свечари,
Као сваке досада године?
Већъ у Скадру крстно име слави,
Сакупіо младежь огнѣвиту,
Онъ ньи части, они нѣга дижу,
И говоре о славным' боєвма,
Коє ћеду съ ньиме воєвати,
И говоре о силным' земляма,
Коє ћеду съ ньиме придобыти,
Тужно жале, што се тако мора,
У нерадньи време проводити,
Съ добра срца смиренога краля,
Кои б' быо манастиру дика,
Задобыо вѣнацъ светителя.“ . .
Краль се дуже задржат' немогао,
Већъ є ове истискао рѣчи:
„То су, любо, све сами санови,
Ил' санови, или опаданѣ.
Докъ є мене и на мени главе,
Свой ће животъ за мой Душанъ дати,
Ал' на жао отцу неучинит'!“
Вели нѣму кральица Марія:
„Ты си отацъ, коєм' нема пара,
Сынъ си быо равнога немао:
Почувай се одъ твоє судбине,
Као отацъ да тако не проѣешъ,
Као што си као сынъ прошао.
Моє рѣчи сановма называшъ,
Ил' санов'ма или опаданѣмъ:

„Добра т' стоимъ, да санови нису“ —
„А ты кажи мени опадника,
Да г' научимъ сѣяти омразу
У светоме дому Неманьином'!“
Тихо кралю кральица говори:
„Я то мислимъ, српскій цар' Стефане,
Да су оно наши пріятельи,
А не твога сына опадници,
Кои нама добаръ савѣтъ даю,
А на нѣга злоће неговоре.“ . .
Краль кральици потише говори:
„Кажи те ми пріятелѣ присне,
Челенке имъ треба дати златне.“ . .
Вели нѣму кральица Марія:
„Немогу ти волю испунити;
И самъ знадешъ, српскій цар' Стефане,
Да у ватри дѣло човекъ сврши,
За коє се свег' кає живота.
Што я желимъ, може безъ тог' быти;
Садъ немогу, другій путъ ћу т' казат'!—
Я се боимъ, српскій цар' Стефане;
А и како не бы се бояла,
Кадъ се такви разносе гласови,
Ил' истинни, или лажни были,
Зло се, кралю, може догодити.
Єли было кодъ тебе истина,
Што су злобни говорили люди,
Па каква се родила несрећа!
Ништа ніє, то и сама кажемъ;
Да мож' быти, помислит' се дає.
Ако хоћешъ, да я будемъ мирна,
Ако хоћешъ, да будемъ весела,

Ніє много, што одъ тебе тражимъ;
Више с' дао старцу Драгославу,
Што т' є славу опѣвао сына.
Зови къ себи изъ Зете Душана,
Држи нѣга у твоєму двору,
Предъ твоима нек' буде очима.
Подай нѣму дѣла знаменита,
Нек' се слави по свем бѣлом' свѣту:
Ал' узми му изъ руке оружѣ,
И уклони сгоду опаданю.
То те молимъ, то ће ме смирити,
То ће мене учинит' веселомъ!"
Кадь є ове заключила рѣчи,
На краля є очи управила;
У сузама зѣнице пливаю;—
Іоштъ се незна, ил' ће суза туге,
Ил' радости низь образъ канути.
Краль є дуго почутіо време,
Па є тужнымъ започео гласомъ:
„Ніє добро, нѣка с' судба справля,
Надъ куѣомъ ми небо се облачи.
Пази, любо, живота ти мога!
Ты небуди удой срећи рука.
Громъ неиде, кудъ га човекъ жели,
Већь онъ грува, куд' му законъ вели.
Нека буде што си заискала!"
Заплака се кральица Марія,
Одъ радости разширила руке,
Свога краля сладко загрлила,
И образе нѣму излюбила,
А краль ньойзи румена усташца.
Краль є люби, овако іой збори:

„Любо моя, ове памти рѣчи:
Нико тако навест' ме неможе,
Да учинимъ, што ми с' небы хтѣло,
Као твоя суза и осмѣякъ,
Єрь те любимъ изъ свег' срца мога.
Ал' съ Душаномъ немой завадит' ме!
У Душана анѣелска є душа;
Но ће люди єдва дочекати,
Упропастит' мене или нѣга.
Єдно ми є тебе ради тежко,
Друго небы преживит' могао.
Ты неслушай, што доносе люди,
Пріятельи ил' непріятельи,
Шкоде много и єдни и други.
Мысмо нѣга ето увредили.
Зашто нѣму землю одузимамъ,
Кою самь му съ правдомъ поклоніо,
На ономе полю крвавоме,
Коє онъ є тако прославіо,
Да му нема у старини пара?
Зато, мила душо и кральице,
Када Душанъ у двору намъ буде,
Накнади му материномъ милошћу,
Што са сумнѣ садь му узимамо.
Нека Србльинъ найславніи види,
Да є овдѣ у отчином' двору,
Кодъ свог' отца и у своіой кући;
Нек' му тежка та мисао недоће,
Да є овдѣ у тужном' сужанству,
У душманском' двору и окову,
У Србіи єданъ заточеникъ.
Знамъ я добро, онъ ће осѣтити,

Зашто нѣга я у дворъ позывамъ;
Ал' ће доћи, о том' недвоумимъ,
Изъ тог' зна-ћешъ, да о злу немисли.
А садь айде, лѣпа моя душо,
Мирно спавай, сладке сане снивай!
Наша врата самъ Арханђелъ чува,
И са њиме любавь одъ Србіе!"

Пѣсма трећа.

У лiепу долу Озроєву,
Надъ веселымъ надъ селомъ Зерзевомъ,
Край Планика широка потока,
Подигла се кула у облаке,
Ограђена дубоки яркови,
И дебелы свуда бедемови,
И растовым' чврстым' капіяма,
Окованым' одъ гвожђа преплетомъ,
Коє само онда спуштаю се,
Кадъ се кули пріятель приближи.
Капіє су граду отворене,
Єрь господаръ сѣдый изшетао,
Госте чека, предъ ньи изишао.
Єсте єсень, Арханђео прошао,
Ал' є данакъ да му нема пара;
Плаво небо блиста с' безь облачка,
Сунце чисто као окупано,
Нема оне млазе одъ запаре,
И не пече, већь тихо огрѣва;
Травица є бисеромъ посута,
Драго дркће на свакой каменѣ;
Поточићи умилно жуборе,

Умилніє него у пролеће,
Ил' заиста, ил' се само чини,
Што ће скоро занемит' морати,
Подъ дебелымъ одъ леда оклопомъ.
Сѣо старый господаръ одъ града,
На сѣчену одъ камена клупу,
А унука кодъ свог' дѣде стала,
Лѣвомъ га є рукомъ загрлила,
Главу свою къ нѣговой пригнула,
Па се игра са сребрномъ брадомъ.
Єси био предъ жетву на њиви,
Єс' видіо оно зрело влаће,
И међъ влаћемъ онай плавый цвѣтакъ, —
Одъ обадва коє є миліє,
Коє ли є оку пріятніє?
Тако стои край дѣде унука.
Старцу време косу убѣлило,
Па се бѣла одъ сребра нестиди,
А године чело разшириле,
И темену накитъ одузеле,
Ал' са лица руже неузбрале,
Нити тѣлу снагу уграбиле:
Остаріо, ал' юнакъ остао.
Све є добро, само єдно ніє;
Ево десетъ већъ има година,
Како сунце за нѣга несія,
Како данъ се за нѣга небѣли:
Очи има као у сокола,
Али бѣла онъ невиди свѣта. —
Дѣвойче є у првоме цвѣту,
Као любакъ одъ руже пуполякъ,
Кои нѣдра текъ є отворіо,

И милине текъ слутити дає,
Сама цѣла єдна чаролія;
Нит' се знаде, шта є кодъ нѣ лѣпше,
Смеђа коса, одъ свиле повесмо,
Или чело, милине сѣдало,
Или очи, срца огледало,
Гди се види Любавь и Невинность,
Ил' образи млекомъ наливени,
И руменомъ ружомъ натрвени,
Или росне ягодске устнице,
Коє крыю два низа бисера,
Ил' вратъ бѣлый, дика одъ лабуда,
Или цѣло оно обло тѣло,
Коє 'но є поносито раст'ло
Узь боръ витакъ и високу єлу,
Са свим' чинма здравля и младости,
И милиномъ красне дѣвичности.
А цѣлу є лѣпа нѣна душа,
И свесилна лѣпог' тѣла тайна
Обасула своіомъ чароліомъ,
И мирисомъ цѣлу обавила;
Невинность є ясношћу облила,
Какву глави дає светительской,
Коя оку видити неда се,
Али срце чудесно привлачи.
Дѣда ћути, ништа не говори,
Нит' се миче, нити се помиче,
Као онай образъ одъ мермера;
Збыля му се на лицу развила,
Види му се на дубокой мисли,
Да за собомъ дугій животъ има,
А предъ собомъ вѣчность отворену.

Дѣвойчица съ брадомъ му се игра,
Съ ньомъ се пгра, на што друго мисли,
Часъ с' осмѣне, а часъ се намршти,
Часкомъ іой се уздысай украде,
Ал' уздысай срца пресрећнога,
Не уздысай туге ил' чезненя.
Немиръ іой се на образу види,
Часъ є блећій а часъ руменіи;
А хальина подъ грломъ скопчана
Неєднакимъ дркће таласанѣмъ.
Єсте немиръ, ал' ніє одъ туге;
Рекао бы, дуго недолази,
Што бы желя, да є ту одавно.
Садъ старина тихо проговори:
„Десетъ проће већъ година тужны,
Како дѣда своє дѣте грли,
А сладке му невиди очице!
Ты си онда мало дѣте была,
Шестъ година текъ што си имала.
Све те видимъ, како къ мени трчишъ,
И носишъ ми цвѣтакъ ил' лѣптирче,
И пружашь ми твоє медне устне,—
Мислишъ бѣгат', а полюбаць даешъ,
Хоће дѣте дѣду да превари.
Кажи дѣди, мило моє дѣте,
Єси ли му и садъ тако лѣпа,
Тако лѣпа, тако умилята?"
Она нѣму стидно одговара:
„Питай зато, милый мой дѣдушко,
Бистрый потокъ, и бѣлогъ голуба;
Надъ потокомъ често се умивамъ,
Са голубомъ често с' разговарамъ!"

Насмѣя се дѣда одговору:
„Я самь питао потокъ и голуба.
Потокъ каже: Анѣелія-й лѣпа,
Ал' одъ скоро лѣпшомъ быти тражи,
Цвѣће бере, у косу уплиће,
Мене пита, коє доликує.
Є ли тако, моє дѣте сладко?“
Да є дѣда могао видити,
Спазіо бы ватру на образу,
Какву дає мисао погоѣена.
„Голубъ каже: Анѣелія пріє
Сладке мени давала є рѣчи,
И медены са устана зрна,
Ал' садь неће на мене да гледи.
Нит' ме рани, нит' пои изъ уста,
А я волѣмъ съ нѣне устне мрва,
Нег' бисера са златног' таньира!
Я самь нѣму на то говоріо:
Немой тужит', мой бѣлый голубе,
Ниси само ты те среће 'уде,
Ни я болѣ нисамь ти прошао.
Одъ пріе се моя Анѣелія
Съ дѣдомъ своимъ много забавляла;
Молила га, да іой преповѣда,
Што-й у дальнымъ' видіо земляма,
Ил' є сама нѣму говорила,
Како лѣпо нѣно цвѣта цвѣће;
Око нѣга несташно-й скакала,
Као лане око своє майке:
Ал' садъ тако, мой голубе, ніє!
Анѣелія кодъ свог' дѣде сѣди;
Дѣда ѣути, Анѣелія ѣути,

Немож' дѣда рѣчи да дочека;
Дѣда люби, а она уздише;
Сѣди съ дѣдомъ на єдноме мѣсту,
Као бака одъ стотину лѣта.
Єли тако? моє дѣте сладко!“
Ньой образи, жива ватра пламте,
А очице у травицу гледе. —
Садь се зачу топотъ изъ далека,
Таки за тымъ коняникъ се яви;
Трчи юнакъ, као да га гоне,
И да има одъ смрти утећи.
Кадъ га вид'ла лѣпа Анѣелія,
У нѣдри іой срце заиграло:
„Ево кнеза!“ весело повиче,
Па се сама одъ свог' тргне гласа;
Дигла с' нога, да предъ нѣга пође,
Ал' се натрагъ устопце повукла;
Рѣчій дѣде унука с' сѣтила.
Кнезъ кадъ дође, съ добра коня скочи,
И пусти га куда нѣму драго,
А онъ приђе къ старцу и дѣвойцы:
„Богъ помажи! кнеже Гребостреку!
Богъ помажи! лѣпа Анѣеліо!
Ніе могло небо саставити
Двоє людій лѣпше ни сгодніе,
Него дѣду и лѣпу унуку:
Онъ є витезъ а она лѣпота,
Себи равна ни єдно не знаде.“
Одговара Гребострекъ Новаче:
„Божя т' помоћь, одъ Жиглова кнеже,
Божя т' помоћь, и добро намъ дошао!
А гди намъ се Деанъ задржао?“

Одговара Жигловићу кнеже:
„Гонили смо конѣ у окладу,
Є л' одъ Виле бржа Ластавица:
Моя Вила окладу добыла,
Оставила птицу Ластавицу.“
Докъ є ове говоріо рѣчи,
На дѣвойку очи управіо,
Па є гледи, као майка єдинче,
Неможе се ситъ є нагледати.
А кадъ рѣчи краю дотерао,
Обе своє разширіо руке;
Нѣно срце къ нѣговомъ' полєти,
На устнама састану се душе,
На устнама у сладком' полюбцу.
Тако две се бисерне капльице
Росе слію на зеленом' листку!
Како єдна другу душа люби,
Полюбацъ бы довѣка траяо,
Да с' на земльи свє разстат' немора,
Устна съ устномъ, одъ милога драго.
Садь и Деанъ приспѣ съ Ластавицомъ,
Одяшіо, Вили є пустіо,
А самъ къ дѣди и сестри дошао.
Люби дѣду у десницу руку,
А сестрицу у медена уста,
Предъ Жигловскимъ покланя се кнезомъ,
И свом' дѣди 'вако проговара:
„Окладу самь, дѣда, изгубіо,
Утекла є Вила Ластавици.“
Нѣму дѣда тихо одговара:
„Ты нетужи, моє мило дѣте,
Нит' на твою жали Ластавицу;

Ластавица конь є поузданый,
Ал' бы чудо и срамота была,
Да утече Вили Ластавица.
Већь ће време и обѣду быти,
Ако на гладь ослонит' се могу.
Но айдете да се приберемо,
Люди млади, а коньици брзи,
Учини-ће радость домаћину,
Ако єла и небуду добра."
Кадъ су дошли на бієлу кулу,
Господскій ій обѣдъ дочекао,
Богатъ обѣдъ и србско веселѣ.
А кадъ су се мало прехватили,
Проговара старый домаћине:
„Кажите ми, моя дѣцо драга,
Шта краль ради у бѣломе Скадру,
Є ли здраво, и є ли весело?"
Деанъ нѣму тихо одговара:
„Краль є, дѣда, здраво и весело.
Славіо є светогъ Арханѣела,
И многе є госте угостіо,
Изъ све Зете и землѣ захумске,
Изъ онога кршног' Приморія,
Изъ Рассіє, па и изъ Србіє,
И многи су нашли се Босанци,
Младый Реля одъ Тухеля града,
И Озрославъ одъ града Коньица,
И Грубеша одъ града Крешева.
Све господа искупила с' млада,
Добро смо се, дѣда, веселили.
Хвала кралю на слави нѣговой!
Ал' іоштъ већа буди кралю хвала

На нѣговой великой милости,
Са коіомъ є чашу наздравіо,
Оном' старом' кнезу и витезу,
Кои 'но є србско оружіє
Прославіо у Анатоліи,
И натерао горде Цариградце,
Предъ србскимъ се поклонит' юнакма.
Іоштъ є и то кралю придодао,
Како му є и жао и тежко,
Што т' є старость очи одузела,
Те му немо'шъ сѣдит' узь колѣно,
Да те пита за савѣте мудре,
И одъ старог' научи юнака,
Како валя душмане побѣдит',
И на славу родбини послужит'."
Проговара старый домаћине:
„Хвала кралю, кадъ се мене сећа,
Покрай свѣтле толике господе:
А што мене жели узь колѣно,
Быт' не може, а ни нуждно ніє.
Кои тако мудра има отца,
Као краль младый у цару Стефану,
Том' нетреба савѣтъ одъ другога;
А кои знаде Бугаре сакрушит',
Подъ бієлымъ подъ Земляномъ градомъ,
Том' не треба ни одъ ког' науке,
Како валя душмане побѣдит',
И на славу родбини послужит'.
Краль Милутинъ, младог' краля дѣда,
Бы великій юнакъ и войвода,
Узе многе землѣ и градове,
И зададе бриге Цариграду:

Али ће га унукъ надвысити.
Добро паз'те, што ћу да вамъ кажемъ:
Тако ми се осећа и слути,
Да ће Душанъ прославит' Србію,
И великимъ учинити царствомъ.
У будућность загледат' є тежко,
Шта ће быти, тежко є предсказат';
Ал' како ми моя старость каже,
Како младог' духъ се явля краля,
Ако само Богъ му животъ даде,
Изъ грчкога бы-ће србско царство,
Србско ће се име прославити,
Докъ є свѣта, и докъ є народа!"
Проговара одъ Жиглова кнеже:
„Докъ будемо Скадру на Бояни,
И Душану то кажемо кралю,
Како мыєли старый Гребостреку,
Како мисли, и како говори,
Яко ће се томе срадовати.
Има много у краля дворяна,
Кои своє съ тымъ проводе време,
Како ћеду похвалити краля,
А похвала да буде повольна,—
На ту мисао, ни єданъ недоће,
На ту мисао, и на ту похвалу,
Кою ћемо одъ тебе однети,
Одъ нашега добра домаћина."
Одговара старый домаћине:
„Ніє ово на хвалу смишлѣно,
Већъ є ово прорицанѣ старца,
Кои знаде, како люди живе,
И прориче, како може быти,

Ако Бож'я воля неукрати.
А кадъ ћете Душану однети
Ове рѣчи, добро и похвалне,
Однесите и ове савѣте,
У ньима ће више быт' користи,
Нег' похвале и ласке медене.
Нек' се чува одъ злы савѣтника;
Съ добра пута нек' се неукланя;
Кралѣванѣ са грѣхомъ почето,
Одъ самога Бога є проклето.
Има людій у великом' брою,
Коима се тиха отца влада
Недопада, и мила имъ нiє.
Они свакій данакъ оплакую,
Као за славу изгублѣнъ Србiє,
И роптаю на миролюбiє,
Као издайство спрама кралѣвине.
Ни су ово неваляли люди,
Нит' су сами млади витезови,
Кои траже войску и боєве,
Да с' юнаци у пѣсма пѣваю,
Нагутаю блага и богатсва:
Ту су люди зрели и паметни,
Кои свою домовину любе,
Добро виде, како стои време,
И iоштъ какви могу дани доћи,
Па бы ради у дѣоби свѣта,
Гди є сваког' правица єднака,
Или цѣло своiой отачбини,
Ил' найвећій дѣо прибавити,
А кадъ виде, да с' ништа неради,
Тежко имъ є, задовольни нису,

Па се єдни судбини предаю,
И чекаю, да све Богъ уреди,
А други су млађи, ватреніи,
Судбе течай да могу променут'
Своіомь мисле вольомъ и дѣлама.
Овом' реду и други долазе,
Преварене желѣ и надежде,
Ил' увреда, ил' крвна освета
Одъ Стефана коє удалює.
Я признаємъ, за Душана стрепимъ:
Такой вреви и такой навали,
Гди с' за паметь страсти закланяю,
Гди є тежко одъ любави къ роду
Разпознати крвавъ духъ освете,
Гди напредакъ и срећа државе
Себичности видъ нужде огрће,
И дужности свете замршене
Судъ чекаю одъ слабости людске,—
И искусном', у ком' страсти ћуте,
Угашене или погажене,
Мужу было б' одолѣти тежко,
И на правом' заостати путу.
Єдна звѣзда нек' га руководи:
Отацъ сыну прва є светиня,
Грѣхъ єпрамъ отца, ньива-й за несрећу;
И сва бѣда, коя се изєуче
Изъ насилног' дѣла самоволѣ,
Сва на главу пада виновника,
И сва клетва на нѣгову душу.“
Проговара одъ Жиглова кнеже:
„Зато су му нуждни савѣтници,
Кои Бога вышнѣга се боє,

Чиста срца и зреле памети,
Безъ свакога страха и наданя,
Као старый Гребострекъ Новаче.
За таквогъ бы Душанъ савѣтника
Изъ кралѣвске своє круне свѣтле
Дао каменъ найскупоцѣнніи!“
Одговара старый домаћине:
„Да ти кажемъ, одъ Жиглова кнеже:
Я Душана изъ свег’ срца любимъ,
И поштуємъ као мога краля,
Као што самь му дѣду поштовао;
Когъ любимо, и ког’ поштуємо,
Око тог’ се радо налазимо,
А могао бы старый Гребостреку
Добро чути, ако не видити,
И казати, ако не радити.
Али несмѣмъ одъ Жиглова кнеже;
Особита каже се судбина
Међу моимъ домомъ и нѣговымъ.
Кадъ самь быо одъ двaєстъ година,
Живіо самь кодъ Уроша краля,
Са нѣговымъ сыномъ Драгутиномъ,
А искренымъ моимъ пріятелѣмъ.
Свим’ є знано, шта є онда было
Измеђъ отца и рођена сына.
Я самь быо край мог’ пріятеля.
У Гадскоме, у бою жестоку’
Бы Урошу срећа послужила,
Да я нисамь съ мои коняници
Побѣду му изъ руке извіо,
Престолъ отца сыну освоіо.
Урошъ свой є престолъ изгубіо,

Ал' и я самь отца пожеліо,
Къ Драгутину когъ самь приволѣо.
Мой сынъ Жарко, покойна му душа,
Одрастао є у свѣтломе двору
Милутина, дѣде Душанова.
У несрећной распри међъ Стефаномъ,
Ком' є отацъ Зету поклоніо,
И нѣговымъ отцемъ Милутиномъ,
Жарко стоя на страни отчиной.
Нѣму датъ бы страшный онай налогъ,
Да Стефану свѣтъ у мракъ увіє.
Я самь сына, онъ се држао отца,
Я зло прође, а Жарко іоштъ горе.
Кадь се Стефанъ на престолѣ попне,
Жарко смысли мало уклонит' се,
И избѣћи у землю бугарску:
Ал' га рука душманска умори,
Текъ што ніє достигао границу;
Нашли су га мртва на ледини.
Свѣтъ говори, краль є за то знао:
Богъ самъ види у срце човека."
Овдѣ старацъ руке саклопіо,
И подигао Богу на молитву;
Анђеліи сузе удариле,
Єдна другу стиже на образу;
Деанъ ћути, дубоко уздане,
Песнице му у грчу стисну се.
Кадь є мало старацъ поћутао,
И молитву тиху окончао,
Овако є продужіо рѣчи:
„А и моя ев'ова несрећа,
На грѣхъ сына толико наличи,

Као близнацъ єданъ на другога.—
То є узрокъ, Жигловићу кнеже,
Што я небы Душану отишао.
Небы радо и трећу несрећу
Ни нѣгову дому, ни моєму.
Пре бы Бога за то замоліо,
Да сву бѣду на мене изліє,
А сачува срце одъ Србіє,
Домовине славу и надежду.
И зато ћу и Деана мога,
Поредъ мене овдѣ задржати,
Судба руку у нѣм' да ненађе;
А и мени већъ є старость тежка,
Анђелія треба бранителя.
Оддавна бы я га задржао,
Да ми ніє нѣга жао было,
Разставит' га одъ люблѣног' краля.
Ал' што мора, и што има быти,
Нека буде, докъ доцне небуде:
Болѣ му є пріятеля жалит',
Него нѣга у несрећу свалит'."
Проговара одъ Жиглова кнеже:
„Зло неслути, добрый домаћине,
Ослони се на Бога милога,
Богъ ће дати, све ће добро быти.
Своіой бѣди све су люди криви:
Нека црне зауздаю страсти,
Изъ любави подданика къ кралю,
Никда с' неће родити несрећа.
Остав' само Душану Деана;
Краль безъ нѣга живити неможе.
Онъ га люби као брата свога,

И поштує, да му завидимо.
Ако нѣга неоставишъ кралю,
Ето теби у Зерзево краля,
Са свомъ свитомъ и господомъ свѣтломъ.
Па кадъ Душанъ Анђелію види,
Вѣре моє, я краля познаємъ,
Онъ зна цѣнит' мудрость и лѣпоту,
Неће кралю оставит' Зерзево
За савъ Скадаръ и Зету поносну,
И отчину цѣлу кралѣвину.
И онако краль є намѣріо
Оставит' се са стране женитбе,
Но украсит' сяйнымъ вѣнцемъ царскимъ
Лѣпу главу найлѣпше Србкинѣ.
Доста бѣде имала Србія
Край Гркиня и лѣпы Влахиня;
Душанъ мысли женит' се Србкиньомъ,
Нек' краль Срба, и сынъ србског' краля
Изъ србскога процвѣтао є крыла.
Па ћешъ, старче, зло учинит' горымъ.
Пріятельство можешъ разкинути,
Али любавь никадъ ни до вѣка."
Нѣму старый Новакъ одговара:
„Кажи мени, одъ Жиглова кнеже,
Єсу ли то мысли Душанове,
Ил' ій само прилика донела,
Твоя шала а у име краля?"
Кнезъ Жигловићъ вели домаћину:
„Ево мене, а ево Деана,
Изъ уста смо чули Душановы
Обоица рѣчи истоветне.
Две му само ту сметаю ствари:

Єдна та є, што за отца знаде,
На то никадъ да пристати неће,
Па да може лако изгубити
Свога отца ил' своє кралѣвство.
Друга та є, што му срце жели
Царскій вѣнацъ метнути на главу
Своіой милой и лѣпой Србкиньи,
Ако ли іой немож' дати вѣнацъ,
И дигнут' є на престолъ кралѣвскій,
Неће нѣну да понизи вредность,
И учини тужномъ заточницомъ,
Или простомъ у Зети кнегиньомъ,
За кральицу коя є роѣена."
То говори, Анѣелію гледи,
Изъ очію засѣвну му мунѣ,
А на лицу ватра се запали:
Нѣшто му се узмутила душа,
Као они на мору таласи.
Ал' кадъ око на то ягнѣ паде,
Коє му се грудма прилюбило,
Па га гледи као душа Бога,
Сяйна, красна, као ютренѣ сунце,
Кадь є црне разгнало облаке . . .
Миръ са нѣног' лица анѣелскога,
Миръ любави ништа нежелеће,
У грудма му утиша таласе,
И у струє блаженства преврати;
Зракъ сребрный нѣне красне душе,
Као луча зоре на истоку,
Жаръ лютине съ образа му скине,
И юначко преліє му лице
Чаролійскомъ надземномъ свѣтлошћу,

Преображенъ каква духъ облива.
Сви ћутише, свакъ у своіой мисли,
Анђелія у чувству блаженства,
Докъ најпослѣ старый домаћине
Овым' рѣчма тишину прекине:
„А бы л' знао ты ми казат', кнеже,
Є ли Душанъ изборъ учиніо?“
Кнезъ Жигловићъ нѣму одговара:
„У том', старый дома господару,
У том' тебе послужит' немогу.
Ал' я држимъ и вѣруємъ тврдо,
Да му прва Србіє лѣпота,
И кћи рода самом' твоме равног',
Неће своє одказати руке.
И да данасъ онъ се теби яви,
И овако теби проговори:
Чуєшъ мене, кнеже Гребостреку,
У тебе є лѣпа Анђелія,
Равне цѣла ньой нема Србія,
Дај ты мени лѣпу Анђелію,
Да ми буде люба вѣреница,
А Србіи госпоћа кральица,—
Ты му небы волю украніо.“
Одговара старый домаћине:
„Слушай мене, одъ Жиглова кнеже,
Хоћу теби истину казати.
Я бы кралю 'вако говоріо:
Свѣтлый кралю, и одъ краля сыне,
Я те любимъ изъ свег' срца мога,
Као Србіє славу и надежду,
И поштуємъ лозу Неманьину,
Мой бы животъ за ню положіо,—

Ал' ти недамъ моє Анѣеліє!“ . . .
Кнезъ Жигловскій рѣчь му пресѣкао,
И овако жестоко повикао:
„Како, старый Гребостреку кнеже,
Тай бы кралю ты одговоръ дао?“ . . .
Тиша нѣга старый домаћине:
„Пречекай ме, одъ Жиглова кнеже,
Немой да те моє рѣчи жесте;
Та цѣло є шала и разговоръ,
Свакій своє казуємо мысли.
Далѣ б' кралю ове рекао рѣчи:
Знашъ ли, зашт' ти недамъ Анѣеліє?
Єрь бы пропасть твоме дому была,
Твоме дому, ил' твоіой савѣсти.
Распре бы се съ тога изродиле
Измеђъ отца и нѣгова сына,
Букнула бы разорльива война,
Измеђъ браће єдне домовине. —
Свака србска породица славна
За найвећу држала бы срећу,
Дѣте своє дат' у руке твоє,
Па бы с' одъ тудъ зависть породила,
На єдну бы друге се подигле,
Цѣла бы се земля уздрмала,
Раздора бы сѣме с' посѣяло.
А я волемъ срећу Душанову,
И Србіє славу и срећу моє,
Него мога дома собственога.
Іоштъ те молимъ, одъ Жиглова кнеже,
Кажи кралю ове рѣчи моє.“
Овдѣ старый домаћинъ ућути.
Кнезъ Жигловскій нѣму проговори:

„Радо ћу те, старый домаћине,
У свачему слушат' и послужит',
Ал' тай налогъ скини ми съ рамена,
Я то несмѣмъ испоручит' кралю.“
Нѣму старый Гребострекъ говори:
„Кадъ ты несмѣшъ, я ћу се усудит',
Нека види права пріятеля.“
Ово рекне, на ноге се дигне,
И започне торжественымъ гласомъ:
„Я самь слѣпацъ и невидимъ свѣта,
Али моя садь ми свѣтли душа.
Доста Богу захвалит' немогу,
Кои ми є милость учиніо,
Мене слѣпогъ старца сподобіо,
Могъ найвећегъ угостити краля,
Духъ великій и срце юначко,
У правоме познати образу,
И голу му казати истину.
Чуєшъ мене, одъ Жиглова кнеже:
Я ти с' кланямъ до земльице црне,
Дай ми амо, да полюбимъ руку,
Коя ће намъ прославит' Србію, —
Ты си главомъ младый краль Душане!“
Кнезъ Жигловскій старцу приступіо,
На прси га своє пригрліо,
Па се съ ньиме у лице цѣлива,
И овако нѣму проговара:
„Єси старый погодіо кнеже,
Дай ту мудру да т' полюбимъ главу!“
Кадь то чула млада Анѣелія,
Магла іой се на очи навукла.
Она сѣди на столици блѣда,

Као лѣпа мермерска прилика.
Душанъ нѣжногъ оставіо старца,
Одъ радости кои заєцао,
Анѣеліи брже притекао,
Дигао є на юначке руке,
Као майка заспало одойче,
Па іой люби ледене образе,
Докле лѣпе очи отворила;
А кадь душа у тѣло се врати,
Медна су се уста насмѣяла,
Као дѣтету кадь се у сну смѣши,
На анѣела, свога хранителя.
Краль овако ньойзи проговара:
„Што Жигловскій кнезъ є осећао,
То є прешло на краля Душана.
Ево ти се самымъ Богомъ кунемъ,
Да ме людска никакова сила,
Неразстави одъ любави твоє;
Више тебе, него очи, любимъ,
Више т' цѣнимъ него круну мою!
Мой є отацъ срца милостива,
Хоће свога саслушати сына.“
Па се онда старини окрене:
„Чуй старино, што видит' неможешъ,
Мал' унуку ниси изгубіо,
Кадь є само на то помислила,
Да се са мномъ разставити мора.
Окани се людског' мудрованя;
Ослони се на милость Божію.
Ютро дає, што вече неможе;
Гди є любавь, ту є и благословъ;
Што Богъ спои, човекъ нек' нецѣпа.“

Старый Новакъ нѣму одговара:
„Свѣтла круно, славо кралѣвине!
Кадъ самь теби пріє говоріо,
Ком' говоримъ, то самь добро знао;
А знао самь, и шта мене чека,
Єрь самь знао, да те моє дѣте
Изъ све своє чисте люби душе,
Да ће іой се смркнути на вѣки,
Кадъ іой ярко то заиђе сунце.
Познао самь, шта судба захтѣва;
Видіо самь, да є нуждна жертва;
Ал' самь и то, кралю, помисліо,
Да ће съ овымъ мога дома цвѣтомъ,
Одъ ког' нигда лѣпшег' неимаде,
Заязит' се судба страховита,
Коя наше домове подкапа.
Моя душа съ Анђеліомъ живи,
Съ ньомъ бы мене у гробъ положили;
Ал' бы радо заспао навѣки,
Край анђелске моє Анђеліє,
Кадъ бы она постала одкупа
Твоє среће, мира и савѣсти,
И судбине свог' брата Деана.
А шта више и желити има,
После праве и чисте любави
Свога краля, коме нема пара,
У свем' свѣту подъ яркимъ сунашцемъ.
Или ћу іой желит', да доживи
Дане туге, войне и несреће,
Да на сына падне клетва отца,
Ил' на отца сынъ уздане тежко,
Или да се разцѣпи Сербія,

Лѣпъ залогай своим' сусѣдима,
И остане одъ велике цѣли,
Коіой си є довест' намѣріо,
И на што є, по свему изгледу,
Сама Бож'я одредила воля,
Па да онда у гробъ падне ладный,
Увенула и тѣломъ и душомъ,
Съ тежкимъ срцемъ, немирномъ савѣшћу,
И да црну ту понесе мисао,
Да є свему само она крива.“ . .
Далѣ старацъ говорит' немогао,
Срце му се стисло у нѣдрама.
Анѣелія краля оставила,
У наручя дѣди одлетила,
У нѣдра му лѣпый образъ скрыла.
Ко є чуо, како тежко дыше,
Мысліо бы, садь ће изданути . . .
Деанъ стои као ладанъ каменъ . . .
Само Душанъ мирно и спокойно
Гледи старца као светителя,
И пророка са неба послана;
Види рѣчій нѣговы истину,
Види чисту любавь и намѣру —
Ал' му любавь у прсима дыше,
А любави шта с' неможнымъ чини?
Гди є за ню црне будућности?
Она незна за страхъ и противность,
Ньой су люди све сами анѣели,
А свѣтъ овай башта одъ ружица,
Она себи да саплиће вѣнце!
Сви ћутише у смртной тишини,
Докле Душанъ нерекао рѣчи:

„Чуй ме старый вѣрный пріятелю!
Ты си ближе Богу, него людма,
На небу си више, нег' на земльи,
Па се опетъ тако мало уздашъ,
У свемоћну милость Створителя,
И у твоіой людской премудрости
Хоћешъ путе да кажешъ промислу!
Немой цвѣлит' ни себе, ни дѣте:
Я одъ рѣчи одустати нећу;
А то стои у твоим' рукама,
Све насъ овдѣ учинит' несрећне.
Мене зовешъ надеждомъ државе,
Славу видишъ у мени кралѣвства:
Дигни руку, угуши надежду,
Разспи твоє славу домовине!
Буди првый твог' противникъ краля,
Покоси му све живота цвѣће,
И подсѣци витка духу крыла!
Стрепишъ, свою да нерани савѣсть:
Буди првый, своґъ натерай краля,
Да смрть єдног' на земльи анђела,
Или животъ одъ смрти грозніи,
Онъ на свою натовари душу,
Ил' да силомъ себи онъ присвои,
Што є нѣму любавь поклонила,
И угаси тог' живота звѣзду,
За кой небо више нема сунца, —
Клетву нађе, гди благословъ тражи,
И на грози оснує блаженство,
И потомству вѣчный справи прекоръ!
Што захтѣва мудрость и сигурность,
И што срећу да учини већу,

Чини-ћемо радо и весело,
У свему те хоћу послушати;
Али чуй ме, кнеже Гребостреку!
Я што реко, никадъ непореко:
Пре безъ главе, нег' безъ Анђеліє!"
Кадь то чуо Гребострекъ Новаче,
Онъ побожно руке саклопіо:
„Боже силный! Боже милостивый!
Єли твоя воля милостива,
Да с' умножи са овог' дѣтета
Срећа краля, срећа домовине,
Благослови и савежи, Боже!
Ал' ако ће изъ любави ове
Изникнути бѣда и неволя
За мог' краля и за кралѣвину:
Силный Боже! све се теби може,
Узми къ себи чисто и невинно,
Нек' ти служи као небесный анђео.
Ты с' га, благій Боже! украсіо
Са издашномъ рукомъ родитеља:
Зашто земля оно да окаля,
Што с' ты себи на поносъ створіо!"
Кадь є ове изрекао рѣчи,
Узео є лѣпу Анђелію,
У наруч'я Душану є дао:
„Най є, кралю, съ моимъ благословомъ,
Достойна є тебе заручница!"

Пѣсма четврта.

Гласъ у Скадру краль Душанъ застао,
Гласъ застао изъ бѣла Призрена,
Одъ свог' отца, србског' цар' Стефана,
Да са бѣлымъ опрости се Скадромъ,
И похита до нѣга у Призренъ.
Сынъ послушанъ таки с' опреміо,
Волю своме отцу испуніо,
У Призренъ є къ нѣму отишао.
Кадъ се отацъ са сыномъ састао,
Руке шире, у лица се любе,
За юначко питаю се здравлѣ,
И како ій добра срећа служи.
Отацъ сына пунъ милости гледи,
Сына гледи, помало се смѣши,
Па овако нѣму проговара:
„Мой Душане, мой сыне любезный,
Време тече, пролазе године.
Свашта данакъ свой найболыій има:
Твоє доба таманъ за женитбу.
Айд' дѣвойку да тражимо, сыне,
За живота да т' ожени отацъ,
Да дочека ситна унучета.

У онога краля французскога
Кажу мени лѣпоту дѣвойку,
По имену лѣпу Беатрицу,
Да иштемо, бы є нама дали,
И мы ньине капь крви имамо,
Одъ Єлене, блажене кральице,
Лѣпе кћери цара Балдовина,
Моє бабе, а твоє прабабе;
Па ми кажу за лѣпу Єлицу,
Милу кћерку краля угрскога,
Да иштемо, бы є нама дали,
И мы ньине капь крви имамо,
Одъ Єлице, блажене кральице,
Миле кћери одъ краля Андріє,
Твоє бабе, а моє матере,
Тихо нѣне кости почивале,
А душа іой рая угледала;
Па ми кажу лієпу Єлену
У Іована у цара грчкога:
Грци єсу поносите главе
Са богатства и господства свога,
Ал' ће нама свою дат' дѣвойку,
Као што даше лѣпу Евдоксію,
И мом' отцу младу Симониду.
Блага има и у насъ до волѣ,
Сребра, злата, и драга каменя,
Нећемо се предъ ньима постидит';
А господства ак' и нисмо царска,
Осма круна на моіой є глави,
Три дадосмо небу светителя.
Ето сыне, теби дѣвояка,
А за мене добры пріятеля.“

Сынъ овако отцу одговара:
„Хвала т', отче, на твоіой любави!
Я с' немислимъ женити са стране,
Нит' Гркиньомъ, нит' младомъ Угринкомъ,
Нит' Влахиномъ, нити Француз скиньомъ,
Већъ са правомъ Србкиньомъ дѣвойкомъ,
Изъ Србіе, изъ кралѣвства твога.
Француз скиня и лѣпа Угринка
Туђу вѣру са собомъ доне-ће,
Туђу вѣру, туђе обичае;
Гркинѣ су рода поносита,
Носа лѣпа, али тугальива,
Духа хитра, али плетке любе —
Призренъ ніе бѣлый Цариграде,
Хоће наше увредити Србље,
И господу нашу раздвоити.
Одъ Влахиня кральицу имамо;
Одъ Србаля никадъ неимасмо.“
Отацъ ћути, ништа неговори,
Већъ се мисли тамо и овамо;
А када се добро промисліо,
Онда сыну 'вако одговара:
„Жао ми є, мой сыне Душане,
Што ти желю испунит' немогу.
Мисліо самь и тамо и амо,
Мисліо самь тако и овако,
Питао самь и отца и краля:
Краль говори, то быти неможе,
Отацъ каже, ни подъ кои начинъ.
Ты самъ кажешъ, да Гркиню нећешъ,
Што се боишъ распре и раздора:
А кадъ, сыне, ты узмешъ Србкиню,

Бы-ће више у земльи покора.
Твой самь отацъ, ал' и краль Србіє;
Мене ради, а и тебе ради,
Па и саме кралѣвине ради,
За кою ћу Богу одговарат',
То ти, сыне, допустит' немогу.
Друге стране, коє отацъ има,
Немогу ти садь казати, сыне;
Манѣ нису, ако нису веће,
Ал' мораю остат' непознате,
Само живе у моим' прсима,
Коима є твоя срећа прва."
Душанъ отцу 'вако одговара:
„Знамъ я твою любавь прекомѣрну,
И зато ти право исповѣдамъ,
Да самь за се избрао дѣвойку
У пространой твоіой кралѣвини.
Ню є свачимъ Богъ нѣнъ украсіо,
Само теби єдно оставіо,
Да допунишъ, што Онъ дат' нехтѣо,
Вѣнацъ царскій на главу іой метнешъ.
Чуй ме, отче, твой те Душанъ моли:
Неразставляй, што є Богъ сдружіо,
Благослови, кадъ онъ благосиля!"
Отацъ сыну тихо проговара:
„Ты си човекъ, зато любит' морашъ;
Ал' те Бож'я милость изабрала,
И Србіи тебе дала краля,
Твою любавь ньойзи поклонила.
Богъ є краля подигао надъ свима,
Као дужность надъ свима желяма:
Други могу, како жельи драго,

А краль мора, што захтѣва дужность.
Теби тежко, и мени є тежко;
Ал' ко жели, да друге побѣди,
И узвыси себе надъ другима,
Мора учит' себе побѣдити,
И надъ самымъ собомъ се узвысит'!
Остав' другом', нек' умилно гуче,
Ты си роѣенъ, да у свѣту грмишъ;
Остав' другом' єдног' срећу лица,
Ты си роѣенъ срећи милліона.
Све є друге теби Богъ предао:
Ты све твоє ньима дати морашъ.
По дужности они животъ даю,
И за тебе крвцу проливаю:
Правда иште, да ты за ньи живишъ,
Срце крви єдина одкупа!
Зато, милый мой Душане сыне,
Ни за име, ни за родъ непитамъ."
То изрече, па загрли сына,
И полюби у чело юначко,
Па га онда одъ себе одпусти,
А онъ руке на молитву склопи:
„Боже благій, Боже свемогућій,
Зашт' си краля човекомъ створіо,
И дао му срце самовольно,
Срце слабо, срце ненадвладно?
Много, отче, дао си човеку,
За мало га єси преправіо:
Много с' дао, па много захтѣвашъ,
Мало може, па мало и дає!
А мене си, Господи, избрао,
Да с' увѣришъ о людской слабости,

И неслоги свѣта са човекомъ.
Дао си ми срце осетльиво,
Коє гине за светомъ правицомъ,
И трза се одъ крви невинне,
И одъ сузе криво натеране:
Па на престолъ єси ме подигао.
Морамъ чуват' правду и правицу,
А знамъ добро, да до правде доћи,
Само твом' є можно свемогућству;
Моя правда само є присѣнка,
Коя ће се грозно разяснити
Противъ мене на страшноме суду.
Крвь сачуват' само могу крвлю;
Єдну таремъ, другу сузу терамъ;
Єданъ тишамъ съ другимъ уздысаємъ!
Сына имамъ, жену си ми дао,
Нѣга любимъ, ню любити морамъ;
Милость нѣму указат' самь дужанъ,
Ню уцвѣлит' само срце неда:
Онъ пасторакъ, она є маћія,
Єдно другом' душманъ по нарави,
Мени єдно са другимъ єднако.
Моє срце, ты Господи, видишъ,
Свакда радо на правом' є путу;
Ал' се црни навлаче облаци,
Бы-ће буре, бы-ће колебаня,
Съ тымъ страшнієг', што срце потреса.
У той борби често разумъ ћути,
Често неће, често му с' неможе;
А срце є злочестъ путевоћа,
Лако човекъ душу да огрѣши.
Већъ ако є твоя воля вышня,

Да с' грѣхъ може животомъ одкупит':
Узми животъ, ослободи грѣха,
А замени млађегъ са старіимъ.
Благій Боже, све се теби може,
Ты искрену саслушай молитву!“ —

За тымъ дуго време постаяло,
До Божића одъ Миіоля дана,
Царъ Стефане о свачем' говори,
О повратку у Скадаръ никако.
Душанъ ћути, ништа неговори,
Не бы ли му самъ отацъ спомен'о;
А кадъ тога дочекат' немогао,
Онъ предъ Божићъ отцу проговара:
„Свѣтлый кралю, милый родителю!
Звао си ме у бієлый Призренъ,
Звао си ме, и я самь дошао.
Ако си ми што имао казат',
Могли смо се сити наговорит';
Ако с' хтѣо, да што урадимо,
Могли смо се сити напословат':
Ил' говори, или да се ради,
Ил' ме пусти, да се кући вратимъ,
Радъ самь празникъ дома да проведемъ.“
Отацъ сыну 'вако одговара:
„Я самь тебе, да те видимъ, звао:
То є отцу великій разговоръ,
И посао, кои края незна.
Благе дане провес-ћешъ весело
И у моме бієлом' Призрену;
Што насъ више, съ тымъ є веселіє;
А и ово твоя кућа єсте,

Више твоя, него што є моя:
Стари само за коє су време,
На млађима свѣтъ увѣкъ остає.“
Опетъ дуго време постаяло,
Одъ Божића па до Сретенія.
Душанъ ћути ништа неговори,
Не бы л’ отацъ самъ му споменуо,
А кадъ тога дочекат’ немогао,
Онъ овако отцу проговара:
„Свѣтлый кралю, милый родителю!
Ево намъ се вечъ пролеће явля,
Я бы пошао съ твоимъ благословомъ.
Доста до садь заєдно смо были;
А кадь ти се зажели видит’ ме,
Кажи само, я ћу таки доћи.“
Отацъ сыну овако говори:
„Што си тако наваліо, сыне!
И мой Призренъ за пролеће знаде;
Одъ пролећа ніє горе лето,
А съ Бояне Скадра нестат’ неће.“
Отацъ оде, а Душанъ остане,
Па с’ овако съ собомъ разговара:
„Шта то може, шта то быти мора,
Да ме отацъ у Зету непушта?
Да л’ ће мою да удави любавь?
Да л’ кральица игру непроводи?—
Ниче зрно земльомъ покривено:
И та тайна бы-ће кадгодъ явна!“
Кадь се къ земльи ноћь спустила црна,
Нѣко куцну на кралѣва врата,
Лако куца, као да се краде.
Кралю срце у нѣдри заигра,

Гласов'ма се изъ Зерзева нада.
Бодро срце непревари краля,
Єрь у собу кнезъ му Деанъ уђе,
Савъ увієнъ одъ главе до пете,
Да га нико познати неможе.
Како уђе, огртало сбаци,
И у свѣтлом' укаже с' оклопу.
Кадь є Душанъ Деана познао,
Овако є нѣму повикао:
„Ты с' Деане? — Како Анђелія?“
Деанъ кралю тихо проговара:
„Анђелію добро служи здравлѣ,
Она єдна међъ нама-й весела,
Она єдна незна за опасность.
Свѣтла круно, право мени кажи:
Є л' истина, да на тебе овдѣ
Свуда зія бѣда и несрећа?
Мы у Зети зле смо чули гласе;
Зло кральица съ тобомъ наумила:
Само чека удесну прилику,
Да ти дође главе и живота,
И свом' сыну круну придобыє.
Само реци, Зећани чекаю,
Приморци ће листомъ дигнути се:
Савъ ће Призренъ у крви огрезнут',
Подъ кральицомъ престолъ задрктаће,
Тебе неће заболети глава.
Єл' ти воля, айде сада са мномъ;
Подъ Призреномъ чека те дружина,
Мало друга, али поузданы,
Све коньници, да ће стићи Вилу,
И утећи змаю крилатоме.

Єси л' само за Призреномъ градомъ,
Цѣо народъ узь тебе ће стати,
Па нек' дркћу убоице клете,
Предъ арсланомъ простымъ одъ окова."
Краль Деану 'вако одговара:
„Хвала вама на вашой любави!
Іоштъ до сада незнамъ за опасность;
И самъ видимъ, да чистъ посао ніє.
Ту ме држе, птицу у кавезу;
Страшльивіи клоне ме се журно,
Слободніи по преко ме гледе,
А многій се чудновато смѣши.
Што годь быва, безъ кральице ніє;
Нѣной желъи я самь трнъ на путу,
Туги тражи одлакшат' увредомъ."
Текъ краль ове изрекао рѣчи,
Нѣко куцне лагано на вратма.
Краль отвори, и уведе служче,
Младо дѣте Витаничког' кнеза,
Коє двори госпођу кральицу.
„Шта є, Лазо, што си с' поплашіо,
Капи крви у образу немашъ?"
Дѣте очи на Деана баци,
Па съ Деана подигне на краля,
Окомъ каже, да што рећи има,
Ал' сведока разговору неће.
Краль се смѣши, па му проговара:
„Реци само, што ми имашъ рећи,
Наше тайне сме кнезъ Деанъ чути."
Кралю дѣте тихо проговара:
„Свѣтла круно, зле ти носимъ гласе!
Теби ніє у двору останка,

Кральица ти о несрећи ради,
Съ Балдовиномъ теби плете замке.
Често с᾽ они састаю на само,
И проводе тайне разговоре;
Добри нису, то им᾽ лице каже.
Я самь юче службу одправляо,
И предъ нѣным᾽ собама стаяо.
Самъ самь быо, санъ ме ухватіо,
У спаваню нисамь осетіо,
Кадъ є ушао Балдовинъ кральици.
Изъ сна оштаръ говоръ ме пробуди,
Поплашимъ се и на ноге скочимъ,
Одемъ къ вратма, да с᾽ о том᾽ извѣстимъ,
Є л᾽ пріятель, ил᾽ є непріятель.
Таки познамъ кнеза Балдовина.
Само две три чуо єсамь рѣчи, —
Немой, кралю, да т᾽ ій казат᾽ морамъ,
Правымъ путемъ до ньи дошао нисамь,
Самъ предъ собомъ стидит᾽ га се морамъ.
Зло є было, нек᾽ на добро буде. —
Шта да радимъ, требало є знати:
Да останемъ, како су ме нашли,
Злога слугу у сну невременном᾽ —
Или да се садь я нађемъ буданъ,
И самъ будемъ моме свѣдокъ грѣху.
Што є было, небыти немогло:
А ко спава, тай нечує тайне.
Опетъ сѣднемъ, као што самь сѣдіо,
Очи склопимъ, као да іоште спавамъ.
Ніє дуго време постаяло,
Кнезъ Балдовинъ одъ кральице дође,
И приступи, да види, шта радимъ,

Па ми ове проговори рѣчи:
„Изъ мала се мужъ великій види,
Кадь да-й буданъ, онда сладко спава.“
Крозъ срце ми ове рѣчи проћу
Као оштры стотина ножева:
Праве быле, морадо оћутит'.
Данасъ друго измѣне ме служче,
А я крадомъ овамо похитимъ,
Да ти кажемъ, да се чуват' знадешъ.
Я самь мою погазіо дужность,
И мою самь проиграо главу:
Ради съ ньоме, што є теби драго,
Ил' є скидай, ил' є ньима подай,
Само гледай твою да сачувашъ.“
Кадь є дѣте ове рѣчи рекло,
На очи му сузе удариле.
Краль по лицу милує Лазара,
И овако нѣму проговара:
„Буд' безъ бриге, драго моє дѣте,
Мила-й мени твоя златна глава.
Я ћу тебе у Зету узети.
А садь иди па с' изспавай мирно,
Да на стражи ты заспат' неморашъ;
Злобне быле рѣчи Балдовина,
Ал' є права у ньима истина.“
То краль рекне, па одпусти дѣте,
А Деану ове рекне рѣчи:
„Вы у Зети будите безъ бриге,
Ма шта было, главу ћу изнети.
Мрежу плете госпоћа кральица,
Ухвати-ће лава мѣсто лиса;
Рада лиіи ћуракъ садерати,

Сама свой ће лаву оставити.
Я ћу ћутит', докъ ништ' неговоре,
И чекати, докъ ми с' недосади:
Па ћу онда конацъ прекинути.
Поздрави ми миле у Зерзеву,
Ето мене ньима у походе,
Како првый листъ истера врба.
Садь сѣд' мало, вечера ће доћи,
Одмори се, па у име Бога!"
Младом' кралю Деанъ одговара:
„Нит' ћу сѣсти, нит' ћу вечерати,
Нит' у мени смири-ће се душа,
Докъ за собомъ Призренъ неугледамъ.
Я одлазимъ, као што самь дошао,
Главомъ єданъ, и по ноћи крадомъ;
Другій путъ ћу съ хилядама доћи,
У по подне, нека свакій види,
Кол'ко треба, да се скине глава,
Да се скине, ил' скинути даде,
Докъ на твою помислит' се може."
То изрече, па се цѣо уви,
И у тамну изгуби се ноћцу. —

Чека Душанъ, немож' да дочека.
Цвѣти дошле, и врба листала;
Ускрсъ проће, и Ђурђевъ данъ дође,
Сва се гора заодела листомъ,
А царъ Стефанъ ништа неговори,
Нит' га шилѣ Скадру на Бояни.
Душану є чекат' додіяло,
Па облачи путничко одѣло,
Припасує саблю бедрицама,

И долази своме родителю,
А башь тако угледао време,
Кадь са кралѣмъ кральицу застао.
Како уђе, Бож'ю помоћь дає,
И предъ ньима до землѣ се кланя,
И десницу цѣлива имъ руку.
Пита нѣга сербскій царъ Стефане:
„Коє добро? мой сыне Душане“ . . .
Пита нѣга госпођа кральица:
„Свѣтлый кралю, како у Призрену?“
Ньойзи Душанъ тихо одговара:
„Лѣпа госпо, и кральице свѣтла!
Прекрасно є у Призрену граду,
Гди є наравь чудо учинила,
Те му ярка два сіяю сунца,
И два сяйна свѣтле се месеца.“
Па се онда свом' отцу окрене,
И овако нѣму одговори:
„Я самь дошао захвалити лѣпо,
На любави и на дочеканю,
Єрь самь данасъ поћи намѣріо.“
Царъ Стефане на кральицу гледи,
А кральица у црну земльицу;
На лице іой тамна падне сѣнка,
Равна оной на бистром' єзеру,
Кадь за гору свѣтло склизне сунце.
Па Душану 'вако проговара:
„Данасъ поћи? — То неможе быти!“
Крвь Душану у груд'ма ускипи,
Али юнакъ своє срце стегне,
И овако кральицу запита:
„Зашт' неможе? узрока невидимъ!

Посла немамъ, да ме задржава,
Видили смо с', разговорили смо с':
Могу поћи, кадь ми воля дође.“
Нѣму вели србскій царъ Стефане:
„Не, Душане, іоштъ неможешъ ићи!“
Душанъ отцу тихо проговара:
„Зашто? отче; узрокъ мени кажи.
Я самь къ теби чешће долазіо,
Кадь ми воля, опетъ одлазіо,
Никадъ мени на путъ стао ниси.
Ил' ме пуштай, ил' ми право кажи,
Да си мене у Призренъ дозвао,
Не у госте, него у сужанство,
Заточеникъ да будемъ кодъ краля,
А не дѣте кодъ свог' родителя.“
Проговара кральица Марія:
„Айд' умири, србскій цар' Стефане!
Кадь си тужанъ и то дочекао,
Да т' сынъ види у двору тамницу,
И у теби свога тамничара!
Пуштай нѣга, нек' у Зету иде,
Докъ се нису дигнули Зећани,
Да обію на тамници врата,
И уморе злога тамничара!
Пуштай сына, нек' у Зету иде,
У Зети су големи послови;
Скуплѣну є уредити войску,
И дочекат' вѣрне пріятелѣ.
Отацъ живи, године пролазе,
А Србія доста є велика:
Кадь два краля могу имат' доста,
Зашто єданъ да све самъ имаде?

Доста отацъ свог' владао вѣка,
Већь є време. да се преда сыну.
То и сама света иште правда,
Тако стари чинише кралѣви
Одъ пресвете лозе Неманьине.“
Душанъ ћути, ништа неговори,
Неговори съ тога, што неможе;
Грчъ му срце, да пукне, стиснуо,
А грло се одъ жалости стегло.
На єданпутъ лютый пламенъ букне,
И повиче громовитымъ гласомъ:
„Заръ ће опетъ отровна маћія
Да у црно завіє Србію,
Ватру баци међъ отца и сына?
Заръ у светом' нѣдру Неманьином'
Опетъ люта излегла се гуя,
Коя ће га за срце уєсти,
Отроват' му споменъ међу людма,
Учинити име проклетиньомъ,
Да се прича са свога покора? —
Дивно чудо имаде Србія,
Све іой землѣ за то завидиле,
Два на ведром' своме небу сунца,
Єдно свѣтли, да се друго сія:
Заръ сатана кивну пружа руку,
Да Србіи ту угради дику,
Да іой єдно угаси сунашце
Крвлю сына и сузама отца?“
Изъ ока му засѣваю мунѣ,
А громови съ чела удараше —
Уплаши се кральица Марія.
А царъ Стефанъ стане међъ обоє,

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ У НОВОМ САДУ

И овако ньима проговара:
„Ћут', Душане, ни рѣчице више! —
А ты, душо, уклони се малко,
Я ћу съ ньиме све свршити мирно.
Сынъ се съ отцемъ лакше разговара,
Злом' лютина води рѣчи концу.“
Поѣе къ врат'ма кральица Марія,
Ал' іой Душанъ недаде изићи,
Већь овако у бѣснилу грми:
„Нећешъ, гуіо, изклизнут' изъ руке,
Докъ савъ єдъ твой неизблюєшъ овдѣ.
Каж' у очи, шта на мене знадешъ,
А не греби, кадь окренемъ леѣа.“
Кральица га испредъ себе тура,
Преко гледи, гордо проговара:
„Ако тебе нису научили
Заповѣсти послушат' отчине,
И съ кральицомъ знати говорити:
Я самь мужа слушат' научила,
И презрети неваляла сына,
Ма и круна на глави му была.
Ид' ми съ пута, са мномъ немашъ ништа:
Ено т' отца, па се сваѣай съ ньиме!“
Рикне Душанъ, као лавъ разяренъ:
„То, то, ты си єдва дочекала:
Али нећешъ, кудъ си наумила!
Съ тобомъ имамъ— съ отцемъ немамъ ништа:
Съ тобомъ рачунъ данасъ свршит' морамъ.
Таки, съ мѣста све да си казала:
Шта я чинимъ противъ краля мога, —
Съ коіомъ име газишъ моє правдомъ, —
Лютый законъ на главу ми вичешъ? —

Дай, доказуй! — ил' тако ми Бога,
Хоћу змію у коренъ сатрти.“
Ово рекне, па саблю истргне,
Завитли є себи изнадъ главе,
А како є лако завитліо,
Звижди пуста, да уши пробіє.
Уплаши се кральица Марія,
Брже болѣ къ свом' побѣже мужу,
А сва дркће, као танка шибльика.
Предъ Душана царъ Стефанъ изиђе,
И овако на нѣга повиче:
„Саблю таки у корице мећи,
Па се вуци изъ мои очію!“
Нѣму Душанъ 'вако одговара:
„Я изъ ове собе неизлазимъ,
Докъ кральица све то неискаже,
Што на мене лаже и саплиће.
Знамъ я добро, на што она смишля:
Ньой су ове очи досадиле,
Па ій рада огнѣмъ испалити,
Она жели съ ове круну главе,
Па ій рада обадве скинути!“
Заплака се кральица Марія,
Па овако крозъ сузе говори:
„Яо мени до Бога милога,
'Уда самь ти жена и кральица!
Мене грде и заклати прете,
Мужъ све чує и види, па ћути,
А краль само сладке има рѣчи.
Шиль' ме отцу, србскій цар' Стефане,
Кадь ме ниси ты бранити вреданъ.
То є само у Србіи право,

Да кральицу предъ очима краля
Клат' и грдит' безъ каштиге смѣду:
Свѣтла правда храбры Угричића
Ни трећему непрашта колѣну.“
У ярости отацъ сыну виче:
„Саблю доле, на полѣ се вуци,
Єрь ће т' снаћи, чему се ненадашъ!“
Душанъ отцу тишше одговара:
„Дужанъ си ме, отче, преслушати,
Да се рана далѣ неразєда,
И живота ма коєг' нестане,
Или твога, или пріє мога;
Немой, отче, стварь подъ ништа примат'!
Нієшала, о невѣри с' ради,
Єл' истина, крвь потећи мора,
Крвь вѣнчаног' одъ Србіє краля.“
Отацъ сыну немило говори:
„Круну т' ніє ни дати требало,
Кадь єнезнашъ, како валя, носит'.“
Душанъ отцу горко одговара:
„Кадъ си сына имао наслѣдника,
Ніє т' было жену узимати.
Маћія ти очи испалила,
Послала те съ дѣцомъ у сужанство,
Самъ ти Богъ єпутъ показао правый,
Послушати ты нѣга нехтѣде.“—
У то на дворъ кральица испала,
Русу свою расплела єкосу,
А на очи сузе натерала,
Па кукаюћ' овако викала:
„Кои своме вѣру држи кралю,
И заклетву почитуєсвету,

Нек' похита у помоћь Стефану,
Хоће нѣга Душанъ да заколѣ."
Скупише се момци оружани,
Потргоше мече изъ корица,
У кралѣву собу нагрнуше;
Предъ ньима є Воинъ воєвода,
Кои знаде мисли кральичине,
Те на сына момке раздражує:
„Сложно момци, што сте застанули,
Зарь у руци го мачъ невидите?
Ил' хоћете, да васъ люди плюю,
Што предъ вама краля погубише,
А мачеви с' ваши немакоше,
Немакоше, остали вамъ пусти!"
Кадь на краля момци ударише,
Ватра му се узь образъ запали;
Онъ опружи обе своє руке,
А оштро се на пети окрене,
Све поваля, као исто сноплѣ,
Па са голымъ у десници мачемъ
Поѣе къ врат'ма, да на полѣ оде.
Кадь то види кральица Марія,
Одъ ужаса затресе се цѣла,
Па зацыкне у невольи лютой,
Као да срце изъ нѣ ваде живе:
„Непуштай га, србскій цар' Стефане,
Ако теби оде изъ Призрена,
Изъ Зете ће хале подигнути,
Погуби ће и мене и тебе!"
Цар' Стефану на ино с' неможе,
Већь повиче Воину съ момцыма:
„Држте краля, саблю му отмите,

Водите га у тамницу мрачну,
Па никога къ нѣму непуштайте!“
Ал’ войници єданъ другогъ гледи,
Нико нема волю быти првый.
А кадь Душанъ рѣчи разумѣо,
Застао є, главу оборіо,
Па на отца тужно погледао,
Мачъ пламенный на землю баціо,
И овако отцу говоріо:
„Садь немаримъ животъ изгубити,
Кадь одъ тебе то самь дочекао.“
То рекао, съ момцима пошао;
Опетъ стао, къ отцу погледао,
Тужнымъ гласомъ нѣму повикао:
„Убій, отче! неправи богалѣмъ!“
Па изъ собе брже изишао,
Голе главе и безъ саблѣ бритке.
У тамницу момци г’ отпратише,
Па за ньиме врата затворише,
И съ деветъ ій брава заключаше,
Те самъ оста у тамници сужанъ.

Тежка туга кралю прси стегла,
Синьій каменъ на срце му легао;
Холу главу къ нѣдру оборіо,
Као кринъ бѣлый, кадь га црвъ подгриза;
Ока свога са землѣ недигао,
Као майка са гроба надежде.
Онда суза низь образъ му склизне;
Съ уздысаємъ изъ дубльине грудій
Ове му се подкрадоше рѣчи:
„А сирота моя Анѣелія!“ — —

Није дуго постаяло време,
Тамници се врата отворише,
Стража уђе, кључеве донесе,
И овако проговори кралю:
„Свѣтла круно, мы добро видимо,
Да є тебе овамо послала
Зла намѣра и мрзость краљице.
А мы нисмо ради дочекати,
И по другій да се путъ догоди,
Што никада да се није сбыло,
Свакъ бы Србљинъ одъ срца желіо,
Много манѣ, да што тебе снађе,
За когъ сви ће радо изгинути.
Опрости намъ, што ти сагрѣшисмо,
И ево ти одъ тамнице ключа:
Бѣжи, кралю, куда теби драго,
Спаси себе одъ грдне несреће,
А Србію одъ зла и срамоте.“
Душанъ нѣму тихо одговара:
„Ты се варашъ, драгій пріятелю!
Іоштъ Србія дотле није дошла,
Да є правда, што су ноге брзе.
Па све да є, — што заиста није,
Докъ царъ Стефанъ златну круну носи, —
Душанъ руши, што нагне на нѣга,
Или пада, ал’ никадъ небѣга.
Задрж’ ключе, чини твою дужность’,
Богъ ће дати, све ће добро быти.
Лако ће се сынъ съ отцемъ помирит’,
А васъ може све живота стати.“
Кралю стража овако говори:
„Што насъ чека, нека насъ постигне,

Мы се съ мѣста крочити нећемо.
Нека наше они скину главе,
Само твою ты сачувай, кралю!“
То изрекне, ключеве остави,
Брже болѣ на полѣ изиђе.
Краль се спусти на сламну постелю.
У нѣму се сва смутила душа.
Она цѣла, она вѣра тврда,
Да га отацъ оставити неће
Ни за чію на том’ свѣту љубавь,
Срушила се, сва се разпрштила;
Оно крѣпко у себе узданѣ,
Коє с’ мисли окалят’ недало,
Да ће пріє животъ изгубити,
Него свога отца увредити,
Разбило се, ка’нда ніє было,
И стидъ на свом’ мѣсту оставило;
Благотворна она душе мисао,
Коя сумньи неда дићи главе,
И укланя сваку несигурность,
Да на овом’ цѣлом’ бѣлом’ свѣту
Ништ’ неможе љубавь нарушити,
Тврду ону свезу разкинути,
Коя нѣга съ отцемъ с’єдинява,
Одлетила, да се неповрати,
Оставила за собомъ презанѣ,
Коє будно опасность одбія,
Али увѣкъ одъ зла горе прави.
Смутила се у Душану душа,
На срцу му каменъ лежи леда,
У глави га люта смѣша пали. —
Већь се сунце за гору спустило,

Вече было, па ноћь наступила;
Звѣзде трепте на небу ведроме;
Месецъ тихо прописанымъ путемъ
Одъ истока къ свом' плови западу;
Све се дало миру и тишини,
Све заспало, као да є помрло;
Занѣмила туга и посленость,
Стишале се бриге и рачуни,
Задремала зависть са ревношћу:
Све подъ своє миръ узео крыло,
Онъ се спусти, после дуге борбе,
И у главу и груди Душана.
Свѣжа струя чисто га пробіє,
Оживи му и душа и тѣло.
Ясность нѣка обліє му душу,
И као какво чистіє створенѣ,
Предъ очи му стане Анѣелія.
Нѣна сяйна, небеска лѣпота,
Блага любкость, пречиста невинность,
Печатъ мира на анѣелскомъ лицу,
Кои бурный задай ненаруши,
А у оку безгранична любавь,
Испуни га чувствомъ неисказнымъ,
Уздигне га за землѣ блатнаве,
И премѣсти подъ чистіє сунце.
Предъ ньимъ стои та райска прилика,
Па се сладко на нѣга осмѣва;
Са своимъ жельомъ сазреле любави
Своє бѣле шири къ нѣму руке —
Онъ поскочи, да б' є загрліо, —
Ал' му красно одлети виѣенѣ.
Краль с' обзире, као да га тражи,

Тамница му на све одговори.
Онъ уздане изъ свег' срца свога,
Да с' опрости одъ синѣг' камена,
Кои му є притиснуо груди,
Да му єдва одданути дає.
Садь се мисао првый путъ му яви,
Да изгубит' може Анѣелію; —
Мачъ му бриткій крозъ срце просѣче,
А крозъ главу шибка усіяна:
Мало юнакъ у несвѣсть непао;
И пао бы, да му непритече
Она лѣпа людій варалица,
Што намъ слаже по стотину пута,
И мы опетъ све іой вѣруємо,
Да надежда неслети къ юнаку,
Коя своимъ улагльивымъ гласомъ
Пришапне му: све ће добро быти, —
И дотле му миліє образе
Изъ среѣніи будуѣности дана
Умореном' оку указива,
Докъ неспаде тежка трепавица,
И надежду братъ іой санъ измене. —

Сынъ заспао, а отацъ немогао.
На нѣга су бриге навалиле,
Тежке бриге и невольне мисли.
Са две стране нѣга ватра пече,
Грѣхъ сапреда, гробъ зія сатрага:
Незна кралю, на кою ће страну.
Све мисліо, на єдно смисліо,
Тог' се држат', што за право наѣе,
Па ни себе, ни другогъ негледат'.

Срце боле, ал' ће лакше быти,
Ако савѣсть непомоли зуба. —
А кральица, кадь се нашла сама,
На колѣна предъ икону пала,
Повикала изъ свег' срца свога:
„Хвала Богу, хвала єдиноме!
Бы-ће добро, добро се почело.
Напредъ мора, што натрагъ неможе,
А посѣянъ неугине куколь.
Я ћу сламу пламену додават',
Вѣтрину ће случай позаймити.“
Па се дигне, и надъ сына оде,
Люби нѣму чело и образе,
И овако нѣму проговара:
„Сладко чело, за круну роѣено,
Ню ће теби задобыти майка.
Ак' узмора круну измамити,
Бы-ће майка лукава лисица;
Ак' узмора круну уграбити,
Бы-ће майка люта курячица.
За своегъ сына, сладкогъ Симеуна,
У ватру ће, у воду ће майка,
У само пакао, ако быти мора.“
Изъ свога се дѣте тргне сана,
Бѣле своє майци пружи руке,
Сладкимъ гласомъ за желю іой пита.
Она нѣму тихо одговара:
„Спавай, сыне, ништа неће майка!“
Па край сына сѣдне на постелю,
Онъ іой спава, а она га гледи,
Свога ока са нѣга несмеће.
Пресѣдила ноћцу до поноћи.

А кадь было после пола ноћи,
И немогла сану одолѣти,
Дѣте крсти са срцемъ побожнымъ,
Анђелу га дає хранителю,
Па одлази у свою постелю.
Како легла, таки є заспала.
Царъ Стефане заспати немогао,
Єдва чекао, да зора засійне;
А кадь зора заплавила бѣла,
И румено явило се сунце,
Чуо кралю жуборъ и тутняву,
Брже пошао къ сыну у тамницу.
Ал' се народъ слегао къ тамници;
Цѣо Призренъ на ноге устао,
Нико дома остати нехтѣо.
Скупило се мало и велико,
Поврвило и старо и младо,
Па су свима чела намрштена,
Изъ очію прети олуина.
Нико незна, шта є и како є,
Гди є правда, гди ли є неправда;
Сви се боє, да се што несбуде,
Коє нису ради дочекати.
Свако хита, да што пріє дође,
Да се ближе до врата дотура,
Да што болѣ може разумѣти.
Па на врати текъ є тиштма права,
Промеђу се као чикови люди.
Єданъ пита на врати стражаре,
Сви слушаю и съ окомъ и съ увомъ,
Ал' немогу ништа разумѣти,
Єрь стражари као да су засути,

Єданъ гласка одъ себе недає.
Садь долази србскій царъ Стефане,
Предъ ньимъ врва на страну одступа,
Све су очи къ нѣму управлѣне,
Све питаю, шта ће сада быти?
Кадь до врата тамнице дошао,
Заповѣда, да му се отвори;
Понизно му одговара стража,
Да се врата забрављяла нису.
„А краль гди є?“ краль запита нагло.
„У тамници!“ одговори стража.
Главу спусти србскій царъ Стефане,
А крозъ народъ разлегну се рѣчи:
Одъ тамнице врата отворена,
А краль младый избѣѣи нехтѣде.
Єданъ почне, а съ ньимъ сви пристану,
И загрми изь хиляду грла:
„Да Богъ живи младогъ нашегъ краля!“
Грмлявина Призренъ задрмала.
Царъ Стефане у тамницу уѣе.
Предъ ньимъ Душанъ на ноге устао,
Дубоко се нѣму поклоніо,
Главу свою грудма приклоніо,
Па чекао, шта ће отацъ казат'.
Отацъ сына задуго гледао,
Па овако нѣму прозборіо,
У гласу му болѣтица єчи:
„Мой Душане, мой сыне роѣеный,
Твом' можешъ ли отцу опростити?“
Душанъ чуо, на колѣна пао,
Па съ колѣна отцу одговара:

„Отче сыну ты опрости твоме,
Я самь тебе люто увредіо.
Вѣруй мени, истину ти кажемъ,
Главу б' мою за те дао рѣчи,
Да ій могу натрагъ повратити,
И учинит', да речене нису."
Отацъ своме сагнуо се сыну,
Па га диже себи у наручя,
И овако нѣму проговара:
„Твой грѣхъ рѣчи, а я дѣломъ сгрѣши:
Твоє рѣчи само отаць чуо,
Моє дѣло цѣла зна Србія;
Прости, сыне, твоме родителю,
Онъ ти прашта изь свег' срца свога!
Заборави, што с' изгладит' неда."
Загрли га, у чело полюби,
А сынъ отца у десницу руку,
Па овако нѣму проговара:
„Твоя милость и твоя доброта
За границе никадъ знале нису.
Но те молимъ, милый родителю,
Ако мене за крива налазишъ,
Или мислишъ, да кривъ быти могу,
(Болѣ мене, нег' я самъ, познаєшъ) —
Єто ножа, а ево прсію,
Удри, отче, просто теби было!
Ты си дао, ты ми животъ узми,
Ал' плеткама ува неподаи
Опадника и непріятеля,
Да се наши несмѣю душмани,
Да на нама свѣтъ се несаблазни,

Светый животъ да с' твой неоскверни,
И будућность моя неотрує."
На то дигне кључе одъ тамнице,
Отцу дає, па му проговара:
„Ево теби одъ тамнице кључа!
Увѣри се, да у твоме сыну
Найвѣрнієгъ ты имашъ стражара!"
Отацъ сына узме изподъ руке,
И изиђу оба изъ тамнице.
Сына съ отцемъ кадь угледа народъ
Исподъ руке као пріятелѣ,
Свако чело смѣста се разгали,
У очима радость се заблиста,
Па повичу изъ хиляду грла:
„Да Богъ живи оба наша краля!
Да Богъ живи и отца и сына!"
На све стране радость и веселѣ,
И весело изъ грла кликтанѣ.
Кои ближе кралѣва се нашли,
Любе ньима руке и скутове,
А предпьима стражньи завидили,
За кралѣве сви бы изгинули,
А кралѣви єданъ за другога.
Лѣпше славе, и лѣпше радости,
Царъ Стефане нигда неимао,
Одъ радости сузе му потекле,
А срце му игра у нѣдрама.
Тако сына довео до двора,
Ту є нѣга лѣпо почастіо,
Па га онда за путъ опреміо,
Извео му коня осѣдлана,

И преправне за путъ пратіоце,
Па га къ своме срцу пригрліо,
Полюбіо и благословіо,
И пустіо Скадру на Бояни,
А онъ остао у бѣлом' Призрену.

Пѣсма пета.

Сунце далѣ одъ истока бѣла,
Душанъ далѣ одъ Призрена града,
Сунце ближе къ руменом' западу,
Душанъ ближе къ бієлому Скадру,
Сунце заѣе, а месецъ изаѣе,
Те юнаку указує пута,
Кои незна глади ни умора,
Нити мисли на меку постелю,
Већь све само у напредъ погледа,
Не бы л' бѣлый Скадаръ опазіо.
Конь му лети, онъ му ребра пори,
Чини му се, да текъ єдва мили.
Витезъ себи равна непознає,
Или валя стићи, ил' утећи,
Ил' корачат' тихо, поносито,
Ил' прескакат' плота высокога,
И яруге два копля широке:
Али жельи у грудма Душана
Сама б' Вила стара бака была,
Живо око безь свог' крыла соко.
Савъ є коньицъ у пѣни огрезао,
Пола бѣлой а пола крававой;

Добру волю силе оставиле.
Юнакъ бадне, а коньицъ уздане,
Што не може, како бы се хтѣло.
А кадь Душанъ чуо уздысає,
Свогъ є коня добро разумѣо,
Па є съ нѣга хитро одскочіо,
Међу очи нѣга полюбіо,
И овако нѣму говоріо:
„Мой Витезу, знамъ, како є теби,
Подъ юнакомъ, кой за жельомъ лети!
Но послужи како болѣ можешъ,
Кадъ будемо Скадру на Бояни,
Бы-ће теби сваке доста неге.“
Конь га гледи па уши рогуши,
И зарже, и ногомъ закопа,
Нуди свога къ путу господара;
Ал’ му нога єдва землю праши,
Уморъ гласу сву узео снагу.
Господаръ га по очима глади,
И овако нѣму проговара:
„Нека, нека, мой добрый Витезу,
Одмори се, да болѣ можемо.“
Па га сѣдла опростіо тежка,
Тежка сѣдла, и тесна колана,
Покріо га своимъ огрталомъ,
Провео га нѣколико пута,
Па пустіо нека себи годи.
Мртавъ гладанъ, и да умре жеданъ,
Нити тражи єла, нити пића,
Већь подави ноге све четири,
И спусти се на зелену траву,
Одъ умора да мало почине.

На спаванѣ Душанъ и немисли,
Већь онъ хода и тамо и амо:
Часъ погледи, како стоє звѣзде,
Єсу ли се кола окренула,
Хоће л' скоро забѣлити зора;
Часъ погледи свог доброгъ коньица,
Кои дува, у велико спава,
Купи снагу за своегъ господара;
На часъ око предъ дружину шалѣ,
Хоће ли се ова указати.
Часъ су овдѣ, часъ су очи ондѣ,
А мисао є све на єдном' мѣсту,
Кодъ лієпа, кодъ села Зерзева,
У бієлой Новаковой кули,
Кодъ нѣгове миле Анѣеліе.
Онъ ню види, како тихо спава,
Као дѣте на майчином' крылу.
Чело главе сѣди іой Невинность,
Злым' дусима приступит' іой неда,
Ни окалят' светиню нѣдара;
Чиста Любавь златны свои крыли
Зажарене лади іой образе,
И умилне наводи санове,
Те се устне потихо испиню,
Као да бы полюбацъ искале,
Садь се опетъ потихо развуку,
Мило нѣшто и драго видила,
Па се на то сладко осмеяла;
А у грудма с' люляю таласи,
Нѣдра расту као на сунцу перѣ,
Танка дркће на грудма кошуля,
Као тиха вода спрамъ месеца.

А све ћути миромъ заражено.
Богъ преблагій, любимаца ради,
И грѣшникомъ сна благодать дао,
Да са своимъ нечистымъ метежомъ
Ненаруше санакъ невинности,
И светиню нѣму неоскверне. —
Дуго време было постаяло,
Докъ дружина за Душаномъ стигла;
Кадъ стигоше, конѣ одсѣдоше,
На средъ пута ватру начинише,
Измеђъ себе стражу изметнуше,
Завише се, край ватре легоше,
И заспаше, као да су поклани.
Кадъ предъ зору мало заладило,
На Душана санакъ навалiо,
Тежке очи саме с' затвараю,
Силомъ трава къ себи тѣло вуче.
Онъ се спусти на меку травицу,
Ярко га є пробудило сунце.
Краль се тргне, и на ноге скочи,
Витезъ коньицъ по ливади пасе,
А дружина ни главе не диже,
Нити страже, ни одъ страже гласа.
Кадъ спазiо Витезъ господара,
Заржао чило, гласовито,
Сву дружину изъ сна пробудiо.
Сви усташе, конѣ опремише,
Па се мало съ ногу прехватише.
Тамань хтѣше конѣ узяшити,
За своимъ се путомъ пожурити,
Ал' се яви чета оружана,
Блиста iой се на сунцу оружѣ,

Као єзеро спрамъ месеца сяйна.
Душанъ своіой дружини повиче:
„Скач'те, момци, на конѣ одморне,
Потецимо на сусретъ юнакомъ:
Ова чета одъ Скадра се явля,
Зацѣло су наши пріятельи.“
То рекао, коню притекао,
Витезу се на рамена дао.
Коньицъ добру срећу осѣтіо,
Подъ добрымъ се разиграо юнакомъ,
Поносито главу уздигао,
Прси пупчи, ноге разбацує,
Добро знаде подъ кимъ се поноси.
Кадъ се ближе чета примакнула,
Доиста су быти пріятельи,
До сто друга, све сами Зећана,
А предъ ньима Жарковићъ Деане.
Кадъ є Деанъ краля опазіо,
Предъ нѣга є хитро дояшіо,
И радостно нѣга поздравіо.
Краль га пита, како г' здравлѣ служи,
И како су на дому остали,
Куда ли се тако подигао
Съ четомъ маломъ, али изабраномъ.
Деанъ кралю 'вако одговара:
„Здравлѣ служи како Богу воля,
Ал' є цѣла Зета забринута.
Мы смо управ' къ Призрену се дигли;
Мало насъ є, све бы чета раст'ла,
До Призрена хиляда бы была.
Громъ ужасный изь неба ведрога
Никадъ тако люде непорази,

Као Зећане та новина страшна,
Да су тебе у Призрену граду
У тамницу затворили мрачну.
На найгоре свакій помисліо,
Одъ несреће свакъ се задрктао,
Сви викнули изъ грла єднога:
Айд' къ Призрену, да спасемо краля,
Или онде съ ньиме изгинемо.
Гласъ тай цѣлу-й уздрмао Србію,
Уздрмао и кршно Приморѣ,
Уздрмао люту Арбанаску.
Видіо бы до неделѣ дана
Грдну войску предъ твоіомъ тамницомъ.
Хвала Богу, кадъ є тебе овдѣ,
Како хоћешъ, съ нама заповѣдай.
Хоћемо ли бієлу Призрену,
Да рушимо проклету тамницу,
Да небуде каменъ на камену,
Ни прекора србскоме имену;
Да с' съ Призренци мало прокошкамо,
Нека виде, и нека науче,
Да зећанскогъ заточити кнеза
Значи Зету у Призренъ пренети;
Да с' увреда кралю нанешена
Цигло єдномъ опрат' дає крвлю."
Нѣму Душанъ тихо одговара:
„У Зећана вѣра-й одъ камена,
Десна рука одъ самог' челика,
А у сваком' крви и одвише,
Небои се мало оточити;
Бы-ће време и за такву бербу,
Хвала Богу, за садъ нужде нієе.

Зло с' почело, добро се свршило,
Ніє вредно многог' разговора.
Призренци су Зети пріятельи.
Већь окрен'те, браћо моя драга,
Да бієлу Скадру похитамо,
Єсамь вамъ се Скадра зажеліо,
Бѣла Скадра и воде Бояне,
И планина Зетски кршовиты,
И васъ мои милы пріятеля.
Кадъ насъ 'вако срећа саставила,
Хоћемо се мало почастити.
Ком' є воля хитаръ ловъ ловити,
Кршна гора пуна є єлена,
А єзеро утва златокрылы;
Коме воля коня огледати,
Край Дримца є полѣ пошироко,
А у Зети доста добры коня;
За софру се Деанъ постарао;
Добра вина за мномъ є остало,
Ако ніє газда потрошіо
На сватове, и на госте добре.
Нема л' тога, нађ' ће се другога,
Застарат' се гости немораю."
То изрече, па узду притегну,
Скочи Витезъ као горска Вила,
Све по коплѣ у высину скаче,
По два добра копля у напредакъ.
За кралѣмъ є Деанъ на Лабуду,
За Деаномъ остала дружина,
Све юнаци на добры коньици.
Тако чета Скадру пристигнула.
А Скадарци кадъ ій угледаше,

Сви преда ньи листомъ истрчаше,
Свога кнеза и младога краля
Дочекаше съ радостнымъ поздравомъ.—
Краль є госте дочекао лѣпо,
И свачимъ є ньима угодіо.
Свакій чини, што є нѣму драго:
Или води хрте на єлене,
Ил' на утве пушта соколове,
Или трка подъ Скадромъ коньица.
А краль нѣко пробавіо време,
Па Деану госте оставіо,
Онъ отишао лієпу Зерзеву,
И бієлой Новаковой кули.— —

Цар' Стефану у бѣлом' Призрену
Стижу гласи, горій одъ горега.
Єданъ вели: подигла се Зета;
Другій за ньимъ: и кршно Приморѣ;
Опетъ трећій: Арбанаска с' буни,
Прогласила Душана за краля,
И справля се ударит' на Призренъ.
Царъ Стефане незна у невольи,
Да вѣрує, ил' да невѣрує:
Одъ Душана ничег' се неплаши,
Ал' є людій свакояке ћуди!
Брига кралю люто дотежтала.
Іошть бы у злу пола добра было,
Да и съ друге бѣде нема стране.
Одъ како се помиріо съ сыномъ,
И осамъ є тому прошло дана,
Неда му се кральица видити;
У свою се собу затворила,

Па предъ себе никогъ непуштала,
А наполѣ неизилазила,
Нити дѣте одъ себе давала.
Незна кралю шта є и како є;
Силе неће, а чекат' є тежко.
Данъ деветый кадъ є освануо,
Изшетала кральица Марія
Сва у црно руво обучена.
Ньой говори србскій царъ Стефане:
„Кажи мени, моя мила любо,
Зашто си се у црно увила?
И гди ти є дѣте Симеуне?
Нисамь дѣте видіо оддавна,
Већъ самь га се яко зажеліо.“
Сузе проли кральица Марія,
Па овако кралю проговара:
„За дѣтетомъ црно самь обукла!“
Скочи кралю на ноге лагане,
Одъ ужаса лице му преблѣди,
Па онъ пита кральицу Марію:
„Шта бы, любо, да одъ Бога нађешъ,
Са дѣтетомъ шта се учинило?“
Нѣму вели госпоѣа кральица:
„Умрло є одъ майчине руке,
Да неумре одъ руке душманске!“
Царъ Стефане савъ се окамени.
А кадъ мало къ себи се поврати,
Онъ овако кральици повиче:
„Иди, жено, да те Богъ убіє!
Єси л' мати, ил' си курячица,
Єси л' жена, ил' слика сатане,
Да ты твоє убієшъ дѣтенце,

А изъ єдне злобе и пакости.
Но тако ми Бога єдинога,
Божя ће се правда испунити,
Са животомъ животъ ћешъ платити.
Одъ мене се милости ненадай.
Слуге амо! водите убицу,
Баците є у мрачну тамницу.“
Кральица му тихо проговара:
„Мани слуге, србскій цар’ Стефане,
Мани слуге, дѣте твоє живи.
Помислити како си могао,
Да ће майка своє убит’ дѣте?“
Царъ Стефане сѣда на столицу,
Главу свою рукомъ подупире,
Па овако говори кральици:
„Пре ће мати своє убит’ дѣте,
Кадъ іой мозакъ зла попіє срећа,
Него такву шалу проводити
Безь неволѣ и съ чистомъ памећу!“
Говори му кральица Марія:
„Морала самь тако учинити,
Да знашъ, како моє срце страда.
Ты си лако мени повѣровао,
Да самь моє я убила дѣте,
Што си црно на мени видіо,
И видіо сузу у очима:
Како нећу я вѣроват’ тужна,
Да ты идешъ дѣтету о глави,
Кадъ у руке нѣговом’ убици
Ты самь даєшъ ноже наоштрене?
Црна риза лако се скинула;
Нек’ помисли само на смрть сына,

Већь є майки суза ударила:
Ал' душману ножа неистрже!
Но ты мене разумѣт' неможешъ.
Све є твоє срце кодъ Душана,
Нама двома како срећа даде."
Царъ Стефане ньойзи проговара:
„Сва є твоя брига безь неволѣ.
Ты Душана непознаєшъ мога.
Да с' онъ хтѣо на отца дигнути,
Небы нѣга вид'ла у Призрену;
Нит' бы мене, нит' бы питао тебе,
Може л' ићи Скадру на Бояни;
Нит' бы мене чекао у тамници,
Са ключевма одъ нѣ у рукама.
Душанъ смрти ништа се неплаши,
Ал' се бои огрѣшити душу:
Одъ таквог' се небой противника,
Докъ є съ грѣхомъ невѣра скопчана.
Нападнешъ га? бранити се мора;
Ко му може за то замѣрити?
Дай му мира, па ћешъ имат' мира;
Терай лиса, истера-ћешъ вука!"
Проговара кральица Марія:
„Кадъ већь тако, србскій цар' Стефане,
Кадъ већь тако мислишъ и вѣруєшъ,
У Душану да є живъ светитель,
То бы болѣ быо учиніо,
Да га ниси нимало вређао,
Нит' га звао изъ Зете у Призренъ,
Нит' га слао у тамницу мрачну:
Садь си нѣга са мномъ омразіо,
Душманиномъ мени учиніо,

На освету лава разпаліо,
Па пустіо Зети оружаной.
Садь ил' умри, ил' се съ њимъ раздвои,
Бы-ће мени туге и жалости;
Константину што си узаймио,
Врати-ће се твоме Симеуну;
А я знадемъ, шта ће моє быти.
Видіо си твои вѣру людій,
Колико се на њи ослонити!
Ты налажешъ, да га добро страже,
Они сами ключеве му даю,
А остаю, да за нѣга гину;
Видіо си и твоє Призренце!
Єсу ли те гласомъ поздравили,
Кадъ си крозъ њи, краль њинъ, пролазіо?
А ніє л' се цѣо Призренъ тресао
Одъ узклика за младога краля?
Што ти круна іоштъ на глави стои,
Морашъ доброй захвалит' му вольи:
Да є само за добро нашао,
Могао ти є са главе скинути,
На свом' мѣсту тебе оставити,
Призренци се небы доста могли
Надивити досѣтльивой глави.
Нису л' пошли на Призренъ Зећани?
Нечуєшъ ли гласе са сви страна,
Да се войска за Душана диже?
Я самь была међъ четири зида,
Ал' самь чула, како тай громъ риче,
Кои нашой люто прети глави —
Осѣтила, како с' кућа тресе,
Изъ темеля срушити се прети.

Шта ћешъ радит' српскій цар' Стефане?
Я те питамъ, Симеунъ те пита.
Мой си животъ за нѣговъ искао,
Пресуду си праведну рекао:
Я садь иштемъ по той истой правди,
Съ твоимъ нѣговъ ты животъ сачувай!"
Замисліо с' српскій царъ Стефане,
Па овако ньойзи проговара:
„Єсть се земля здраво задрмала!
Люту ватру люди водомъ гасе,
Паметь єдна зауздава страсти.
Съ насъ є узрокъ; добро пазит' валя,
Да зло горымъ опетъ съ насъ небуде.
Врло снажанъ помоћникъ є правда;
Сама себи вратъ неправда ломи.
Одъ Душана ништа се небринемъ,
Ал' є людій свакояке ћуди,
Начини-ће одъ бѣлога црно,
Неправду ће претворит' у правду.
Хоћу писат' заповѣсть Душану,
Нек' разпусти чете оружане;
На све стране разсла-ћу гласнике,
Ко се дигао, нек' се кући враћа,
Ко с' неврати, кралю є невѣра!"
Нѣму вели кральица Марія:
„Свѣтлый кралю, милый господару,
Я ћу радо съ тобомъ вѣровати,
Да ће Душанъ тебе послушати,
Оружане чете разпустити.
Али судимъ, да бы добро было,
Да ты кога у Зету отправишъ,
На кога се можешъ ослонити,

Да се съ твоє онде наѣе стране,
Да онъ чує, шта говоре люди,
И да види, шта се тамо ради,
Ко долази, ко ли кудъ одлази,
А да ѣути, ништа неговори,
Но све таки на знанѣ ти даде.
Съ овымъ никогъ увредити нећешъ,
Сама паметь то чинит' налаже."
Ньой говори србскій царъ Стефане:
„То є, любо, одъ нѣга искати,
Да онъ мени све на вѣру прими,
А яснымъ му показати дѣломъ,
Да я вѣре у нѣму неимамъ.
То ће, любо, крвь раздражит' младу,
И навести на превару мысли."
Нѣму вели госпоѣа кральица:
„А ты баремъ у том' послушай ме,
Ако чега, мога мира ради.
Сва се земля сада узбунила,
Као пчеле у своіой кошници.
За свакій бы случай добро было,
Да ты твоє скупишъ пріятелѣ;
Заповѣсти болѣ се слушаю,
Испредъ войске кадъ ій краль разшилѣ.
Онъ ти за зло то неможе примит',
Што ты скупляшъ око себе войску,
А на нѣга шилѣшъ заповѣсти,
Да разпусти чете оружане.
Противъ нѣга нико неустає,
Противъ тебе мноѓи су се дигли;
Миръ државе порушит' се може,
Твоя дужность о том' настояти,

Да с' нероди у земльи неволя;
Твоя-й дужность прибирати войску,
Да се на умъ узму немирници,
А нѣгова войску разпустити,
Да зловольи прилику украти.“
Одговара србскій царъ Стефане:
„Нек' ти, любо, воля се испуни!
Неће проћи ни неделя дана,
Станомъ ће се Призренъ учинити
Одъ пешака и одъ коняника.
Ал' ми реци, кога да пошлѣмо,
Да заповѣсть Душану однесе.“
Нѣму вели кральица Марія:
„Ако мене хоћешъ послушати,
А ты пошльи кнеза Балдовина.
Онъ є тамо више пута био
Ради лова и ради веселя:
Пошльи другогъ, свакъ ће питат', шта є?
Нѣга нико на умъ узет' неће.“
Ньой говори србскій царъ Стефане:
„Нека буде, како што говоришъ,
Богъ ће дати, све ће добро быти.
Само немой све на зло слутити,
Самъ несрећу злослута навуче.
Па ми сбаци то црно одѣло,
Обуци се као србска кральица.
Славни ће намъ гости допанути,
Валя госте лѣпо дочекати.
Я ћу свршит' съ кнезомъ Балдовиномъ,
И разслати свуда заповѣсти,
Па ме ето къ теби и дѣтету. . .“
То говори, у чело є люби,

Она нѣга у десницу руку.
Мало пошла госпоѣа кральица,
Мало пошла, па се натрагъ врати,
И овако кралю проговара:
„Я ћу спремит' любовно уздарѣ,
Нека знакомъ у Душана буде,
Да я желимъ, да се помиримо:
Пошльи къ мени кнеза Балдовина,
Да понесе у Зету дарове.“ —

Ніє дуго време постояло,
Ал' ето ти кнеза Балдовина,
Предъ кралѣмъ се кланя до земльице,
Пакъ овако нѣму проговара:
„Свѣтлый кралю, земльи господару!
Коя милость, коя ли заповѣсть,
Што си мене предъ себе дозвао?“
Нѣму вели србскій царъ Стефане:
„Слуго моя, кнеже Балдовине,
Сѣдлай коня, притежи колане,
Брже иди Скадру бієлому,
Къ моме сыну, младомъ нашемъ кралю.
Кажи нѣму моє заповѣсти:
Да разпусти чете оружане.
Ево теби съ моє прстенъ руке,
Нек' ти буде сведокъ заповѣсти.“
Кнезъ Балдовинъ кралю проговара:
„Свѣтлый кралю, земльи господару!
Ты опрости вѣрном' твоме слуги,
Што ће тебе нѣшто да запита.
Ако чете своє оружане
Краль нехтѣде разпустити младый,

Шта да радимъ, како да се владамъ,
Да по вольи све извршимъ твоіой?“
Балдовину царъ Стефанъ говори:
„Ако Душанъ чете оружане
На заповѣсть разпустит’ нехтѣде,
Самъ у име ты имъ рецы моє,
Да се таки разиѣи имаю,
Ко неоде, кралю є невѣра,
И подпада правди и закону.
Ал’ я мислимъ, до тог’ доѣи неѣе,
Само, кнеже, паметно се владай;
Съ младым’ людма посла ѣешъ имати,
А у младым’ крвца ври жилама,
Младе тежко савіяю с’ главе.
Зато благость строго ти налажемъ,
Ревность твою съ мудрошѣу садружи.
А садь иди госпоѣи кральици,
Дарове є она преправила,
Однеси іи Скадру бієлому.“
Балдовинъ се поклони предъ кралѣмъ,
И отиде госпоѣи кральици.
А краль стане шилят’ заповѣсти,
Ко се дигао, да се куѣи врати;
Друге шалѣ своим’ пріятельма,
Да се купе къ бієлу Призрену,
Ако гди годь буде до неволѣ,
Да чуваю срећу кралѣвине.—
Кадъ Балдовинъ кральици дошао,
Дубоко се предъ ньомъ поклоніо,
А она се сладко насмѣяла,
Па овако нѣму проговара:
„Зло с’ казало, на добро испало.

Узми с' на умъ, кнеже Балдовине!
Све у твоіой сада стои руци.
Таку сгоду двапут' Богъ недає:
Зато, кнеже, добро паметь бери!"
Кнезъ Балдовинъ кральици говори:
„Небрини се, госпођо кральице!
Царска сила у моіой є руци,
А у срцу воля кральичина.
Дай дарове, да ій носимъ сыну,
Чини ми се, послѣдни ће быти.
Неће проћи ни неделя дана,
Младог' краля у Србіи нема:
Или лежи у земльици црной,
Ил' є србску землю оставіо,
Да се никадъ у ню неповрати.
Нека буде, коє Богу драго;
Некъ остане Стефанъ и Симеунъ,
Кнезъ Балдовинь тврду има вѣру
У рѣчима кральице Маріє."
То говори, а дарове прима,
Покланя се госпођи кральици,
Кланя іой се до земльице црне,
Па одлази на путъ оправит' се,
И кренути Скадру на Бояни.
Кадъ є дошао Скадру бієломе,
Подъ Скадромъ є нашао чадоре;
Ту се силна сакупила войска,
Одъ све Зете и землѣ Албанске,
И онога богатог' Приморя;
Многи ту су изъ землѣ Захумске,
Изъ Србіє и саме Рассіє,
Све юнаци рода господскога,

Све младићи, лѣпшій одъ лѣпшега,
Поносніи єданъ одъ другога.
А у бѣлу двору Душанову
Више Скадра на Дримцу потоку,
Ту Балдовинъ нашао поглавице,
Предъ Зећани Жарковићъ Деана,
Предъ Приморци кнеза Дабижива,
Кнеза Жарка исподъ Дубровника,
Одъ Новога воєводу Храню,
Предъ Захумци браћу Мрнявиће,
Вукашина и Углѣшу кнеза,
Балшу кнеза одъ бѣле Ужице,
И Богдана съ Поля Юговога,
И Воихну кнеза одъ Вратара:
Сви су ови лозе Неманьине.
Предъ господомъ одъ воде Извора,
И изъ оне родне Вѣнчанице,
Изъ Омоля и кршнога Звижда,
Изъ Бѣлице и две Лепенице,
Изъ Лѣвоча и изъ Лугомира,
Изъ Мораве, Борча, Єлшанице,
И са други изъ Србіє страна,
Три су брата три Раштисалића,
Кнезъ Братомиръ, Бранко и Раозявъ,
Одъ лѣпога села Крушевице,
И два кнеза, два брата роћена,
Леденићи Милошъ и Раозявъ
Одъ Добринѣ и одъ Витахова.
А предъ оны люты Арбанаси
Войвода є Младеновићъ Бранко,
Отацъ му є у Злѣтову глава,
И кнезъ Прибацъ съ села Витанице,

Кои води неяка Лазара,
Да онъ кралю ладно вино служи.
Кнезъ Балдовинъ нашао и Бошняка,
Све господу младу изабрану,
Одъ Зворника, Яйца и Гласника,
Одъ Коньица, Сланогъ и Крешева,
Одъ Сутиске и Бобовца града,
Одъ Попова и одъ Сараєва:
Предъ ньима є Реля одъ Тухеля,
Сынъ Гргура, одъ Яйца войводе.
У Балше є лѣпа Видосава,
Ню ми хоће Реля да заслужи,
Ради нѣму помоћи Босанци.—
Кадъ Балдовинъ дружство провидіо,
Спусти очи, мило му небыло.
Предъ кнеза є Деанъ искочіо:
„Добро дошао, кнеже Балдовине!
Съ добри гласи добрим' пріятельма!—“
Па му пружа свою десну руку,
Гркляну є срце намѣнює,
Али паметь госта дочекує,
Па десници десницу управля.
За Деаномъ остала господа
Съ Балдовиномъ братски с' руковаше,
И любезно нѣга поздравише.
Онъ овако ньима проговара:
„Добра срећа съ добрымъ є юнакомъ;
Никадъ болѣ ненашао дружство.
А краль гди є, да му се поклонимъ.
Ко радъ ніе остат' безъ вечере,
Явити се мора домаћину.
Я заиста никадъ радъ небыо,

А садь манѣ, нег' досадь икада.
Я долазимъ право изъ Призрена,
И доносимъ поздравъ са свы страна.
Вод'те мене кралю домаћину,
Дат' му имамъ поздравъ и дарове.“
Балдовину Деанъ одговара:
„Краля нiє за овай паръ дома,
Ил' ће данасъ, или сутра доћи.
Кадъ онъ дође, поздравъ му изручи;
Докъ недође, съ нама буд' весео.“
Ко мотрiо добро Балдовина,
Могао є лако опазити,
Како савъ му образъ позелени,
Тѣло с' стресе, устна му задркће.
Ал' се хитро кнеже насмѣяо,
Съ поля весео ове рѣчи рекне:
„Да краль нiє како Цариграду,
Да доведе Србiи кральицу,
Кадъ се 'вака господа скупила,
Као китняста свита и сватови.“
Iоштъ Балдовинъ несвршiо рѣчи,
Ал' се зачу вика са свы страна:
„Ево краля! Богъ да живи краля!“
Сва господа предъ нѣга изиђу,
И на двору нѣга дочекаю.
Лети Вила као витка стрѣла,
Одъ зноя се учинила бѣла.
Краль се своим' гост'ма зачудiо,
Све любезно ньи є поздравiо,
Па Деану 'вако говорiо:
„Добра кажу гости домаћина.
Кадъ си тако славне госте стекао,

Ни предамномъ незатвори врата. —
А да лѣпа сбора и избора,
Као да лѣпа све избра дѣвойка!
Брате Реля, добро ми дошао,
Са юнаци са твои Бошняци.
Како кодъ васъ у Босной поносной?
Гле и мога кнеза Балдовина!
Од'кле кнеже, да л' са добрымъ гласомъ
Одъ Призрена, одъ кралѣва града,
Одъ милога мога родителя?
Єли здраво србскій царъ Стефане?
Єл' весело у бѣлу Призрену,
Као кодъ насъ на води Бояни?"
Кнезъ Балдовинъ кралю одговара:
„Свѣтлый кралю, я право долазимъ
Одъ Призрена, одъ краля Стефана,
И одъ свѣтле кральице Маріє.
Лѣпъ ти поздравъ одъ свію доносимъ,
И узь поздравъ прекрасно уздарѣ,
Коє мати своме шалѣ сыну,
И кральица младом' дає кралю.
Само мени заповѣди, кралю,
Кадъ ти-й воля, да дарове примишъ."
Балдовину Душанъ одговара:
„Ако ты си готовъ, кнеже, дати,
Я самь готовъ овай часъ примити —
Деанъ ће те къ мени допратити."

Пѣсма шеста.

Сва господа сѣла за трпезу
Искићену лѣбомъ бієліємъ
И одъ сваке ѣаконіомъ руке,
Па и добрымъ сваке струке виномъ:
Све да видишъ, па да се заситишъ!
Кадъ є было првой чаши време,
Устао є Жарковићъ Деане,
У купу є наточіо вина,
Па овако кралю наздравіо:
„Да Богъ живи нашегъ младогъ краля!
Нашегъ краля, нашегъ домаћина!
Хвала Богу и Богородици,
Кадъ смо нѣга међъ нама видили:
Више нѣга одъ себе недамо,
Ма сва силна србског' цар' Стефана
Дошла войска, да га одъ насъ тражи.“
Сви на ноге гости поскочише,
И сребрне чаше подигоше,
Да Богъ живи! свакъ изъ срца виче,
Свакъ се куца са свима осталым'.
Стои звека чаша одъ куцаня,
Стои треска собе одъ пѣваня

Многа лѣта, на многая лѣта.
Кадъ се мало стиша грмлявина,
Краль Деану овако оздравля;
„Хвала теби, кнеже и витеже,
На здравици и на пріятельству.
Ако съ нама добра срећа буде,
Нећемо се скоро разставити.
А садь, браћо, руйно точте вино,
И скачите на ноге лагане.
Ова чаша нек' є попієна
У здравицу србском' цар' Стефану,
И кральици госпоћи Маріи:
Многа лѣта, на многая лѣта!“
Зуи пѣсма, ал' ніє одъ срца,
Но се пѣва, што се пѣват' мора;
Створенѣ є срце іогунасто,
Ни на што се неда натерати.
Другу Душанъ чашу напуніо,
И овако съ ньоме наздравіо:
„Да Богъ живи кнеза Балдовина,
Одъ ког' нема болѣгъ коняника
У свой силной цар' Стефана войсци.
Одъ отца намъ онъ поздравъ донео,
Одъ матере прекрасне дарове.
Многа лѣта, на многая лѣта!“
Лете чаше, да се сь ньиме куцну,
Грми гласно на многая лѣта;
А кадъ су се чаше искапиле,
И громка се пѣсма претишала,
Проговара Жарковићъ Деане:
„У мало насъ мимоишло, кнеже,
Што с' юнаци огледали нисмо

Съ бриткомъ сабльомъ и коплѣмъ убойнымъ,
А безъ шале у пуной истини.
Да я краля несрето на путу,
Већь да дође бієлу Призрену,
Было б', кнеже, доста окршая.
А волео б' съ тобомъ огледат' се,
Нег' цареву круну задобыти.
Ал' айд', кнеже, да с' садь погодимо,
Па дай руку, да се завѣримо:
Ако кадгодъ прилика донесе,
Те пођемо єданъ на другога,
Да мачъ нећешъ тргнут' на юнака,
Докле са мномъ мейданъ неподѣлишъ
Бриткомъ сабльомъ, коплѣмъ убоитымъ,
И у нужди чврстым' песницама."
Балдовинъ му тихо одговара:
„Са унукомъ славног' Гребострека
Мейданъ дѣлит' слава б' за ме была;
Ево т' руке Жарковићу кнеже.
Но ћешъ, кнеже, морат' почекати!
Подъ Призренъ є силна пала войска,
Тежко земльи, у кою се крене,
Зло по войски, на кою удари.
Свакій ће се добро промислити!
Вукъ ће кожу навући овчію,
Смѣяће се, ком' є до плаканя.
Єръ є воля србског' цар' Стефана,
И господа за право му дала,
Да невѣрна свака падне глава,
И на свагда затворе се уста,
Коя злу рѣчь на краля рекоше.
Већь на све су заповѣсти стране,
Да се мири, ко се подигао,

Да се враћа, кои се кренуо;
Ко с' несмири, ко ли се неврати,
Онъ ће свѣтлом' быт' невѣра кралю.
И васъ све є лѣпо поздравіо,
Да се своим' вратите кућама;
Бы вамъ кралю яко замѣріо,
Што сте свѣтло узели оружѣ,
Но є кралю мудро размисліо,
Да се дѣци оружіє мили. . ."
Ал' повика одъ Ужице Балша:
„Нек' се чува србскій царъ Стефане,
Да му дѣца непоколю старце. . ."
Са свы страна подижесе жуборъ,
И мумланѣ, тамный гласникъ буне.
Проговара Душанъ Балдовину:
„Сваком' дѣлу своє има време,
Своимъ путемъ къ свему иѣи валя.
Зашто си ми, кнеже Балдовине,
Миле моє узбуніо госте?
Ако су се они сакупили,
Грѣхъ никакавъ учинили нису.
И до садь су гости долазили
Бѣлу Скадру и кралю Душану,
Међъ ньима є и Балдовинъ бывао:
Ал' ми нису госте срамотили,
Нит' су ми ій претняма терали."
Кнезъ Балдовинъ и неслуша краля,
Већь овако продужує рѣчи:
„Заповѣда србскій царъ Стефане:
Да с' одавде таки разлазите,
Єрь за игру ніє сада време,
А до шале цар' Стефану ніє!

Хоће дићи одъ Призрена войску,
Бієлый ће Скадаръ попалити;
Наказа-ће своє невѣрнике,
Єдне мачемъ, а друге тамницомъ,
А нѣкоє тананомъ шибльикомъ. . .“
У вику се жуборъ претворіо,
А мумланѣ у бѣснило пусто.
Поскакаше одъ пуне трпезе,
Као люти рикнуше лавови:
„Нека доће одъ Призрена кралю,
Ако му се круна досадила!“
Дручи вичу: „Ватайте с’ оружја,
Усѣдайте на конѣ убойне,
Валя ньима на сусретъ изићи!“
Трећи вичу: „Кажи твоме кралю,
Да ни єданъ ноге крочит’ неће,
Докъ є єдногъ и на єдномъ главе.
Насъ одъ краля разставит’ мислите,
Па по вольи да судите нѣму,
Да бырате, што є вама драго,
Или главу исподъ круне свѣтле,
Или оба ока одъ юнака!“
Сва дружина тако узаврела,
Као пчеле, кадъ се роит’ стану.
Сви говоре, ни єданъ неслуша;
Єданъ другогъ хоће да надвиче.
Душанъ тиша, утишат’ неможе:
Ко ћ’ утишат’ море уздрмано.
А Балдовинъ на столъ ускочіо,
Кралѣвскій є прстенъ извадіо,
Па повикао, што грло поднело:
„У србскога име цар’ Стефана!

Невѣра ће свакій онай быти,
И невѣре страшном' подпаст' суду,
Кои таки неоде одавде,
И мирно се свом' дому неврати!“ —
Говорити далѣ немогао;
Свукоше га са стола на землю,
Гди ко могао, рукомъ га зграбіо,
Ко могао, ногомъ га згазіо.
Са свы страна сѣвнуше ножеви.
Єданъ виче: „да га заколѣмо!“
Другіи виче: „да га обесимо!“
Трећій опетъ: „дай у Дримацъ съ ньиме!“
Были бы га люто уморили,
Да међу ньи Душанъ неускочи,
Балдовина собомъ незаклони,
И ове имъ неизрече рѣчи:
„Стан'те, браћо, шта сте наумили!
Помислите на срамоту грдну,
Ако овдѣ предъ моим' очима
Кралѣвъ гласникъ садь изгуби главу.“
То говори, са землѣ га дигне,
Крозъ ножеве къ вратма га поведе;
Они гледе съ крвавым' очима,
Као дивльи крвника вепрови.
Кадъ се съ кнезомъ на полю нашао,
Краль овако нѣму проговара;
„Ето, кнеже, шта си учиніо!
Зашто мени найпре све неказа?
Све су ово яростни змаєви,
Єдва мени владати се даю,
Свакогъ другогъ, кои ій увреди,
На комаде разтргнут' готови,

Ил' носіо круну ил' челенку.
Већь почекай, докъ я натрагъ дођемъ,
Я ћу мою срећу покушати,
Небы ли ій како утишао."
У кнеза се све развукло лице,
На човеку сѣди глава врага;
Кожа му се на челу затегла,
А одъ крви жиле набубриле,
Сакриле се очи подь обрве,
Споиле се устне, као зарастле,
А све модра боя подасула.
Види му се срце на образу:
Да му с' може, као што му се хоће,
Одъ стотине хиляда бы была.
Рисска ярость изъ свег' нѣга вири,
И косу му горе уздигнула:
Само єдна у очима луча
Кадкадъ сійне пакостне радости.
Краль ушао, кнезъ га недочекао,
Већь на свога коня узяшіо,
Винуо се преко поля равна,
Као звѣзда преко неба плава,
Похитао бієлу Призрену,
Да отцеве дигне на сынове!

А краль своим' ушао гостима;
У чудном' ій колу застануо.
Єданъ другомъ дао вѣру съ рукомъ,
Да се неће маћи исподъ Скадра.
Краль имъ стао тихо говорити:
„Браћо моя, и господо свѣтла!
Свакомъ Србу глава-й госта света,

Честь нѣгову Србъ животомъ чува;
Кућа она, коя госта свога
Зло дочека, ил' отера срамно,
Лягу свою никада не опра:
Заръ краль Срба да очи обори
Предъ послѣднымъ своимъ поддаником?
Пріятельи, коє ником' нећу,
Бацише ме данасъ у неволю
Предь гостима затворити врата,
Ил' у грозну бацит' ій несрећу.
Какви гости, каква ли несрећа!
Цвѣтъ господства, изборъ одъ юнака,
Да свом' кралю падне у невѣру!
Срамота є госте разтерати;
Грѣота є бацит' ій у бѣду:
Шта да радимъ, како да се владамъ? —
Хоћу чинит', што чинити морамъ,
Ма свой сотымъ образъ погазіо.
Грѣхъ є више нег' срамота црна;
Болѣ себи, нег' другом', шкодити.
Тежко ми є и срцу и лицу
Славне госте тако оправити,
Ал' ми дужность трострука налаже:
Прва дужность спрама краля свога,
Свакій Србльинъ нѣга слушат' мора;
Друга дужность спрама домовине,
Да юнака своій неизгуби;
Трећа дужность спрама пріятеля,
Да гостбину животомъ неплате,
А веселѣ тугомъ незамену.“
Они ћуте, ништа неговоре,
На одлазакъ нико и немисли;

Садь започне Жарковићъ Деане:
„Нит' бы были люди, нит' юнаци,
Већь управо она дѣца луда,
За кою пасъ у Призрену држе,
Кадъ за тврду рѣчь ми небы знали,
Нит' бы вѣру задану држали!
Ты мо'шъ ићи, кудъ є теби драго,
Ил' у Призренъ, ил' у Неродимлю;
Можешъ дати себи скинут' главу,
Круну скинут' безъ нѣ ти немогу;
Можешъ дати очи с' извадити,
Да свѣтъ види нашу славу нову;
Можешъ твоє издат' пріятелѣ,
И извести силну на ньи войску:
Мы ти на путъ стати неможемо!
Ал' можемо Призренъ разрушити,
Неродимлю са земльомъ сравнити,
Твою главу съ равномъ заменути,
А съ єднаким' очи наплатити,
И можемо за нашега краля
Своє русе главе погубити,
И крвь срца за нѣга пролити! —
То є ясно, као у подне сунце,
Да насъ они разтерат' хоћеду,
Само тебе одъ насъ да разставе!
Єданпутъ те срећа послужила,
Немой ћудь іой другій путъ кушати:
Данасъ руже на тебе просипа,
Сутра ће те каменѣмъ засути."
Деанъ сврши а Вукашинъ почне:
„Подъ Призреномъ скуплѣна є войска:
Пошльи тамо твога гласоношу,

Да се таки кућама поврате,
Єрь ће пасти кралю у невѣру —
Хоће ли те хтѣти послушати?
А они су теби показали,
Чему одъ ньи можешъ се надати;
Съ чимъ си ньима ты повода дао,
Да т' невѣру у гостима виде?
Я ти кажемъ, сви ћемо видити,
Балдовинъ є зато посланъ само,
Да се съ нама онъ завади овдѣ,
Да предъ свѣтомъ узрока имаю
Насъ напасти, теби доћи главе.
Оставит' те неможемо сама:
Ако дође, да се бранит' треба,
Самъ останешъ, извѣстна є бѣда;
Єсу л' ради миру и любави,
Миру на путъ мы нећемо стати.“
Сви изъ єдног' садь грла повикну:
„Мы одъ тебе никудъ неидемо!
Мисле л' о злу, наћи ће душмане,
Траже л' мира, нађ' ће пріятелѣ.“
А Душанъ се био замисліо,
Подуго є юнакъ поћутіо,
Докле ове нерекао рѣчи:
„Чуйте браћо, чуйте пріятельи!
Одавде васъ силомъ оттерати
Нит' ми с' хоће, нити ми се може:
Гости свакда бы-ћете ми мили,
Али рѣчь ми дат' морате тврду,
Ако дође одъ Призрена войска,
Да капь крви нећете пролити,
Докъ се съ рѣчма што може свршити,
И небуде нужде бранити се.“

Опетъ у гласъ господа повичу:
„Рѣчь господску и руку юначку!
Хоћемо те пуно послушати!“
Садь господу Душанъ оставіо,
Отишао тражит’ Балдовина.

А Балдовинъ болѣ похитао.
Брзо бѣлу Призрену дошао,
И отишао србском’ цар’ Стефану.
Кадъ царъ Стефанъ кнеза опазіо,
Овако є нѣга поздравіо:
„Добро дошао, кнеже Балдовине!
Єси л’, кнеже, здраво путовао,
Єси л’ срећно дѣло оправіо?“
Кнезъ Балдовинъ кралю се покланя,
И овако нѣму проговара:
„Хвала теби, србскій цар’ Стефане,
Хвала теби на добродошлици;
Єсамь, кралю, здраво путовао,
Ал’ у Зети зло самь ти прошао,
Мало нисамь животъ изгубіо.
Та оно су яростни змаєви!
Нити знаду Бога, нити краля,
Само свою волю одуздану.
Теби прете круну скинут’ съ главе,
А Призрену огнѣмъ и челикомъ.
Кадь самь твою заповѣсть имъ казао,
Да с’ имаю сви вратити дома,
Ко с’ неврати, пада у невѣру,
Мал’ ме нису жива раздерали.
Єдань виче: да га заколѣмо,
Другій виче: да га обесимо,

Трећій опетъ: дай у Дримацъ съ ньиме.
Са сви страна сѣвнуше ножеви,
Мисліо самь већъ ме више нема,
Єдва главомъ Душанъ ме заклони,
И изтрже изъ ньины ноктію,
Да непадне у срамоту грдну,
Кралѣвъ гласникъ предъ ньимъ да погине.
Свѣтлый кралю, земльи господару!
Ако слуга смѣ ти дати савѣтъ,
Брже крећи твою силну войску,
И похитай Скадру на Бояни,
Сви змаєви докъ се нескупише:
Разтерай ій, да є манѣ бѣде.
Ако сутра ты на ньи непоћешъ,
Докъ с' искупе, ето ньи на тебе,
Па ће быти зла и бѣде више.“
Кадъ Балдовинъ бесѣду свршіо,
Пита нѣга србскій царъ Стефане:
„Како Душанъ заповѣсть дочека?“
А Балдовинъ кралю одговара:
„Краль, што мисли, ни ком' неказує.
Ал' рѣчь каже одъ старіи мудра:
По слуги ћешъ познат' господара.
Они бѣсне, а онъ ій не кара.
Има сгода на овоме свѣту,
Гди-й оћутит', исто, што урадит',
А небранит', исто, што подранит',
Ненаказат', исто, што заказат',
А некратит', исто, што наградит'!
Ко ће съ таквым' владати халама!
Сь Мрнявићма и Раштисалићма,
Са Воихномъ, Балшомъ и Младеномъ,

И са другим' бѣсным' властелима,
Кои свакій малогъ вреди краля.
Међъ ньима є Реля Бошнянине,
Са стотиномъ избраны Бошняка,
Данасъ сутра пуна є хиляда. —
Садь те молимъ, одпусти ме, кралю,
Да ми мало одмори се душа.
Я самь біо стотину боєва,
И толико смрть видіо путій,
Ал' съ овакимъ ужаснымъ обликомъ
Никадъ ми се іоштъ явила ніє.
Єрь умрети подь свѣтлымъ оружѣмъ,
Мртавъ пасти на душмана свога,
Права сласть є за добра юнака,
Єдна желя правога витеза:
Ал' умрети безь сваке замѣне,
Као крме дати преклати се,
Као штене дати газити се, —
Вѣруй, кралю, то юнака дави,
У жилама крвь му зауставля,
Маглуштину на очи наводи,
И дремежомъ опія му душу.
Треба л' рука, по мене поручи;
Треба л' глава, другога потражи,
Моя само, да се сѣче, добра."
Краль одпусти кнеза Балдовина,
А по своє пошлѣ пріятелѣ,
Да се о том' съ ньима савѣтує,
Шта да раде, како стварь да сврше.
Ніє дуго време постояло,
Ал' се славна скупила господа:
Кнезъ Владиславъ изъ землѣ Захумске,

И кнезъ Воинъ одъ Котора града,
Деанъ Манякъ, кралѣвъ воєвода,
Са жупаномъ Буѣинимъ Николомъ,
Кнезъ Витомиръ изъ Єздна поносна,
И изъ Срема воєвода Райко,
И одъ Ждрела войвода Градиславъ,
Челникъ Ђураѣъ и Ставилацъ Милошъ,
И Владоє, кралѣвъ тепачія,
И Гргуре Куряковиѣъ кнеже,
И Градиславъ кнеже Сушеница,
И іоштъ много силене господе,
Све жунана, войвода, кнезова
Изъ Захумске изъ землѣ господске,
И Србіє, землѣ силовите,
И Рассіє землѣ поносите,
И осталы кралѣвы држава.
Кадъ господа свѣтла посѣдаше,
Проговара србскій царъ Стефане:
„Браѣо моя и господо славна!
Земля намъ се цѣла задрмала:
Нужда была, да се састанемо,
Миръ сачуват' сложно постарамо.
Я самь на све оправіо стране
Съ заповѣстма хитре гласоноше:
Ко се дигао, да се куѣи врати,
Да се мири, ко се узбуніо,
Ко неслуша, пада у невѣру!
Послао самь кнеза Балдовина,
Да однесе заповѣсть у Зету,
Нек' се таки разлазе куѣама,
Ако ли се одма неразиђу,
Невѣрницы кралю ѣе постати!

Кнезъ Балдовинъ Скадаръ походіо,
Многу тамо господу застао,
Мрнявиће съ Раштисалићима,
Са Воихномъ Балшу и Младена,
О Зећани да и неговоримъ;
Застао є Релю Бошнянина
Са стотину избраны Бошняка.
Кадъ Балдовинъ заповѣсть имъ казао,
Да с' имаю кући разлазити,
Мал' га живогъ нису раздерали,
Єдва главомъ Душанъ га могао
Изтргнути изь ньины ноктію.
Я бы дѣци на младость одбіо,
Да крвь преври, часа ньима дао:
Ал' се боимъ, да паметь незрела
У несрећу землю недоведе,
А ньи саме у грѣхъ неували:
Єрь какве су безбожне имъ рѣчи,
У дѣлу бы смртный грѣхъ лежао.
Мени прете круну скинут' съ главе,
А Призрену огнѣмъ и челикомъ!
Па ако имъ на путъ нестанемо,
Већъ доведу бѣду на државу,
И грѣхъ црный на душу навуку,
Бы-ће пола на нама кривице. —
Кнезъ Балдовинъ тай ми дає савѣтъ:
Силну войску да брже дижемо,
Исподъ Скадра да ій разтерамо;
Єрь свакій данъ све ће више быт' ій,
А съ тымъ више бѣде и несреће.
Садь ми и вы ваше мисли каж'те,
Шта намъ треба, шта л' чинити валя!“

Садь уѣути србскій царъ Стефане,
А говорит' кнезъ Владиславъ почне:
„Ту є тежко добаръ савѣтъ дати,
Гди погрѣшка сына може стати.
Цвѣтъ се тамо државе скупіо:
Твой сынъ тамо, и мой сынъ є тамо,
И сынъ многи наши пріятеля,
Кои т' овдѣ узь колѣно сѣде.
Отцеви су у бѣлу Призрену,
А сынови подъ бієлымъ Скадромъ;
Тежко-й сыну ударат' на отца,
Ал' отцу є іоштъ теже на сына.
Но нек' буде, што с' учинит' мора,
Было данасъ, или было сутра:
Болѣ данасъ, а о манѣ бѣде.
Крећи войску, да се иде Скадру!
Другчіє се съ кралѣмъ разговара,
Кадъ се за ньимъ дуга віє войска,
Него съ єднымъ кнезомъ Балдовиномъ
Кодъ трпезе, покрай руйног' вина.
Само єдно то бы те моліо:
Балдовина съ Французи неводи!
Ньима дѣца попустити неће,
Съ нама ће се лакше погодити;
А я мислимъ, да мы неидемо,
Да што више крви проліємо,
Већь идемо, да ій умиримо,
Да с' ни єдна капля непроліє,
Ол' што манѣ, ако быти мора."
Сва господа съ кнезомъ се сложила.
Ньима вели србскій царъ Стефане:
„Добро, браћо и господо славна,

А вы айд'те, па се опремайте;
Што с' раніє добро савршило,
Съ тимъ се већимъ оно учинило.“
Господа се съ кралѣмъ опростила,
И за путъ се оправит' отишла,
А краль оде госпоѣи кральици,
И овако ньойзи проговара:
Душо моя, разстат' се морамо.
Я полазимъ сутра изъ Призрена,
Войску крећемъ Скадру бієломе.
Кнезъ Балдовинъ зле донео гласе;
Єсу намъ се дѣца осилила,
Морамо іи мало заплашити.“
А кральица кралю одговара:
„Свѣтлый кралю, милый господару!
Нисамь ли ти увѣкъ говорила,
Да ће дѣло до оружя доћи.
Нека теби лоша срећа буде,
И у єдном' бою т' изневѣри,
Отишла є и круна и глава.
Зато добро преправи се съ войскомъ,
Єрь ће Скадру у невольи лютой
Прискочити силни Арбанасси,
Помоћь дати богато Приморѣ,
А и сама та Босна поносна.“
Ньой говори србскій царъ Стефане:
„Любо моя, ништа се не брини!
Нема пуне подь Скадромъ хиляде,
У мене є петъ пуны хиляда.
Ако ли насъ срећа непослужи,
И разтерат' мы ій неможемо,
Зацѣло се држати можемо,

Докъ съ французи Балдовинъ недође“ —
Рѣчь є кралю пресѣкла кральица,
Зачуђена овако га пита:
„Зарь ты нећешъ водит’ Балдовина?“
А краль ньойзи тихо одговара:
„Сва господа те су мисли была,
И я съ ньима радо самь пристао,
Да Француze Скадру неводимо.
Крвь є наша, штедит’ є морамо,
А Французи радую се крви,
И плѣнъ добыт’ све што већій траже.“
Кральица му жестоко говори:
„Мене слушай, господу неслушай!
Ништа они изгубит’ немаю:
Ако срећа сынове послужи,
Съ ньима ће се радоват’ отцеви.
Слабо с’ на ньи можешъ ослонити.
Већъ поведи съ тобомъ Балдовина,
Са нѣговым’ вѣрным’ Французима,
Кой немаю ни отца ни сына,
Само знаду за краля Стефана.“
Краль кральици ’вако проговара:
„То одъ мене ты неишти, душо!
Господу бы яко увредіо,
Кадъ не б’ вѣре у ньима имао,
На дѣцу имъ Француze водіо.
Докъ су они своме кралю вѣрни,
Балдовинъ ми нiє одъ потребе;
А кадъ они мене се одреку,
Балдовинъ ми ништа непоможе.
Ослони се ты на србску вѣрность,
Тврђа-й она одъ каменне стѣне.“

Опетъ кралю кральица говори:
„Послушай ме, србскій цар' Стефане!
Ты се боишъ увредит' господу,
И боишъ се да те неоставе:
Не боишъ се увредит' Француze,
Кои ће те лакше оставити,
И къ твоима пређи душманима.
Него чуй ме, србскій цар' Стефане!
Неучини криво ни єднима:
Немой водит' подъ Скадаръ Француze,
Неоставляй овдѣ Балдовина.
Поведи га съ нѣколико друга,
Нек' се нађе теби у невольи."
Краль кральици 'вако одговара:
„Нека буде! зло быти неможе."

Кадъ у ютру зора забѣлила,
Силена се подигнула войска,
Кренула се одъ бѣла Призрена
И бієлу Скадру упутила.
Али нема онога веселя,
Са коимъ є ишла на Бугаре.
Иду напредъ, остат' бы волели;
На бой иду одъ побѣде стрепе:
Сваком' срце две стегнуле бриге,
Єдна за се, друга за Скадарце,
Сваком' тежко ударит' на свога.
Предъ войскомъ є стотина Француза,
Подь войводомъ кнезомъ Балдовиномъ.
Они єдни конѣ разиграли,
Радую се крви и добыти.
Кадъ су болѣ Скадру се примакли,

Питаю се одъ войске войводе,
Како ћеду уредити войску.
Кнезъ Балдовинъ овако говори:
„Свѣтлый кралю и господо славна!
Я налазимъ, да бы добро было,
Да на двоє раздѣлимо войску:
Єдна пола съ кнезомъ Владиславомъ
Нек' управо Скадру иде бѣлу;
Другу полу свѣтлый краль нек' води
Къ бѣлом' двору на Дримцу Душана.
Поглавице тамо су скуплѣне,
Лакше ће се своме предат' кралю,
Ил' ће теже противъ нѣга поћи.“
Рѣчи кнеза сви за добре нашли.
Кнезъ Владиславъ къ бѣлом' крене Скадру,
А краль къ Дримцу оде съ Балдовиномъ.
Кадъ су дошли къ двору Душановомъ,
Краль пошалѣ свога гласоношу,
Да кнезове зове на предаю.
Ал' изъ двора нико се неявля,
Нико у дворъ непушта гласника. —
А Балдовинъ съ друге зашао стране,
Проваліо крозъ врата одъ баште,
И съ другови у дворъ улетіо:
Ал' у двору нигди никогъ нема,
Само нѣшто одъ дворске челяди,
Мало друга, слабо оружано,
Текъ остало, да се тамо нађе,
Да безь живе дворъ небуде душе.
Балдовину повольно небыло,
Што у двору краля ненашао,
Па єдовно срце да искали,

Све посѣче, што му дошло руке,
И знакъ даде своим' друговима,
Како ій є найпре научіо.
Свомъ Французи войводи послушни,
На све стране огань подметнуше.
Црнъ се облакъ одъ дима навуче,
Те нестаде усредъ подне сунца;
Букну пламенъ, небу се подиже,
Измѣша се са димнымъ облакомъ,
Те одъ огня море начинише,
У ком' црни валяю с' таласи,
Усіяне премеђу се гує.
Стои праска рогля и дирека,
Пршти даска, пуцаю зидови,
А варнице лете на све стране,
Као ято огнѣны мушица,
Крозъ прозоре димъ на полѣ куля,
А садь опетъ пламенъ га пресѣче:
Дворъ ту стои жива слика хале,
Коя ватру на сто сипа уста,
Изъ сто пушта димове поздрва,
А густымъ се увила облакомъ
Люта дима и жестока огня. —
Ђути войска, што є чудо снађе;
Нико незна, шта му мислит' валя,
Шта мислити, шта ли говорити.
Садь зацвили у невольи лютой
Гласъ човечій изь челюсти огня.
Сви погледе, видит' шта имаю:
Стои момче подъ кровомъ пламтећимъ —
Стра одъ смрти и любавь къ животу
На тавану сакрит' му се рече;

Ал одъ мача склонилосе младо,
Да у ватри невольно погине.
Димъ га крене изъ спасишта тайног',
У пламену на мачъ заборави,
И похита добавит' се врата.
Ал' садь падне стрея изгорела,
И све бѣдном' затвори путове;
Одѣћа му у пламену букне,
И варнице свега обаспу га.
Онъ пропишти, па се доле свали,
Комадъ само огорела паня. —
Кадъ Французи огань подметнули,
На двору су отворили врата,
И изъ дима съ огнѣмъ смѣшанога
Адске слике наполѣ груиуше
Съ грознымъ викомъ и ужасномъ клетвомъ.
Пита кралю кнеза Балдовина:
„Шта є, кнеже, ко запали дворе?“
А Балдовинъ нѣму одговара:
„Свѣтлый кралю, превара проклета,
На свету ти смѣрала є главу!
У башти насъ нѣшто дочекало
Одъ челяди дворске оружане.
Са стрѣлама тіи насъ поздравише,
И на бойна копля дочекаше,
Нѣки паше, нѣки узмакоше,
Насъ за собомъ у дворъ умамише,
Са свы страна огань подметнуше:
Мал' до єдног' нисмо с' попржили.
Небы єданъ одъ насъ изнео главе,
Да іоштъ мало издржаше врата!
Гди димъ гуши, лютый огань пали,

Не помаже ни коплѣ, ни сабля,
А оклопи душманину служе.
Овдѣ посла за насъ ништа нема,
Већъ айдемо у помоћь нашима,
Подъ Скадромъ ће быти окршая.“

А Душану у бієлу Скадру
Зли долећу са свы страна гласи:
„У зао часъ посѣо си, кралю!
Три на тебе силне иду войске:
Єдну води србскій царъ Стефане,
Предъ другомъ є кнеже Владиславе,
А трећой є кнезъ Балдовинъ глава.
На Дримцу ти дворе поробише,
Поробише, па ій сажегоше;
Сву ти челядь по двору поклаше,
Разграбише и сребро и злато,
Разнесоше свилене хальине,
Кралѣвску ти круну однесоше,
Іоштъ ти прете и главу узети,
Да ни єдна за другомъ нетужи.
Скачи, кралю, на ноге лагане,
Вы войводе къ войсци полетите!
Неће дуго време постаяти,
Силне ће се указати войске,
Подь Скадромъ ће с’ полѣ задрмати,
Одъ силена пешца и коньника.“
Кадъ є Душанъ разумѣо гласе,
Онъ поскочи на ноге лагане,
Па припаса свѣтло оружіе,
А войводе къ войсци полетише,
И дружину свою уредише.

У то хитри явише с' Французи;
Брзе конѣ предъ войскомъ играю.
На ньи Деанъ съ ватрены Зеѣани
Жестокъ таки юришъ учиніо;
Како на ньи лако ударіо,
Разбіо ій, и натрагъ узбіо,
Бойно полѣ крвлю поросіо.
Кадъ Балдовинъ Деана смотріо,
Предъ нѣга є коня нагоніо,
И овако нѣму говоріо:
„Желя ти се испунила, кнеже,
Ево мене, да се огледамо,
Ко ће быти юнакъ надъ юнакомъ.
Преправи се, Жарковићу кнеже!
У мене є коплѣ убоито,
Коє тврдый челикъ непознає,
Вечь пробія штите и оклопе,
И нестає, докъ ребро ненаѣе,
И у срце юначко неуѣе;
Сабля ми се крви зажелила,
У руци ми чудно заиграла,
Бы-ће теби према глави, кнеже!“
Балдовину Деанъ одговара:
„Да-ћу, кнеже, цркви Милешевки
Са калпака одъ злата челенку,
По коіой се драгій каменъ сяє,
Као роса по зеленой трави,
Што ми с' даде сгода и прилика,
Да се могу съ тобомъ промѣрити.
И мени є одъ дѣде остало
Бойно коплѣ за добра юнака,
Коє 'но є добро научено,

Гди с' находи срце у юнаку,
Како л' валя штите пробіяти;
Ништ' за саблю говорити нећу,
На твом' врату позна-ћешъ іой цѣну."
То говоре, па копля пуштаю,
Груваю се у прси юначке.
Како єданъ крви другог' жеданъ,
Бы-се борба несрећно свршила,
Ил' бы єданъ, ил' обадва пала,
Да царъ Стефанъ са войскомъ неприспѣ,
И Зећане натрагъ непотури,
Кои силу уздржат' не могли,
Већь полако стали узмицати,
Свако коплѣ коплѣмъ враћаюћи,
Сваку стрѣлу стрѣломъ плаћаюћи.
У то стигла заповѣсть Деану,
Да се таки къ своме врати кралю.
Кадъ заповѣсть Деанъ разумѣо,
Овако є кнезу говоріо:
„Нека, кнеже! овай часъ умрети
Нит' є мени, нит' теби суђено.
Бы-ће сгоде, ако буде волѣ;
Мени садь се мора одлазити."
То рекао, предъ своє отишао,
Па съ Зећани на хитры коньици
Свом' се брзо повратіо кралю.
Сви су други ньима завидили,
Кадъ су саблѣ крваве видили;
Желя сваком' у о'чима горе,
Данасъ срећу покушат' юначку:
Сви се люте на заповѣсть спору.—

Кадъ се Душанъ о томе увѣри,
Да є съ войскомъ самъ отацъ дошао,
Своіой войски заповѣсть издаде,
Да прелазе за воду Бояну.
Ватра букну по цѣлой дружини,
Нико неће съ мѣста да се креће.
Предъ дружину младый краль излети,
И овако почне говорити:
„За каквомъ васъ жеђь напала крвлю?
Какве сѣћи вы желите главе?
Нисул' тамо наши родительи,
Коє дужность противъ насъ подиже:
За ньином' ли вы жедните крвлю?
Ньине л' сѣћи вы желите главе?—
Громъ бы мене съ неба ударіо,
Сама Божя проклела ме правда,
Кадъ бы на ньи я васъ напустіо,
Докъ се нисмо о том' увѣрили,
Нису л' дома отцеви остали,
А душмани Скадру похитали.
Нећете ли мене послушати,
Право ньима я одо одавде,
Што имъ драго нека са мномъ раде.
Неправедно волемъ погинути,
Нег' отцеве клати крозъ сынове,
И сынове сѣћи крозъ отцеве,
А безь нужде, и безь сваке правде.
Садь ћу видит' моє пріятелѣ:
Ко ме люби, тай ће за мномъ поћи!“
То изрекне, па коня окрене,
Право пође на воду Бояну,
А за ньиме дружина остала.—

У то силне пристигнуше войске,
Кнезъ Владиславъ съ кралѣмъ се састане.

Носи вале лаћана Бояна,
Две у ньима огледаю с' войске,
Єдна сыну, друга отцу служи,
У єдной су сѣди родительи,
А у другой огнѣни сынови.
Отацъ сына преко воде види,
Бойно коплѣ у руци му дркће:
Сѣдогъ свога сынъ познає отца,
Мачъ му хоће да падне изъ руке.
Мртва пала на войске тишина,
Циглогъ ніє нигди чути гласка.
Садъ се чамацъ на воду навезе,
У нѣму є юнакъ подъ оружѣмъ,
Гола му є сабля у рукама,
Оклопъ каже србскогъ цар' Стефана.
Кадъ Бояну краль є препловіо,
Предъ свога є сына отишао,
Овако є нѣму повикао:
„Вуци саблю, одъ Србіє кралю!
Краль те србскій на мейданъ позыва.
Колико є широкога свѣта,
И колико у свѣту држава,
Нигди такве небыло прилике,
Да два краля єдне кралѣвине
Мейданъ дѣле ради старешинства.
Колико є одъ вѣка боєва,
И колико у ньима юнака,
Никадъ такве небыло прилике,
Да краль отацъ съ кралѣмъ своимъ сыномъ

Мейданъ дѣли ради старешинства!
Вуци саблю, стеци себи славу,
Какву нико стећи немогао!
Ево сгодне за тебе прилике,
Да на отцу покажешъ науку,
Коіой те є отацъ научіо,
И прославишъ и мене и тебе;
Съ ученика слави се учитель!
Ево сгодне за тебе прилике,
Доћ' до желѣ на найкраћем' путу:
За круномъ те желя моіомъ вуче,
Ево главе, съ ньомъ є круна твоя;
Съ крвлю круни мислишъ дати сяйность,
У найбольой отчина є цѣни!"
Обе силне удивиле с' войске,
Кадъ видише чудо невиђено,
Отацъ сына гди на бой позыва.
А кадъ Душанъ саслушао рѣчи,
Бритку саблю одъ себе одбаци,
И овако стане говорити:
„Саблѣ немамъ за отца коване,
Прси имамъ за саблю отчину.
Шта самь теби, отче, сагрѣшіо,
Да на мене ты подижешъ войску,
Ты знат' морашъ, мени нiє знано.
И до садь су гости долазили,
У бѣломъ се Скадру веселили,
Ты ій ниси звао невѣрама,
Нит' си на ньи подизао войску, —
Зашт' си сада тако учиніо,
Ты знат' морашъ, мени нiє знано.
Што си мени дворе сажегао,

Ты сазыдао, ты си сажегао,
Господаръ си одъ свога иманя,
Можешъ чинит', како теби драго,
Ни рѣчи ти преговорит' нећу;
Штоси мою радъ пролити крвцу,
До волѣ ти, и то чинит', стои,
Ты си дао, ты можешъ узети,
Я те нећу словомъ прекорети:
Што с' отцеве дигао на сынове, —
То си, отче, Богу сагрѣшіо.
Мора л' быти крви за одкупу,
Проли мою, одъ нѣ си господаръ,
Ал' поштеди наше пріятелѣ,
Себи, отче, ты неломи крыла,
И Србіи неподсѣцай перѣ,
Нек' се віє, на твою є дику,
Ты га носи, па се съ ньимъ поноси!"
То изрекне, оклопъ съ грудій сбаци,
Голе прси мачу отца даде.
Кадъ то обе угледале войске,
Изъ єдног' су грла повикнуле,
Да с' Бояна одъ гласа затресла:
„Да Богъ живи нашегъ младогъ краля!"
Свима мило, а ни коме тако,
Као самом' србском' цар' Стефану.
Мачъ пламенный одъ себе баціо,
Па є своме сыну притрчао,
Предъ свима є нѣга загрліо,
А обадве закликташе войске:
„Да Богъ живи србскогъ цар' Стефана!"
Да с' Бояна одъ треска заплюсла.
Сынъ предъ отца на колѣно пао,

Отацъ руку на главу му дао,
Одъ Бога му благословъ искао.
Па се обе измѣшаше войске,
Отцеви се грле са сынови,
Рукую се добри пріятельи,
На све стране радость и веселѣ,
Као да су кићени сватови.

Пѣсма седма.

Земля тутньи, силна иде войска,
Савъ се Призренъ предъ ню подигао.
Гласъ допаде кральици Маріи:
„Ето войске, госпођо кральице,
Предъ ньомъ ніє србског' цар' Стефана,
Предъ ньомъ ніє кнеза Владислава:
Войску воде млађе воєводе.
За тимъ мало време постаяло,
Ал ето ти одъ войске войвода,
И са ньима кнеза Балдовина,
Кои поздравъ доноси одъ краля,
И овако кральици говори:
„Свѣтла круно, госпођо кральице!
Лѣпъ ти поздравъ одъ кралѣва носимъ,
И одъ отца и одь сына краля,
И одъ старог' кнеза Владислава,
И одъ друге све господе славне.
Срећно су се уредиле ствари,
Са сыномъ се отацъ помиріо:
Оба своє разпустише войске,
Са кнезови у Скадру осташе,
Да се госте и да се веселе.

Мене посла србскій царъ Стефане,
Да ти добре те донесем' гласе,
Да се проћешъ бриге и стараня,
Већъ у миру да на нѣга чекашъ,
До данъ до два и онъ ће ти доћи."
Одговара госпоћа кральица:
„Хвала кралю на таквом' поздраву!
Кадъ годь доће, добро ће намъ доћи,
Што скоріе, бы-ће намъ миліе."—
У Призрену радость на све стране,
На све стране пѣсма и веселѣ.
Ко є быо оправіо сына,
И у срцу за нѣга стрепіо,
Да му више вратити се неће,
Тако нѣму садь се срадовао,
Као да му се другій путъ родіо;
Жена мужа, сестра люби брата,
А пріятель грли пріятеля.
Свака кућа госта пожелила,
Свако-й жельно танко разабрати,
Шта є было, како се свршило;
У сваком' є срце заиграло,
Кадъ су чули, свакъ є зажаліо,
Што се тамо онъ десіо ніе.
На све стране старогъ хвале краля,
А младога сви у звѣзде кую.
Такве земля не видла кралѣве:
Таквогъ отца и таквога сына!—
Кадъ ноћь землю мракомъ умотала,
И санъ свему край є учиніо,
И радости, и жутой печали,
И веселю, и горком' плаканю,

Кадъ покою све се вечъ предало:
Кодъ Маріє, кодъ србске кральице,
Санъ и покой неће да се яви.
Тамно жижакъ собу осіява,
Бѣлый зракъ му помаже месеца.
Ту кральица на столици сѣди,
На крыло іой бѣле пале руке,
А къ земльи є зенице упрла;
На лицу іой срушена надежда,
И горчина желѣ преваране;
Садь набере своє чело лѣпо
Све у бразде за найдублѣ мисли,
Садь га сглади, те є полю равно,
Са кога є жито пожнѣвено.
Мало далѣ одъ кральице стои
Кнезъ Балдовинъ съ скрштеным' рукама;
Знака ніє на нѣму живота.
Упламенъ му тамно око блѣшти.—
У срце се савъ животь повукао.—
Модра устна садь се мало дрмне,
Садь грчъ цѣло занія му тѣло.
Съ єдне га є стране обасуо
Свѣтлый месецъ бѣлымъ своимъ зракомъ,
А са друге жижакъ црвенкастымъ:
Стрести с' мора, кои га погледи.
Тако дуго време постояло.
Садь се дигне кральица Марія,
Лакомъ ногомъ преће къ Балдовину,
Бѣлу метне на раме му руку,
И овако нѣму проговара:
„Дакле тако, кнеже Балдовине!
Све надежде однесе Бояна,

И све моє безсанне поноћи,
И све твоє муке и неволѣ
Изгореше са дворомъ на Дримцу!
Хвала т', кнеже, на твоєму труду:
Другим' ти га наградит' немогу.
Нек' ти буду засадь доста рѣчи:
Кадъ се Душанъ на престолъ попенѣ,
Онъ ће тебе дѣломъ наградити."
Кнезъ Балдовинъ савъ се задрктао,
У образе крвь му ударила,
Па му с' лице тако црвенило,
Као у вече облакъ на западу,
Око му се тако засіяло,
Као пламенъ, кадъ крозъ стрею букне,
Рука му се у песницу стисла,
Сама мѣсту, гди ножъ стои, пошла,
У найгорем', у муклом' бѣснилу,
Онъ изрекне, коє иду, рѣчи:
„Неће престолъ понети Душана!"
Кадъ га видла госпоѣа кральица,
У каквогъ се претворіо бѣса,
Женско срце уплашисе яко,
На далеко одъ нѣга одступи,
Сама рада пакленога врага
Изза свога угледати прага.
Ал' Балдовинъ брзо се умири,
Па приступи госпоѣи кральици,
И овако тихо проговори:
„Неплаши се кральице Маріо!
Іошть ты незнашъ, каква ватра горе
И данъ и ноћь у овым' прсима:
Ніє чудо, што се часа наѣе,

Да іой пламенъ наполѣ покуля.
Али ты се немой плашит' ништа;
Теби судба у мени є дала
Твоіой жельи вѣрна пріятеля,
И намѣри сгодна служителя.
Я ти ево тишшымъ гласомъ кажемъ:
„Неће престолъ Душана понети!“
А кральица нѣму проговара:
„Да се жельомъ што свршує самомъ,
Да є дѣло вольомъ учинѣно,
Онда бы ти, кнеже, вѣровала,
Као што самь ти нѣкадъ вѣровала;
Видишъ, кнеже, ослѣпіо ниси,
Да тог' ніє на овоме свѣту,
Што б' Душану досадити могло.
Сва є сила у нѣговой руци;
Нека сутра онъ пожели престолъ,
Са нѣга се отацъ сиѣи мора!“
Кнезъ Балдовинъ говори кральици:
„Кадъ самь быо іошть младымъ дечакомъ,
И бавіо с' у отчином' двору,
Имали смо єдногъ старогъ слугу,
Соколове старацъ є учіо,
Дигнути се небу у облаке,
И оборит' утву златокрылу,
И долетит', кадъ господаръ зовне.
Па и мене учіо є слуга,
Како валя стрѣлу управити,
Да се око никадъ непревари.
Кадъ є быо старацъ на самрти,
Свою мени казао є тайну,
Коя свакогъ може душманина

Уклонити са пута човеку,
Было малый, ил' было великій,
Слаба жена, или юнакъ силный.
Стварь є мала, ал' є поуздана.“
Хитро пита кральица Марія:
„Има л' за насъ та помоћи тайна?“
А Балдовинъ ньойзи одговара:
„Има, госпо, ако хоћешъ само.
Я ћу таки теби тайну казат':
Смрть!—“
Кральица се у каменъ створила,
Стадоше іой у памети мисли:
Кнеза гледи, смрть у нѣму види,
Како свою ньойзи косу пружа.
Врелой глави ладну диже руку,
А са кнеза очи нескинула.
Кнезъ Балдовинъ ньойзи проговара:
„Ето, госпо, я ти каза тайну!
Рѣчь є мала, стварь велика ніє:
Мѣсто сгодно, и око удесно.
Гора-й нѣма, земля неговори,
Мртво тѣло за престолъ немари,
Круну глава изъ гроба нетражи.
Хоћешъ сыну круну да утврдишъ,
Да му спасти са главе неможе,
Реци само: средство є сигурно.“
Кральицу є ладанъ зной пробіо,
У капляма чело іой покріо.
Садь се макне, кревету приступи,
Гди невинно дѣте іой почива.
Она тихо надъ нѣга се нагне,
Па га гледи, ока съ нѣг' несмеће.

Мека коса пала по рамени,
Коса златна, рамена сребрна;
На образу развиле се руже
Преливене бистрым' капльицама,
Као у башти бисерномъ росицомъ.
Сваку майка красоту видила,
Сваке с' доста нагледат' немогла!
Садь є очи у чело упрла,
Златанъ зракъ се оку указао,
Изъ зрака се круна саставила,
Глави дала, што є желит' было:
Алемъ каменъ той коси одъ злата,
Сунце ютра на образу ружи.
Нема лѣпшег' ни небо анѣелка!
Хитро майка полюбила сына,
И кнезу се натрагъ повратила,
И овако нѣму прозборила:
„Круна м' треба, нека пада глава! —
Гди човека наћи поуздана?“
Балдовинъ се грозно насмѣяо,
Као ђаво, кадъ му с' преда душа,
Па кральици 'вако одговара:
„Предъ тобомъ є, нетреба га тражит'!“
Одъ чуда є кральица викнула:
„Ты самъ кнеже! — Я нетерамъ шалу!“
А кнезъ ньойзи тихо одговара:
„Я самъ собомъ, госпођо кральице!
Ніє шала, нит' ми є до шале.
Ова рука главу ће скинути
Са Душана, а ты круну скидай.
Но послушай, што ћу да ти кажемъ,
Знати морашъ, да помоћи можешъ,

Єдна любавь другу заслужує.“

Садь Балдовинъ тежко уздануо,
За дуже є време почутіо,
Па овако говорит’ настао:
„Кадъ самь быо пре годину дана
У бієлу Скадру у гостима,
Ту є было свакога веселя,
За юнака и за дворянина.
Сваком’ краль є волю оставіо,
Съ чимъ ком’ драго проводити време.
Я самь многе у горици дане
Пробавіо хитаръ ловъ ловећи.
Єдног’ дана єсамь залутао,
Самъ незнадо, одъ кудъ самь дошао,
И куда ћу изъ горе изићи.
Већь є было превалило подне,
Кадъ се нађемъ надъ єдномъ долиномъ:
Те красоте и те пріятности
Неможе се око нагледати.
Съ горе видимъ єдно село лѣпо,
И надъ селомъ утврђену кулу.
Той похитамъ крозъ густе кршове,
Да се мало одъ труда одморимъ,
О скадарском’ извѣстимъ се путу.
Кадъ самъ быо доле у долини,
Дошао самь къ широку потоку,
И текъ садь ме право чудо снађе!
Съ друге стране истога потока,
У дебелом’ исподъ раста ладу,
Видимъ старца са сребрным’ влас’ма,
И край нѣга дѣвойчицу младу,

Одъ анђела лѣпшу найлѣпшега,
И любчію одъ самог' пролећа.
Ограби ми срце изъ нѣдара.
Я остадо у кршу сакривенъ,
Видити ме они немогоше.
Ноге съ мѣста немого дигнути,
Нити ока съ дѣвойке скинути;
Друге мисли и желѣ незнадо,
Нег' стояти и у ню гледати.
Я самь доста бѣла прошао свѣта,
И видіо лѣпы доста жена,
Коє желю поджижу огнѣну,
Послат' могу у пакао юнака,
И учинит' изъ лава ягнѣнце;
Коє душу у небо подижу,
Саблю ваде изъ руке витезу,
И любави даю г' свештеника:
Ал' ньой равне нигди ни наблизу.
Ніє дуго време постаяло,
Къ ньима двома трећій човекъ дође.
Мой анђео предъ нѣга истрчи,
Загрли га бієлым' рукама,
И пружи му своя медна уста:
Онъ є къ себи ватрено пригрли,
Полюбцомъ іой неда оддапути. . .
А у мени срце пропиштило!
Єсамь, госпо, онда заплакао.
Сама рука стрѣлу намѣстила,
И са окомъ нѣга саставила. . .
Садь се къ мени обоє окрену,
И я видимъ — могъ краля Душана!
Одма ми се предъ очима смрче,

И стрѣла ми изъ руке испадне;
Морао самь се на землю спустити,
Тако су ми празне груди быле,
А тѣло ми цѣло малаксало:
Мисліо самь, садь ћу изданути.
Све нестаде изъ свѣта милине,
Све є свою любкость изгубило;
Свѣтъ се празанъ предамномъ пружіо,
Самъ я стоимъ у празнини страшной,
Срце ми се за другомъ разтвара,
Као земля за даждомъ у суши:
Нигди сѣнке, а камо л' облака,
Нигди сѣна, а камо ли друга!
Све се желѣ у єдну салиле,
Да бы само она моя была,
Све се мисли у єдну салиле,
Да никада моя быти неће! —
Они нѣко посѣдише време,
Посѣдише, па и отидоше,
А я оста, докъ несѣде сунце.
Устати ми ни на умъ непада,
Дигнути се, да хоћу немогу,
Єрь сва снага у око се дала,
Коє у дворъ ню є одпратило,
Она ушла, а я све є видимъ,
Све ми с' чини, садь натрагъ долази,
Ал' нѣ нема, само м' желя киньи.
Кадъ се сумракъ почео хватати,
Я се дигнемъ съ тог' мѣста судбине,
И похитамъ, да у село дођемъ,
У дворъ уђи срце неимадо.
Читавъ данъ самь сутра пресѣдіо,

Ал' видит' є срећа ми недала;
Неделю самь одлазіо дана,
Ал' се она видити недала;
Разпитао самь, чія є та кула?
Казали ми, старог' Гребострека,
Дѣвойче є кнежева унука.
Мисліо самь отићи у кулу,
Пошао самь, ал' ушао нисамь,
Самь незнадо, зашт' ући немого. —
Кадъ се вратимъ Скадру на Бояни,
Нађемъ краля нигда веселія:
Єдва самь га могао погледати,
Погледу самь отровъ пожеліо. —
Одъ тог' доба па до овог' часа
Нема дана, ни у дану часа,
Да ми она испредъ ока оде;
Шта годь радимъ, куда годь погледимъ,
Лѣпо нѣно увѣкъ видимъ лице.
Па и ноћи одъ дна научиле,
Те ми свака нѣнъ образъ доноси.
Доцніє самь на краля мотріо:
Како нѣга међу нама нема,
Одо и я Новаковой кули;
Срце ми се изъ прсію чупа,
Кадъ годь видимъ, да є онъ полюби,
Или она да нѣга загрли. . .
Ал' ме нѣка тамо сила вукла;
Само да є я гледати могу,
Ма то было съ найвећим' мукама.
Колико самь пута видіо є,
Свакда ми се лѣпша учинила,
Свакда лѣпша, и свакда милія.

Гледао самь, да є украст' могу,
И съ ньомъ одемъ, да ми трага нема,
Ал' є нисамь добыти могао,
Изъ куле є само излазила,
Кадъ є тамо Душанъ долазіо.
После тога те ми дођу мисли,
Нѣга себи да уклонимъ съ пута:
Знано ти є, госпођо кральице,
Шта смо хтѣли, шта ли смо чинили.
Ако Душанъ на престолъ се попне,
Ако само съ отцемъ се погоди,
За мене є она изгублѣна
И овога и онога свѣта.
Зато мора што пріє, то болѣ,
Онъ подь землю, гди му ништ' нетреба,
Нити круна одъ землѣ Србіє,
Нит' унука старог' Гребострека. —
Садь знашъ, свѣтла госпођо кральице,
Шта одъ краля наслѣдства остає.
Узми єдно, остав' мени друго;
Я ћу теби оно добавити,
За чимъ тебе твоя желя вуче;
А ты мени добыти помози,
За чимъ мене моє срце вуче."
Нѣму вели госпођа кральица:
„О том' немой ни двоити, кнеже!
Кадъ небуде на свѣту Душана,
Ко-й одъ кнеза больій Балдовина?"
Кнезъ Балдовинъ ньойзи проговара:
„Чимь у Призренъ краль Стефанъ се врати,
Зерзеву ће Душанъ похитати,
Я ћу нѣга тамо дочекати.

Крша доста, землѣ и одвише,
Нестало га, ни гласа му нема!
Я што реко, то є учинѣно,
Ни самъ Богъ га избавит' неможе!“ —
Кадъ є ове изрекао рѣчи,
Кральици є поклонъ учиніо,
Дубокъ поклонъ до земльице црне,
Бѣлу іой є полюбіо руку,
Па се у ноћь и мракъ изгубіо.

А Душанъ є отца угостіо,
Своє госте славно дочекао,
Па ій онда лѣпо испратіо,
Они бѣлу одоше Призрену,
Онъ се врати Скадру на Бояни,
Єдна страна съ другомъ задовольна,
И о дугом' увѣрена миру.
Брзо Душанъ Скадаръ оставіо,
Полетіо лієпу Зерзеву,
И бієлой Новаковой кули.
Дѣвойке се юнакъ зажеліо,
Иштy очи нѣно видит' лице
Одъ яркога свѣтліє сунашца,
Умилніє одъ сяйна месеца,
Желе устне полюбити уста,
Много слаћа одъ меда пролећна,
И свѣжія одъ бистра извора,
Траже руке грло загрлити,
Што є бѣлѣ одъ планинска снѣга,
Мирисніє одъ майкине душе.
Кадъ дѣвойка нѣга угледала,
Одъ радости она узвикнула,

О грло се нѣму обѣсила,
Онъ ню грли, као чедо майка,
Да є само сила вольи дата,
У срце бы своє смѣстіо є.
Єдва старог' дѣде сѣтили се,
Па обоє нѣму притрчали:
Дѣвойка га и грли и люби,
Душанъ сѣду цѣлива му главу.
Пита нѣга старый Гребостреку:
„Ел' се, кралю, небо разведрило?
Ил' се іоште бояти громова?
Я самь біо ужасне боєве,
И видіо стрѣлу на прсима,
И подь мачемъ мою знао главу,
И у око смрти загледао:
Ал' са страомъ познао се нисамь
До у старе ове моє дане.
Да ми ніє было Анѣеліє,
Вѣре моє! незнамъ, шта бы было.“
Душанъ старцу 'вако одговара:
„Какви су се видили облаци,
Сила Божя тресакъ одвратила.
Громъ и тресакъ стално срце кажу,
А опасность добра пріятеля,
Безь прилике ніє добру дике:
Надати се, да ће добро быти!“
У то коньицъ на двору заржао,
Мало после и Деанъ ушао. . .
Дѣду люби у десницу руку,
Сестру свою у бієло лице.
Дѣда пита за юначко здравлѣ,
А унукъ му 'вако одговара:

„Хвала Богу и кралю Душану,
Здраве су намъ и ноге и руке,
Мало нѣшто крви се просуло,
И то оне куплѣне Француске.“
То говори, сестри руку дає,
Съ дѣдомъ самогъ оставіо краля.
Кадъ изишао Деанъ са дѣвойкомъ,
Душанъ кнезу стане говорити:
„Никда ніє среће безь несреће,
А срећа се изъ несреће раћа.
Моя воля никадъ ніє была
На могъ отца дигнути оружѣ,
И сынове водит' на отцеве:
Чисто срце и самъ Богъ помаже,
Неостає добро безъ награде —
Никадъ веħа ніє любавь была,
Коя отца и сына обвія,
Никадъ боля у Србіи слога,
Никадъ веħа на срећу надежда.
Покорности сыновской награду,
И вѣрности спрама краля вѣнацъ
Отацъ мени съ тымъ є даровао,
Што є мою любавь одобріо,
И благословъ за женитбу дао.
Само мора, као што паметь каже,
Све быт' нѣко у тайности време.
Зато, кнеже, и старый витеже,
Са нѣговымъ твой салій благословъ,
И допусти, да с' вѣнчат' можемо.
Єл' ти воля, нек' є што скоріє:
Хоћешъ мене у том' послушати,
Нек' се сутра све до подне сврши.

Данъ тай истый я самь се родіо,
Сгоднієга дочекат' нећемо.
Я самь довео нѣке пріятелѣ,
На коє се могу поуздати:
Вукашинъ ће нама быти кумомъ,
Старымъ сватомъ Реля Бошнянине,
А деверомъ младо дѣте Лаза,
Твой свештеникъ некъ молитве сврши,
Богъ є свугди, а кодъ нѣ є найпре,
Чистієга тежко има храма."
Кралю вели старый Гребостреку:
„Свѣтлый кралю и мой милый сыне,
Я самь теби поштено казао,
Што самь држао, да бы добро было.
Мени радость већа быт' неможе,
Нити милость одъ Бога милога,
Него теби моє дѣте дати.
Ваша-й срећа у Божіой руци:
Ако може моимъ благословомъ
Быти већа и дуговѣчнія,
Я га даємъ изъ свег' срца мога."
Овде срце надвладало старца,
Свога краля топло загрліо,
Па га люби у чело юначко. —
Кадъ є сутра ютро освануло,
Деанъ своіой сестри долазіо,
Па є 'вако ньойзи говоріо:
„Айде, селе, накити се лѣпо,
Иѣи ћемо на службу Божію,
Данасъ намъ се краль Душанъ родіо,
Треба хвалу вышнѣм' Богу дати."
Она млада нѣга послушала,

Па узима богате одоре,
Нову сукню одъ бієле свиле,
Извезену съ златным' цвѣтићима,
Ситно брану, у скутъ изведену,
Те се за ньомъ поносито влачи,
Као лѣпо за пауномъ перѣ;
На обла є узела рамена
Одъ црвена кавадићъ скерлета,
Кои знаде, да є срцу близу,
Па се лѣпом' прилюбіо стасу,
Цѣлу виткость обнажіо струка,
И савъ поносъ нѣдра дѣвоячка,
Подъ грломъ га тѣсно сакопчала,
Да неможе светиню нѣдара
Ни зракъ сунца додиркомъ оскверним';
Бѣла свила съ црвенымъ скерлетомъ
Прелива се, као на ружици
Боя бѣла и боя румена.
У косу є ситно оплетену
Бѣлу она задѣла ружицу,
Одъ свог' цвѣтъ є добыла Душана,
Пуполякъ є, текъ се насмѣяо,
Пунъ єдрине младога живота.
Кадъ дѣвойка тако с' оправила,
Къ ньойзи доѣе Душанъ са Деаномъ.
На Душану калпакъ одъ самура,
Бѣло перо рамена му біє,
Струкъ му стеже зелена долама
Са гайтаномъ извезена златнымъ,
Пуца су іой све драго каменѣ,
На ногу му бієле чакшире,
А чизме є обуо црвене

Са широкимъ ройтама одъ злата,
Какве носит' самом' кралю дано.
Боже милый, да лієпа пара!
У свем' свѣту себи нема равна.
Кадъ се сврши света литургія,
Отишао є Лазо дѣте младо,
Повео є лѣпу Анђелію.
Она незна, кудъ є дѣте води;
А кадъ себе край Душана види
Предъ олтаромъ и предъ свештеникомъ,
Савъ іой образъ руменило преспе,
Црвенъ кавадъ застидило лице.
Свршиле се Божіе молитве,
Вѣчна веѣъ є изречена вѣрность,
За сву вѣчность скопчане су душе.
Садь приступи младо дѣте Лаза,
Ястукъ држи одъ црвене свиле:
На нѣму є круна одъ бисера,
У бисеру с' алемъ каменъ блиста,
Као месецъ усредъ сяйны звѣзда.
Предъ невѣсту клекнуо є Лазо,
Душанъ круну съ ястука узео,
И на главу невѣсти метнуо,
И овако узь то узкликнуо:
„Света црква, што саставля руке,
И Богъ съ неба, кои веже душе,
Жену тебе србском' даше кралю,
И госпоѣу србской кралѣвини.
Златанъ прстенъ одъ мужа с' добыла,
Знакъ любави и вѣрности чисте,
Златну круну кралѣвина т' дає,
Знакъ кралѣвске славе и државе:

Ты ій носи, па с' съ ньима поноси!
Буди срећна жена и кральица! —
Многа лѣта пресвѣтлой кральици!“
Садъ зауи: на многая лѣта!
Гласомъ тихымъ, али пунымъ душе,
Кои срце у нѣдри потреса,
И у небо уздиже духове.
Рекао бы небо с' отворило,
И анђелско чує се поянѣ!
Кадъ се пѣсма утишала славна,
Ето иде Жарковићъ Деане,
И онъ води свога дѣду слѣпогъ;
Предъ кральицомъ нѣга оставіо.
Предъ ньомъ дѣда на колѣно пао,
И овако ньой є говоріо:
„Срећна да си, пресвѣтла кральице!
Дай ми руку, и полюбацъ прими,
Знакъ вѣрности твоіой круни свѣтлой.“
Она къ своме дѣди се прегнула,
Па га грли, сѣду люби главу,
А суза се низь образъ іой валя,
Проговорит' немогла ни рѣчи.
Садь се Деанъ на колѣно спусти,
И кральицу у руку полюби;
За Деаномъ кнезъ Вукашинъ доће,
А за ньиме други пріятельи,
Па найпосле Реля Бошнянине,
Кои ове проговори рѣчи:
„Я самь Бошнякъ, ал' самь науміо
Подь Душаномъ србской круни служит',
Миліє ми сгодит' се немогло,
Нег' предъ тобомъ поклонит' се найпре.“

Господска ій софра дочекала;
Пріятельска любавь и веселѣ,
И искрено срца радованѣ,
Части даше найчистіє сласти,
И веселю блаженства ведрину.
А кадъ мало заладило време,
Кодъ чаше су єдни заостали,
Мудре старца слушат' разговоре,
И одъ славны преповѣдке дѣла,
А други су изишли прошетат'
По райскоме долу Озроєву.

Са свы страна дигле се планине
Накићене зеленым' шумама,
А у среди Планикъ разліо се,
И єзеро быстро начиніо,
Чаролійско небу огледало,
И зеленым' край себе горама,
Те с' у нѣму све миліє види,
Силно срце къ своме нѣдру вуче,
И са себе неда скинут' ока.
Такво Вила има быт' станиште!
Тамо Душанъ извео кральицу,
На каменну съ ньомь є сѣо клупу,
И овако ньой є говоріо:
„Овдѣ првый съ твоє чисте устне
Полюбацъ є мене осветіо:
Овдѣ првый полюбацъ одъ мужа
Нека саюзъ за вѣчность утврди. —
Душо моя, страшна рѣчь се рекла,
Коя насъ є за навѣкъ скопчала!
Садь надъ нама земля владе нема,

Ни земальска сила ни єдина;
Нек' су горе са своим' зялама,
Нек' су мора са своим' безднама
Међу нама, раставит' насъ неће;
У мою се твоя слила душа,
У твом' нѣдру моє срце куца;
И смрть сама изгубила-й снагу:
Што Богъ свеже, нико нераздреши.—
Нек' подъ мачемъ моя падне глава,
Нек' ми срце люта продре стрѣла,
Нек' ми трули у тамници тѣло,
И у ладно гробъ га прими крыло:
Изгуби-ћу и круну и главу,
Изгуби-ћу и силу и царство,
И све друго, што свѣтъ овай дає,
Само тебе изгубити нећу,
Ты си моя, докь є моє душе.—
Моє круне ты си алемъ сяйный,
Ты с' живота свѣтла звѣзда мога,
Коя ће ми къ слави моіой свѣтлит',
И Србіи сунце быти ярко.
Бистра суза у твом' оку красном'
Бы-ће роса за срећу Србіє,
А пречисто то твоє нѣдарце
Бы-ће гньиздо славе одъ Србіє.—
Кральицомъ самь тебе учиніо,
Ако Богъ да, и срећа юначка,
Царицомъ ћу тебе учинити,
Нек' ти ніє у свем' свѣту равне!
Предъ тобомъ ће силени властели,
Кои свакій малогъ вреди краля,
Гордо своє преклонит' колѣно,

И прегнути поноситу главу.
Твоє єсте кршно Приморіє,
И юначка земля Арбанасска,
Мала Зета, гди с' змаєви легу,
И Захумска, наша дѣдовина,
И Рассія, земля поносита,
И Србія, господска држава,
Сремъ китнястый твоіой круни служи,
И Бугарска твоіомъ се называ.
Ако Богъ да, и среħа юначка,
Твоя бы-ħе земля Македонска,
Романія твоіомъ ħе се звати,
И на мору оне землѣ лѣпе
Твоє бы-ħе, теби све служи-ħе:
Тако мени моя душа каже. —
Као мирисъ съ шарены ливада
Што се диже оном' сунцу ярком':
Тако ħе се дизати молитве
Вышнѣм' Богу, твоме створителю,
Изъ свы црква србске кралѣвине,
О твом' здравлю, о твом' спасенію.
Име твоє, сладко срце моє,
Са звѣздама бы-ħе трептаюħим'
Написано на небу србскоме;
Дальни нѣга слави-ħе потомци,
У пѣсмама, коє неумиру,
Докъ са устне србског' чут' є гласка."
Онъ говори, а она га гледи.
Кадъ нѣгово засія се око,
И у нѣном' ясный зракъ засійне;
Кадъ нѣгови запламте образи,
И на нѣным' процвѣтаю руже:

Тако обе сливене су душе,
Тако оба споєна су срца!
Онъ говори, а она га слуша,
У бистрым' іой види се очима
Санъ любави съ своим' красотама,
Као дражесть дола Озроєва
У бистроме єзеру Планика.
А изъ густогъ предъ ньима шипрага
Две паклене гледе на ньи слике:
Кнезъ Балдовинъ, и Сатанинъ слуга,
Ромый Даба, (частный га убіо!)
Кои с' живу неда видит' оку,
Єрь кадъ бы га могли видит' люди,
Безь єдне бы пакао остао душе,
Зато с' неда ни пріяну видит'
У часъ грѣха, кадъ се мора казат',
Какавъ гнюрне изъ пакла међъ люде.
Они гледе краля и кральицу,
И слушаю ньине разговоре,
Па имъ срце у прсима пуца,
Кнезу одъ туге, Даби одъ веселя.—
Кнезъ Балдовинъ на колѣно пада,
Па онъ вади стрѣлу найоштрію,
Коя неда на лѣкъ помислити;
Дигао є оку соколовомъ,
Узь ню око съ кралѣмъ саставіо:
Даба чучи за нѣговы леђи,
Одъ радости изклибіо зубе,
О копиту дуге оштри нокте,
А разроке разбаціо очи,
На кнеза є єдно избульіо,
Да му шаки ловъ се неомакне,

Другимъ жмири, на младенце мотри,
Како покоръ да с' учини вѣній. —
Кнезъ є краля съ окомъ саставіо,
Руку дигао, да одапне стрѣлу:
Ал' га пріянъ по руци удари,
И овако полако му шапне:
„Чекай мало! Іоштъ кои часъ дай му!
И онако вѣће дуго неће!
Да чуємо, шта ће говорити!“
Кнезъ послуша савѣтъ пріятеля,
Али руку кодъ врпце остави. —
Кадь є своє краль свршіо рѣчи,
Кральица му тихо проговара:
„Мой Душане, срце изъ нѣдара,
Любавь твоя, то є дика моя,
Срце твоє, то є царство моє!“
То говори, руку грудма носи,
Срце игра, хоће да искочи.
На небо є очи подигнула,
Узданула, па проговорила:
„Кудъ пристала птица голубица
За силенымъ подъ облаци орломъ!
Како нѣжна да стане ружица
Покрай раста, све горице краля!
Смѣ ли бистра са цвѣтка росица
Са драгимъ се сдружити каменомъ?
Кћи долине, другарица цвѣћа
Узь Душана како-й стати вредна!
Ахъ! съ ньимъ живит', премного бы было;
Гди є срећа, за нѣга умрети!“
Узь то свою анђелску є главу
На юначке наслонила груди,

Изъ ока іой два бисерна зрна
Преко лѣпог' превале с' образа.
Садь се Даби сгода указала,
И кральицу узь краля спремити:
Кнезу маглу на очи навео,
Десну му є задрмао руку.
Цикну млада Србіє кральица: —
Оштра стрѣла тѣло іой пробила,
У снѣжне се закопала груди.
Плюсне крвца по одѣћи бѣлой,
И ороси зелену травицу.
Бистро око Душана погледи,
Па помркне, као ярко сунце,
Кадъ се облакъ на нѣга навуче;
Бѣле руке стисну с' грчовито
Око врата люблѣна юнака,
Неће да се одъ нѣга разстави —
Воля-й крѣпка, ал' кодъ жива тѣла,
Руке клону, єрь душа одлази.
Часъ Душана окамени првый;
Рука сама понела се къ стрѣли,
Одъ срца є рада задржати;
Часъ му другій несрећу обнажи,
Смрть разстрту на лицу іой види.
У юнаку срце пропиштало,
И овако у туги зацвили:
„Сунце моє, заръ хоћешъ да заѣешъ?
Небо моє, заръ ми се затварашъ?
Стрѣло люта, море те прождрло,
Зашто моє ты ненаѣе груди?...“
А изъ крша загрмише рѣчи:
„Ев' и теби, да те желя мине!“

Па Балдовинъ изскочи предъ краля.
Єдва Душанъ познат' га могао:
Очи су му крвлю подасуте,
На образу гуке одскочиле,
А уста се изкривила цѣла.
На краля є управіо стрѣлу,
Ал' му око одъ крви помркло,
А грозница руку му затресла:
Зукну стрѣла кралю преко главе.
Кадъ то види кнеже Балдовине,
Онъ потргне мача огнѣнога,
Као рисъ рикне, па се къ кралю стишти.
У Душану стане срце куцат',
Савъ се тресе одъ ярости люте,
Па потрза ножа одъ пояса,
Мачу тражи затворити пута,
Да не груне къ срцу или глави.
А кадъ своє прибрао є мисли,
Онъ прискочи кнезу Балдовину,
Падаюћем' измакне с' ударцу,
И за десну ухвати га руку,
Те извіє мачъ му смртоносный.
Одъ ярости Балдовинъ запѣни,
А лютина удвои му снагу,
Те с' изъ руке изтргне кралѣве,
И поскочи као люта звѣрка,
Лѣвомъ рукомъ вратъ Душану стегне,
А ногама о струкъ му с' ухвати,
И потегне ножемъ одъ пояса,
Да му срце у нѣдри прободе.
Види Душанъ добро быти неће,
Брже къ себи онъ пригрли кнеза.

Како га є лако пригрліо,
Сву му душу на носъ истерао,
А на ново одданут' недао.
Лѣвомъ рукомъ пригрліо кнеза,
А десномъ му ножъ у леђа сюри,
Те у срцу начини одушку.
Кнезъ застенѣ, па сву напне снагу,
Да ножъ кралю заводе у груди:
Ал' му десна обамрла рука,
Па му волю послушат' неможе.
Кадъ то види кнеже Балдовине,
Главу пригне кралѣвоме врату,
Хоће нѣга да заколѣ зубма:
Ал' му смртна вольи несвѣстица
Доћ' недаде до желѣног' конца,
Магла му се на очи навуче,
У мозгу му мучна заври смѣша,
Те му глава натрагъ се завали,
Уста зину, прси данут' траже,
Крвь сва зраку затворила врата,
Обневиди, савъ се отоболи:
Човекъ быо, месина остала.
Краль га баци на зелену траву,
Па къ несвѣстной похита невѣсти,
Рану гледат', и тражити лѣка.
Она тамне очи отворила,
И на нѣга мило погледала;
На часъ руменъ образе прелети,
И устне се на осмѣй развуку.
Надежда му у том' блага сине,
Любко сине, ал' таки премине,
Єрь се очи таки заклопише,

Руменъ пређе, смртна боя с' врати,
Съ осмѣйкомъ іой одлетила душа.
У юнаку срце пући хоће,
Тежко дыше, грозница га тресе,
Предъ очима дана невидіо,
Већъ мучне га облазе прилике,
Какве живе у тамной поноћи. — —
На вику се господа скупила.
Види Деанъ, шта є, у чему є,
Па приступа кнезу Балдовину,
Ком' огнѣна срце цѣпа боля,
Па се віє као црвъ прегаженый.
У Деану крвь є узкипила,
Па потрза ножа одъ пояса,
Да изліє бѣснило прсію
Ма на мртвой кнежевой лешини.
Сграби кнеза за десницу руку,
Па га тргне са зелене траве,
И измане, да г' пробіє ножемъ —
Кнезъ потргнутъ мало къ себи дође,
И отвори очи заклоплѣне!
А кадъ види Жарковићь Деане,
Да іоштъ има у кнезу живота,
Меће нѣга на зелену траву,
Па се спушта къ нѣму на колѣно,
И овако нѣму проговара:
„Говор', кнеже, пакла достануо,
Што си мени сестру устрѣліо?
Или си се, кнеже, помаміо,
Или те є на то ко наймio?
Све ми кажи, грѣхъ свой исповѣди,
Не бы л' лакше было ти умрети.“

Кнезъ Балдовинъ на Деана гледи,
Шупльимъ смрти запита га гласомъ:
„Єл' кральица душу испустила?“
Кадъ то чуо Жарковићъ Деане,
У грудма му жива ватра букне,
Мане ножемъ, да прободе кнеза,
И ударцемъ нѣму одговори:
Ал' му руку мисао заустави,
Да ће тайну ударацъ саранит'.
Устегне се, па му одговори:
„Богъ свесилный невиннога брани:
Неубія, кадгодъ рани, стрѣла:
Кральица ће рану преболѣти.“
То говори, што се и самъ нада,
И што хоће, да кнезъ горе страда.
Кадъ те чуо кнезъ Балдовинъ рѣчи,
Страшна душу претисне му мисао,
Да остає кралю Анђелія,
И адскимъ га испуни бѣсниломъ.
Зубма шкрипне а очи изврати,
И пѣна му на уста удари,
У грчеви стане м' играти тѣло. —
Кадъ се опетъ къ себи повратіо,
Говори му Жарковићъ Деане:
„Казуй, кнеже, грѣхъ неправи већимъ,
Казуй, шта є, на ком' є кривица,
Єрь ће тежко твоіой быти души,
Ако съ тебе невинный узстрада.“
Страшна мысао, одъ пакла мрзкія,
Опетъ свою садь подигне главу,
Силна помоћь слуги Сатанином',
Кои чучи више главе кнезу,

И на душу чечи пріятеля. —
Ласки Дабе и сили зависти
Кнезъ умирућ' одолѣт' немогао,
Већъ лажь додат' убійству намисли,
И пробудит' црный духъ освете,
И желю му дати на аманетъ,
Да тай сврши, што онъ немогао.
Па Деану тихо проговара:
„Краль на снау, кральица на сына
У руку ми оштру даше стрѣлу“ —
Цикне Деанъ као люта гуя:
„Прими плату, проклетый убійцо!“
Па до држка ножъ му у грудь сюри.
Крвь му клюкне на груди, на уста,
Руке му се у землю зарію,
Прси му се надму, па укоче,
Срце стане, крвь му се усири,
Іоштъ єданпутъ цѣло сгрчи тѣло,
Па се пружи на вѣчно лежанѣ;
На уста му лопта крви клюкне,
И у той є изблювао душу. — —
На том' мѣсту у Божіой цркви,
Гди се мало пре вѣнчала была,
Лежи млада Србіє кральица;
Анђео Божій у своме животу,
Мртво тѣло правый є светитель,
Бѣло-й лице као одъ мермера,
Уста с' смѣше, као да су жива,
Лежи млада, као да є заспала.
Мртва влада око нѣ тишина,
Свакъ дысанѣ своє уздржава,

Као да се пробудит' є бои.
Ал' ето ти слѣпога Новака.
Унуки га мртвой приведоше,
Ладном' челу руку му принеше.
Старчева се рука задрктала,
Круто своє очи є упрео,
Да угледа, што осећа рукомъ,
Предъ очима варнице му сѣвну,
Мракъ се разспе одъ година густый,
И онъ види одъ анѣела лице,
Са нечатомъ смрти на образу. —
Старцу стане срце у нѣдрама.
Руке шири, на унуку пада:
Бы Гребострекъ — садь га више ніє!
Духъ му оде души унукиной,
Мртво оста край тѣла іой тѣло.
Животъ, ужасъ дивльим' Татарима,
Лютой туги одолѣт' немогао. —
У олтаръ є Деанъ отишао,
Метнуо є руку на трапезу,
Гди стояло свето еванѣелѣ,
И ову є изрекао заклетву:
„Миле душе дѣде, отца, сестре!
Чуйте рѣчи, слушайте заклетву:
Нек' ме ово свето еванѣелѣ
У прахъ скруши, на дно пакла баци,
Као оногъ найвећегъ грѣшника,
Ком' є болѣ, да га нигди нема,
Одъ руке ми ништа не родило,
Сѣме ми се у свѣту утрло,
На огньишту пробила ми трава,

Сна и мира нигди ненашао,
Громъ ми грѣшну утрескао главу,
И кости ми земля изметала,
Ако мою погазимъ заклетву,
Васъ убійце неосветимъ крвлю!“ — —

Пѣсма осма.

У лѣпоме долу Озроєву
Ћути подне, као да є поноћь,
Нит' се чує пѣсме, нит' свирале,
На гранама птице занѣмиле,
Ни самъ Планикъ тако нежубори,
Као што му се другій путъ милило:
Само єдно тужно зуи звоно,
И у груди горку печаль буди,
А изъ бѣле Новакове куле
Єче гласи жалостног' опѣла.
Мала црква народа є пуна,
У Зерзеву нико неостао,
И одойчадь матере понеле,
Да високе цѣливаю мртве.
На сред' цркве смртный одаръ стои,
Савъ у црну увієнъ кадифу,
И на нѣму леже покойници,
Нѣжный цвѣтакъ край зрелога плода.
Кральица є лѣпо обучена
У кралѣвско руво скупоцѣнно,
Съ царскимъ вѣнцемъ на анђелской глави,
Надъ ньомъ вію с' стѣгови земаля,
Коє нѣной светой круни служе;

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ У НОВОМ САДУ

У оклопу кнезъ лежи юначком',
И до нѣга свѣтло му оружѣ,
Мачъ и коплѣ, стрѣла и буздованъ,
Осѣнѣни бойнымъ баряцима,
Душманима коє є отео.
Свѣћама се ни броя незнаде,
Кадило се облакомь уздиже. —
Кадъ до гроба донесоше мртве,
Страшна мысао, породъ гроба црный,
Као аветь предъ краля устане;
Гроза цѣло потресе му тѣло,
И онъ ове проговори рѣчи:
„Сву лѣпоту, дражесть и милину
Прима земля, да земльомъ учини!
Трулежъ гнуснымъ нагрди-ће зубомъ,
Краль Србіє чимъ се поносіо! —
Шта ће быти она лѣпа глава,
Коіой круну дао самь кралѣвску,
И царску іой іоштъ мысліо дати? —
И сва она безгранична любавь,
И сва она небесна чистота,
И све моє желѣ и надежде,
И сви мои лѣпи намышляи —
Све у земльи да изтруне црной! — –
Тако млада и анћелски лѣпа,
Земльи дана, да се ньомъ поноси,
И любави, да іой буде дика,
Сласть живота, и цѣна и вѣнацъ,
Любко чедо небесне лѣпоте
Бѣдном' людству са неба послано,
Да му своє буде славе узоръ,
И милости залогъ створителя,

Да надежди донесе му лице,
И райскога яви пріятеля, —
Шта сагрѣши, да у землю дође,
Шта л' учини, да трунути мора? — —
Любавь моя, то є пропасть твоя,
Круна моя несрећа є твоя!
Съ мене красный животъ є угашенъ,
Съ мене трули све, што лѣпо было! — —
Заръ помоћи ни у краля нема
Противъ таме и трулежа гроба? —
Грдне землѣ слушаю Душана,
Заръ узаный да му с' гробъ противи?
Силни нѣга боє се юнаци,
Заръ му слаби да пркосе црви? —
На рѣчь мою войске даю главе,
И крвь срца рѣкомъ се пролива,
Златна жетва у пустошь прелази,
Хрпомъ землѣ постаю градови,
Могу дизат' и обарат' кралѣ,
Радость, тугу народма задават':
А надъ гробомъ наймилієг' свога
Сва є лава оставила снага! — —
Но ће снага лаву приступити,
Па ће рикнут', да се све затресе,
И све живо прлой падне земльи,
Таму гроба пожеле крвници,
И уздану за трулежомъ гньилымъ!"
Люта боля срце кралю цѣпа,
Зубма шкрипне, па яростно викне:
„Царску круну рекао самь ти дати,
Две кралѣвске на твой гробъ ће пасти!" —

Мртва тѣла гробу предадоше,
И гробъ туге сузама залише,
Па се онда одатле дигоше,
И бієлу Скадру отидоше. —
Грдна туга поразила краля.
Съ Анђеліомъ савъ му свѣтъ умрео,
И сву животъ изгубіо цѣну.
Црный споменъ єдно му є дружство,
Тужне мисли єдни разговори.
Лица видит' човечя немогао;
Самомъ себи тужанъ проговара:
„Гди є она ведрина живота?
Гди є струя младости обилна?
Гди сигурность за страхъ незнаюћа,
Коя смѣло у будућность гледи,
И судбину на мейданъ позыва,
Увѣрена о побѣди славной?
Гди є воля, коя с' сломит' незна,
И надежда съ лицемъ садашньости?
Кудъ се срца подела топлина,
Коя чувства диза и развія,
Као цвѣтиће пролѣтно сунашце?
Два предамномъ летише анђелка:
Светость отца, любавь Анђеліє;
Оба єдна разорила стрѣла,
Гробъ обадва єданъ прогутао!
Кадъ найлѣпше пропаде подь сунцемъ,
Шта ће моћи вѣчность дочекати!
Кадъ благословъ невинность убія,
Коє клетви остає страшило! —
Ніє, ніє то нѣгово дѣло!
Гди бы была та подмуклость црна

У нѣговомъ срцу голубіємъ?
Како л' мрзость да сложимъ паклену
Съ душомъ, коя за цѣо свѣтъ умире?
Заръ убійство да наложе уста,
Коя само благосилят' знаду?
Ніє, ніє то нѣгово дѣло! —
Ал' ко другій моє мысли знаде?
Ком' за любавь Балдовинъ бы дао
Главу мачу, а душу ђаволу?
Ко погуби Новаковићъ Жарка,
Башъ кадъ свакомъ съ пута се уклони?
Чудна сила освети є дана,
Чудномъ слашћу човека запая:
Хоће с' човекъ душману осветит',
Ма се знао съ тога непосветит'!
А крвь отца ко на души носи,
Како кћерь му у снаи да грли!
О истино, вышнѣгъ Бога кћери,
Како и ты тежка быти можешъ!"

Краль у своіой затворіо с' туги,
У самоћи своє плаче яде;
А Деанъ є господу сазвао,
И овако ньима проговара:
„Мало треба, гди стварь виче, рѣчій.
Држави намъ дигнут' се недаду,
Раздоромъ іой будућности прете;
На краля намъ изведоше войску,
И крвавогъ послаше убійцу;
Вѣнчану намъ убише кральицу:
Треба л' іоштъ што, да се горка чаша
Бѣде пуномъ може рећи наша?

Да смо срећни, были б' данасъ већи;
Правда намъ є леђа окренула,
Узь ню небы кральица трунула;
Проклетиня на землю намъ зія,
Грѣхъ и смрть є рукама обвія:
Каква чека државу будућность,
Кадъ у таквом' сѣє се сѣмену!
Кадъ се кћери стрѣляю невинне,
Чега с' боят' немаю сынови?
Коя странна да є мирна глава,
Кадъ на сына пуштаю се стрѣле?
Шта ли могу кнезови чекати,
Кадъ кралѣвска ніє света глава?
Свакогъ дани очекую страшни:
Кудъ погледи, смрть му се казує,
Кудъ корачи, гробъ му се отвара;
Свакогъ чека животъ отрованый:
Сваку радость презанѣ ће мутит',
Сваку сласть му страхъ ће ожучити!—
Садъ є краля срећа послужила,
Єданъ судби быо животъ доста;
Ал' паклена пробуђена мисао,
Изъ главе се неда изтерати,
Докъ крвавымъ дѣломъ непостане;
Ніє єданъ Балдовинъ на свѣту,
Наћи ће се друга равна рука,
И сгоднія десити прилика,
Са Душаномъ насъ ће разставити,
Србію ће у црно увити.
Кодъ такога црног' душманина
Кралю ніє у ютру предсказат',
Да ће вече здраво дочекати.

Є л' у гори, свуда є кршева,
Гди є пао, ту є и остао,
Земля неће „ево г' овдѣ“ викат';
Є л' у двору, у нашой дружини,
Свудъ проклетый доспѣ издаица,
У Млѣтцы є праха свакояка:
Кралю позли, онъ є смртно тѣло,
Многій умре у живота цвѣту,
А на круне смрть се необзыре.
Зато браћо и господо славна,
Другог' нема нама спасенія,
Већъ да вѣру єданъ другом' дамо,
И одъ бѣде замлю избавимо.
Кадъ краль дође у дворъ Неродимлю,
Дигну-ћемо нѣколико друга,
Поузданы и вѣромъ и рукомъ,
На дворъ ћемо ноћу ударити,
Кадъ се нико гостима ненада,
Старогъ ћемо заробити краля,
А Душана на престолъ попети,
Нек' кралює нама и Србіи.
Отцу неће тежко быт' кодъ сына,
А нама є поможено свима;
Кралѣвина наша процвѣта-ће,
Слава ће се нѣна разширити
Съ єдног' края свѣта до другога.
Ако ли намъ за рукомъ непође,
Те с' несврши, како наумисмо,
Я вамъ стоимъ за Зету юначку,
За Приморѣ и за Арбанасску,
Сви юнаци дигну-ће се листомъ.“
А кнезъ Балша нѣму одговара:

„Ево руке, а ево вамъ главе,
Я самъ хоћу, ако нико неће.
И я стоимъ за землю Захумску,
И юначку одъ Србіе страну:
Ако старци за Стефаномъ пођу,
Троиномъ ће младићи скочити,
И похитат' бой съ Душаномъ бити.“
Кнезъ Вукашинъ свою пружа руку,
И овако њима проговара:
„Ево руке, а главу ћу дати
Кадъ и на што срећа є узиште.
А кадъ треба да се крвь пролива,
За сву долню я вамъ стоимъ страну,
Дигну-ће се и старо и младо,
За єднога сви ће изгинути.“
Пружа руку Реля Бошнянине,
Пружа руку овако говори:
„Ево браћо, и моє деснице,
А узь главу ставићу хиляду.“
Кнезъ Вукашинъ опетъ проговара:
„Хоће л' Душанъ съ нама сложити се?
Вы сви добро Бояну памтите,
Хоће нама и садь на путъ стати!“
Одговара Жарковићъ Деане.
„Крвь садь краля на дѣло позыва,
Крвь кральице, крвь жене нѣгове!
Кои своє клати дає овце,
А не стане за кожомъ куряку,
Ніе вреданъ єдне имат' овце.“ —

Лете лаки изъ Скадра улаци
На све стране србске кралѣвине,

Краль сазыва своє пріятелѣ.
Важни мора да се носе гласи,
Улаци су конѣ позноили,
Путуюћи и даню и ноћу.
Кадъ у Скадру господа се нашла,
Краль ій софри незове господской,
Већъ имъ тужанъ ’вако проговара:
„Браћо моя, и господо славна!
Страшне небо громове сабрало,
Па на мою изпушта ій главу.
Люте болѣ кидаю ми срце,
А душу ми црный грѣхъ облеће.
Сама с’ дигла противъ себе наравь;
Єдна дужность на другу удара.
Съ єдне стране срце пію гує,
Са друге га чекаю якрепи:
Ил’ се макао тамо, ил’ овамо,
Грѣху идемъ, кадъ одъ грѣха бѣжимъ.
Животъ чуват’ света каже дужность,
И гласъ самог’ у прсима Бога.
Црвъ се віє, кадъ га човекъ гази,
Лавъ раздире убоицу свога:
Мени стрѣле у срце пуштаю,
Али како да подигнемъ руку,
Кадъ ће тежка отца да сакруши!
Душу люди за своє полажу,
Крвлю перу ньіову увреду,
За крвь ньину саму иштy главу,
Тай є наравь положила законъ:
Заръ у моим’ да смѣ наручяма
Жену срцемъ и небомъ ми дану
Рукомъ скрушит’ убійца крвавомъ?

Ал' како ћу ножа да обнажимъ,
Кадъ ће срце да пробіє отца!——
Идемъ, браћо, у странну државу,
Сакри-ћу се у самоћу мрачну,
Нек' ме жива и незнаю люди!
А анђелску мою Анђелію
Богъ ће силный съ неба осветити!——
Ахъ! тежко є землю оставити,
Коя носи име домовина;
Нигди више недає се наћи
Мила Зета, и драга Србія,
И остале срцу землѣ драге!
У нѣдрама тужно срце пишти,
Кадъ се разстат' съ пріятельма мора:
Гди ћу наћи я Деана мога,
Гди могъ Балшу, гди ли Вукашина,
Гди юначкогъ Релю Бошнянина,
И остале миле пріятелѣ,
Съ коима самъ проводіо дане
Наймиліє у животу моме!—
Тежко пада, али быти мора;
Єрь кадъ мене у земльи небуде,
Неће землю немиръ уздрмати,
Ни цвѣлити майке ни любовке,
Ни у црно сестре завіяти,
Ни отцевма срце раздирати!"
Сва господа никомь поникнуше,
Па ћуташе, као да су помрли,
Тако ій є поразила туга.
А кадъ мало разабрао мисли,
Проговара Жарковићъ Деане:
„Свѣтлый кралю, истину си казао,

Да ти живит' у Србіи ніє.
Ил' пошао хитаръ ловъ ловити,
Или сѣо руйно вино пити,
Ил' легао санакъ боравити,
Смрть надъ главомъ увѣкъ ти се віє,
Као гавранъ надъ мртвомъ лешиномъ:
Убійца те изза крша вреба,
Отровомъ є вино зачинѣно,
Ножъ крвника за сна светость незна.
Зло є, кралю, горе може быти:
Кадъ кральицу анѣелска невинностъ,
И свесилна сыновлѣва любавь,
И съ ньомъ света круна одъ Србіє
Одъ ужасне судбе неодбрани:
Шта ће быти съ твои пріятельи,
Коє съ мачемъ у руцы застаде
Силна войска на води Бояни?
Рѣчь насъ царска одъ закона брани:
Одъ осветe шта ће насъ одбранит',
Коя врага у гори убія,
И птицама оставля му тѣло,
Коя своимъ мртви благословомъ,
И вѣнчанѣ у укопъ претвара?
Мислишъ, кралю, изъ землѣ избѣћи,
И у мрачну сакрит' се самоћу:
Ал' ми кажи ону землю дальну,
Куда ніє доспѣла издая;
Има л' кута на овоме свѣту,
Да га незна нога издаице?
Предъ издає окомъ соколовымъ
Нема тайне, ни довольне таме!—
Мислишъ Богу оставит' осветy

Крви твоє любе и кральице:
Богъ ће судит' и робу и кралю,
Гди богує, на свои небеси, —
Земску правду кралѣв'ма є дао,
Да народу суде по закону:
Крвь є крви одредіо цѣну,
А за главу да се иште глава.
Па кадъ робска несме пасти глава
У неправди, и противъ закона,
Заръ кральица одъ землѣ Србіє
Безь обране да остане сама?
Кадъ убійци простогъ селянина
Законъ неда сана ни одмора
Докъ се светость неповрати правди:
Заръ убійца законне кральице
Да се слави, и да се весели;
Законъ гази, и правди се руга?
Своє сестре, а наше кнегинѣ
Краль є Стефанъ сузе и тамницу
Самомъ цара наплатіо крвлю:
Одъ сестре є жена роѣенія,
Одъ кнегинѣ кральица є већа,
Одъ суза є крвь скупоцѣннія,
Црный гробъ є найгора тамница! —
На отца се боишъ ударити?
Отца име и светиню губи,
Кои сыну о животу ради;
Коя падне подъ мачъ правде глава,
Златну круну та незадржава!
Света правда, правда неумытна,
Крвь и животъ, миръ и срећу иште,
Само нѣна да с' сачува светость!

Ньой є самъ Богъ очи савезао
Узомъ, коя скинути се неда,
И у таму очи іой увія,
Каква была, докъ небыло сунца,
И на небу нетрептале звѣзде,
Те невиди лица ни одѣла,
Нити види отца нити краля!—
Кою л' светость своіой тражи глави,
Мужъ и витезъ, и войвода силный,
Кадъ дѣвойче потаіомъ убія,
Само своіомъ чувано нѣжношћу?—
Па и на то ты помисли, кралю,
Да є дужность свою чуват' главу
Самымъ Богомъ наречена прва;
Да самъ своимъ постає убійцомъ,
Ко с' нечува, гди му паметь каже,
И неради, што му та налаже!
А крвь своя, кадъ на душу падне,
Горе пече одъ пакленогъ огня!
Зато свѣтлый, послушай насъ, кралю!
Немой твою землю оставляти,
Пріятелѣ немой изневѣрит',
Ни жениногъ гроба се одрицат'!
Срамота є одъ зла укланят' се,
Кадъ смо дужни нѣму на путъ стати;
Греота є одрећи се мртвы,
Коє своим' у животу звасмо!
Сети с', кралю, шта си говоріо;
Клео с' ниси, заклетва є была!—
Мы съ несрећномъ пас-ћемо држављомъ,
Алъ є срамно издат' неможемо!
За правду смо изгинут' готови,

Ал' неправди ликоват' недамо! —
Мыслишъ, кралю, землю оставити,
Єрь кадъ тебе у земльи небуде,
Неће немиръ землю уздрмати.
Мислишъ, кралю, ал' се люто варашъ:
Лете гласи одъ града до града,
Ко ій чує, тай зубима шкрипи:
Да смрть своє кральице освете,
Сви ће Србльи скочит' на оружѣ.
Жива многом' небы мила была,
Надъ мртвомъ ће свакій заплакати.
Неће дуго време постаяти,
Страшна ће се сила сакупити;
Іоштъ убійству ты додай прогнанство,
Па с' отчину главу проиграо.
Зато, кралю, те с' остави мисли,
Неодпири с' нужди ни дужности.
Кадъ већъ златна мора пасти круна,
Гледай сѣду те сачувай главу.
Ако тебе съ народомъ небуде,
Може быти, што ти ни у гробу
Неће дати костима покоя.
Кадъ у груди людма крвь ускипи,
И ярость имъ бѣсове пробуди,
И освета духове помрачи,
Свака видит' подь небомъ є чуда!"
Ове рѣчи Жарковићъ Деана
У Душану сву потресу душу,
Види отца блѣда и крвава,
И безь круне и безь сѣде главе,
Па повиче са найвећомъ больомъ:
„Є л' истина, што говоришъ, кнеже,

Ил' ме празным' мучишъ страшилама?“
Сва господа у гласъ повикаше:
„Истину є Деанъ говоріо!
На све стране народъ узаврео,
Свакогъ рисомъ ярость учинила,
Свакій дыше осветомъ крвавомъ.
Зло ће быти по цару Стефану,
Ако њима ты небудешъ воћа,
У власть твою бѣсове непримишъ,
И на другу ненавієшъ страну.“
Краль уздане и главу преклони,
Па овако тихо проговори:
„Судба тамна, снагомъ океана,
Носи мене, као море корабль.
Воля єдно, нужда иште друго,
Одъ чег' бѣжимъ, къ ономе долазимъ.
Добра нема, докъ се зло несврши,
Єрь се добро за зло заклонило.—
Духу ми се саломила крыла,
Айд'те браћо, савѣта ми дайте,
Шта да радимъ, да є манѣ бѣде!“
Кадъ господа савѣтъ доконала,
Балша оде съ нѣколико друга,
Те онъ прими ключе одъ Звечана;
А къ Петрићу Воихна се диже,
Душана ће тамо дочекати;
Кнезъ Жарковићъ съ кнезомъ Вукашиномъ,
И са њима Реля Бошнянине,
Са дружиномъ одъ стотину глава,
Прозраку се гори примакоше,
Све по єданъ, да с' нечини буне.
А кадъ су се у гори састали,

У кршъ паше, тамну ноћь чекаше,
Па кадъ глуво приближи се доба,
Примакну ће с' двору Неродимльи.
Кнезъ Вукашинъ са петдесетъ друга
Одъ двора ће узети улазке,
А кнезъ Реля са своіомъ дружиномъ
Све по двору повеза-ће слуге,
Жарковићъ ће са свои Зећани
Самогъ гледат' краля и кральицу.
Па кадъ срећно своє дѣло сврше,
Балши да-ће у Звечанъ Стефана,
Съ Душаномъ ће у Призренъ отићи,
И на престолъ нѣга подигнути. —

А краль Стефанъ рано уранio,
Са кральицомъ у вртъ изшетао,
Па овако ньойзи говоріо:
„Нема нигди кнеза Балдовина,
Чини ми се, чистъ му посао ніє.
Зашт' нехтѣде у Скадру остати?
Зашт' предъ очи мени недолази?
Ил' є лудо, ил' радіо худо,
Кадъ баціо на дѣцу невѣру."
Нѣму вели кральица Марія:
„За зло немо'шъ ты примити кнезу.
Другчіє се говори са кралѣмъ,
За кимъ силна повія се войска,
А другчіє съ кнезомъ Балдовиномъ,
Кадъ є вино срца разгрѣяло.
А што ніє у Скадру остао,
То се лако разумѣти дає;
Како су га пріє дочекали,

Сву му волю къ гостбини узели.
Што се теби до данасъ неявля,
И то лако разумѣт' се дає:
Велика є србска кралѣвина,
Добре госте наши Србльи любе,
И одъ себе лако непуштаю.“ —
Кадъ су сѣли къ ручку за трпезу,
Прве чаше наточили вина,
Чашу дигао србскій Царъ Стефане,
Чашу дигао, испити немогао;
На краля є санакъ наишао,
Изъ руке є чашу испустіо,
Пала чаша на чинію златну,
Нит' се чаша на злату разбила,
Нит' се вино изъ чаше просуло.
А кадъ краля санакъ оставіо,
Пита нѣга кральица Марія:
„Шта є теби, србскій цар' Стефане!
И досадъ си руйно вино піо,
Али ниси санакъ боравіо?“
Ньой говори србскій царъ Стефане:
„Любо моя, кральице Маріє,
Ніє санакъ, него є знаменѣ!
Како свето дигао самь причешће,
У светой самь нашао се цркви,
Гди ми очи Божій светацъ даде.
На олтару отворе се двери,
Крозъ ньи светый изиђе Никола:
Бѣла светцу брада до пояса,
Лице му се сія као сунце,
А звѣзде му трепте око главе.
Кадъ є светацъ предъ мене дошао,

Овако є мени говоріо:
„Я самь теби, милый сыне, казао,
Кадъ самь слѣпцу очи ти донео,
Да ћу ти се іошть єданпутъ явит',
Кадъ ти дође време умираня.
Ты си твоме Богу угодіо,
И нѣгово име прославіо;
Свакый човекъ братъ є теби быо,
Свакоме си добра пожеліо,
Опраштао си радо и свесрдо,
Ниси клео, већъ си благосиляо,
Помагао си слаба и убога,
Подизао си болна и невольна,
Съ обе руке сироти си давао,
И сирочадь као отацъ чувао,
Правда ти є прва желя была,
А истина вольомъ управляла,
У несрећи и у бѣди лютой
Одъ грѣха си сачувао душу,
И твом' Богу вѣранъ заостао,
Подигао си свете манастире,
Све на славу Богу истинноме,
И народу на молитву своме.
Богъ прославля, кои нѣму служе:
Ты ћешъ добыт' вѣнацъ мученика.
Зато милый преправи се сыне
У домъ ући твога господара,
До мало ће Богъ те сподобити,
Нѣгову ћешъ славу угледати.““
Ово рекао, благословъ ми дао,
Па се онда у олтаръ вратіо,
Пунъ красоте и славе небеске.

За светцемъ се затворише двери,
Я прогледимъ и тебе опазимъ.
Таки морамъ духовника звати,
Да м' причести, да ме исповѣди,
Да обучемъ светчану одѣћу,
И неодемъ на славу несправанъ.
По Душана таки послат' морамъ,
Іоштъ єданпутъ радъ бы га видити,
И тебе му съ дѣтетомъ предати.
А ты ништа немой тужит', любо,
Зрелом' класу српъ съ пѣсмомъ долази.
Држ' се правде и свете истине,
Па ти неће приближит' се бѣда;
Бога слушай, и нѣгово слово,
Па са пута нећешъ сићи правогъ.
Душанъ има срце племенито,
Онъ ће вама мене накнадити;
Паз'те нѣга као старієга,
Любите га као присногъ свога,
Дайте нѣму, што се дає кралю,
Свою онъ ће за васъ дати душу.
Самъ Богъ престолъ Душану є дао,
И прославит' нѣга намисліо,
Зато га є тако украсіо,
Као ни єдногъ одъ човека сына:
Клетва моя и клетва Божія
На твою ће пасти, любо, главу,
Ако дигнешъ на Душана люде,
И у землю ты унесешъ раздоръ.
О престолу распра кралѣвине
Найвећій є помоћникъ душману.
Свака капля човечіє крви,

Одъ братинске проливена руке,
Землю пали, као горућій сумпоръ,
И неда іой родити пшеницомъ;
Изъ свакога човечіег' тѣла,
Одъ братинске убієног' руке,
Люте с' легу гуе и якрепи,
И ране се срчомъ кралѣвине.
Гди братъ съ ножемъ на брата устане,
И отцеви съ стрѣломъ на сынове,
Одтуд' своє Богъ одвраћа лице,
Свака одтудъ одлеће светиня,
Све претисне ято проклетиня,
Као ньиве ято скакаваца.
Грѣхъ се сѣе, клетва ће се жнѣти,
Родъ є клетве пропасть и неволя;
Доће л' бѣда са отчина грѣха,
И девето пишта-ће колѣно.“
Нѣга слуша кральица Марія,
А сузе іой каплю низь образе,
Па овако нѣму проговара:
„Немой, кралю, ты цвѣлити мене;
Саномъ дошло, саномъ ће и проћи.
Богъ є великъ, онъ є пунъ милости,
Іоштъ ће теби дугій животъ дати.“
А царъ Стефанъ ньойзи одговара:
„Я ћу мою да учинимъ дужностъ;
Онъ нек' зове, кадъ є нѣму драго.“ —
Текъ краль Стефанъ устао одъ трпезе,
Ал' долази владика Данійло.
Кадъ владику Стефанъ угледао,
На сусретъ є нѣму похитао:
„Добро дошао, Божій светителю!

У часъ болый никадъ недошао.“
А владика кралю одговара:
„Свѣтлый кралю, чудо ме доведе.
Свето сѣдо читат’ еванђелѣ,
И чита га до тихе поноћи.
А кадъ быя превалила поноћь,
Санъ ми склопи тежке трепавице,
На свету ми глава падне кньигу.
У том’ сану гласъ ми проговара:
„„Устан’ горе, владика Данійло,
Брже иди бѣлой Неродимльи!“
Я нехтѣдо санакъ послушати.
Друге ноћи, около поноћи,
Опетъ санъ ме надъ кньигомъ превлада,
И у сану ове чуємъ рѣчи:
„„„Устан’ горе, владика Данійло,
Брже иди бѣлой Неродимльи!““
Здраво самъ се сану зачудіо,
Ал’ га опетъ нисамъ послушао.
Треће вече и у исто време,
Кадъ самь свето читао еванђелѣ,
Санъ ми тежке склопи трепавице,
И глава ми къ светой клоне кньиги,
Гласъ зазуи, али садь лютито:
„„„Устан’ горе, владика Данійло,
Брже иди бѣлой Неродимльи!““
Я несмедо зору дочекати,
Ноћу пођемъ, да што пређе дођемъ.
Богъ ће дати, те ће добро быти.“
Садь краль своме каже духовнику,
Шта му яви господъ са небеса,
Па се даше свршивати тайне,

Како каже црква православна.
А кадъ свете краль изврши тайне,
Онъ дозыва свога вѣрногъ слугу:
„Десиславе, моя вѣрна слуго,
Сѣдлай Змая, коня крылатога,
Брзо трчи Скадру на Бояни,
Иди право предъ младога краля,
Па му ове испоручи рѣчи:
Отацъ те є поздравіо, кралю,
Да му таки будешъ къ Неродимльи;
Явіо му господъ са небеса,
Да ће скоро къ себи га позвати,
Радъ є кралю преће смрти своє
Да те види, да те благослови.
Ал' похитай, да касно недоћешъ.
И то те є отацъ поздравіо,
Да доведешъ са собомъ кральицу,
Ил' кральицу, или заручницу,
Да є види, да є благослови.
Ако краля ты ненаћешъ, слуго,
У бієлу Скадру на Бояни,
А ты никомъ неказуй ни рѣчи,
Већъ похитай лієпу Зерзеву,
Бѣлой кули кнеза Гребострека,
Зацѣло ћешъ тамо наћи краля,
Па му кажи, што ти заповѣдамъ,
Другомъ никомъ ни єднога гласка,
Пошто ти є твоя глава мила.
Но похитай, моя вѣрна слуго,
Немой жалит' Змая огнѣнога,
Немой жалит' себе уморити,
Послужи ми изъ свег' срца, слуго,
Хоћу теби захвалити лѣпо.“

Кадъ є кралю оправіо слугу,
Отишао є кральици Маріи,
И свом' сыну малом' Сумеуну,
Па є съ ньима време пробавіо
У говору и мудрой науки,
Докъ се небы ухватіо сутонь,
И къ вечери непозваше слуге.
А кадъ было, да се иде спават',
Са дѣтетомъ кральица отиде,
А краль оста съ владикомъ Данійломъ,
Да онъ слуша Божіе молитве,
И о светым' разговара с' стварма.

Кадъ кральица дѣте успавала,
Горе, доле, по соби се шета,
Руке ломи, овако говори:
„Гди толико Балдовинъ остає?
Ето има три неделѣ дана,
Како нема ни трага ни гласа,
Као да га є земля прогутала.
Ил' свршіо, ил' ништ' несвршіо,
Да знамъ само, шта є, и како є:
Ал' што незнамъ ни бѣле, ни црне,
То ме мучи, то ми неда мира;
Одъ зла самог' гора-й неизвѣстность."
Опетъ ћути и по соби хода,
Пакъ на ново почне говорити:
„Да л' є дѣло кнезъ свршіо срећно?—
Дође л' до шта, равногъ себи тражи,
Ил' се на мачъ дочекат' требало,
Ил' у коштацъ ухватит' валяло. —
Да га нису како ухватили? —

Душанъ нема надъ собомъ юнака,
Да му ніє одсѣкао главу? —
Ніє л' мене онъ отдао кралю? —
О како є неизвѣстность мучна!
Али зашто я разбіямъ главу,
Зашт' се мучимъ, кадъ быт' могу мирна!
Какво чудо, што кнезъ недолази,
Кадъ прилику чекат' има сгодну.
То свѣдочи, да съ обзыромъ ради,
И да срећном' надати се концу. —
Каква ли є у томе опасность,
Устрѣлити изъ крша човека?
А Балдовинъ промашити неће.“
Опетъ ћути и по соби шета,
Пакъ на ново почне говорити:
„Добра срећа, или Божя воля,
Што ће Душанъ већъ подь земльомъ быти,
Ако отацъ са землѣ отиде. —
Судба сама мени пріятельи,
Кадъ є кнеза тако преправила,
Страшћу своіомъ да мом' добру служи.
Хвала теби, судбо вѣковѣчна,
Ты знашъ цѣнит' срце материно;
Хоћешъ милость пуномъ да учинишъ,
Немой мени узимати мужа,
Мени мужа, Симеуну отца.“
Мало ћути, п'онда проговори:
„Три ћу света сградит' манастира,
Нек' у єдном' читаю с' молитве
За спасенѣ Душанове душе,
А у другом' нек' се службе служе
За дугъ животъ србског' цар' Стефана,

И за здравлѣ мога Симеуна,
У трећем' ћу я се молит' сама,
У каяню и метанисаню,
Да ми съ грѣха непропадне душа;
Богате ћу дѣлит' милостинѣ,
Да с' за мене моли сиротиня. —
Ахъ! тежко є крвь имат' на души,
А помислит' на судію страшногъ!“ —
А дружина у гори Прозраку
Са мракомъ се дигла къ Неродимльи.
У тишини дворъ є обколила,
У двору є издаица быо,
Те є ньима врата отворіо;
Реля таки повезао стражу,
Ньино мѣсто своим' подпуніо,
И пошао истраживат' слуге,
Да с' недигну они на оружѣ.
Чула жуборъ кральица Марія,
Чула жуборъ, обрадовала се,
И овако себи говорила:
„Хвала Богу, ето Балдовина,
Ноћу иде, добре гласе носи,
Носи круну моме Симеуну.“
Па весела потрчала къ вратма,
Гласоноши пожелила крыла.
У то Деанъ на врата допао,
Предъ кральицу съ голымъ мачемъ стао.
Кадъ Деана кральица видила,
Зацикнула као люта гуя,
Симеуну брже притрчала,
Изъ кревета дѣте изтргнула,
Па на друга съ ньимъ побѣгла врата.

За њомъ трчи Жарковићъ Деане,
За Деаномъ нѣколико друга.
Страхъ кральици ноги дао крыла,
Као стрѣла улетила къ кралю,
Рѣчи нѣму изрећи немогла,
Већъ предъ ноге нѣму се срушила.
Кадъ кральицу Стефанъ опазіо
Са ужасомъ на блѣдом' образу,
И у оку грозно укоченом',
Са дѣтетомъ изъ сна изтргнутымъ,
Єза кралю крозъ све прошла тѣло,
Па повиче уплашенымъ гласомъ:
„Шта є любо, коя є неволя?“
Она рѣчи изрећи немогла,
Къ вратма очи упрла угасле,
И ледену пружила є руку,
Єрь на врати кнезъ Деанъ застао,
И дружини дає заповѣсти:
„Ты, Своило, за мномъ са Зораномъ;
Ты, Толоє, са тры твоя друга,
Са Поменомъ, Бойкомъ и Витаномъ,
Непуштайте никога унутра!“
Предъ Деана краль є изишао,
И безь страха и сваког' ужаса
Овако є нѣга запитао:
„Ко с' ты, кои съ обнаженымъ мачемъ
У дворъ србски долазишъ кралѣва,
И санъ рушишъ твога господара?“
Деанъ ћути, па га само гледи.
Лице му є одъ ледене санте,
У очима самъ пакао горе.
Свећу къ своме подигне образу,

Го у прси мачъ управи кралю,
Па ужаснымъ проговори гласомъ:
„Сынъ освете съ мачемъ правосуднымъ!
Трзай саблю, србскій цар' Стефане,
Да видимо, ком' правда помаже!“
Царъ Стефане нѣму проговара:
„Мою главу друга сабля брани!
Ты, невѣро, на колѣна падай,
Признай грѣхе, кажи пріятелѣ,
Рѣчь ти даємъ, опрости-ћу свима.“
Деанъ кралю опетъ проговара,
И говори, као да га моли:
„Брани, кралю, твою сѣду главу,
Несме знати за милость заклетва!
Вышша воля моіомъ рукомъ влада.
Безь обране небы погубит' те.
Бран' се, кралю, я ударат' морамъ.
Нит' помажу сузе, нити претнѣ.“
А краль Стефанъ нѣму одговара:
„Богъ є вышньій обрана кралѣва,
И нѣгова неумытна правда!“
Деанъ спусти мачъ съ прсію краля,
Па овако тихо проговара:
„Тежко ми є голе прси пробит'!“
Па му онда чело се навуче,
И у оку ватра букне страшна,
Више мумла, него што говори:
„Правда сама мачъ руци недає:
Изъ потає попадаше жертве,
Безь обране има паст' убійца.“
Леву руку на очи подигне,
Десномъ кралю мачъ у прси сюри,

И повиче, да се соба тресе:
„Ово за смрть Новаковићъ Жарка!
За кральицу ово Анѣелію!
То за главу старог' Гребострека!“
И већъ трећій путъ прободе краля. —
Прсну крвца изъ кралѣва срца,
Сву пресула кральицу Марію,
Обагрила дѣте Симеуна.
У то Душанъ у собу улети. —
Кадъ господа краля оставила,
И забуна с' мало утишала,
Лакше стала ударати жила,
У глави се мисли разабрале.
Што крвь тишша, то срце ладніє,
Сумня већа, што мисли бистріє.
А кадъ ноћца Косово увила
Судбоносна за дворъ Неродимлю,
Сантомъ леда срце с' учинило,
Сумня прешла у люто гриженѣ.
Самъ є съ собомъ 'вако говоріо:
„Одкудъ овай край дужности немиръ?
И каянѣ кадъ се добро ради? —
Нисамь, нисамь на правоме путу!
Мѣсто моє кодъ отца є мога,
Съ ньимъ се бранит', съ ньиме погинути.
Кадъ га цѣо изневѣри народъ,
Заръ и сына до себе да нема?
Ко за нѣга мачъ свой да обнажи,
Кадъ оставля сынъ свой у корица?
Айд', Душане, поправит' похитай,
Што у буни зло си учиніо.
Іоштъ є време, іоштъ леже на миру

У Прозраку люди и мачеви;
Єданъ часъ ће пре поноћи спасти
Отца одъ бѣде, а тебе одъ грѣха.
Добри коньи за мракъ непитаю,
Нѣма поноћь неиздає трага!“
То рекао, па се тихо сишао,
И бациo с’ Вили на рамена,
Куда иде ником’ неказао,
Єдва чекао, да с’ опрости града.
А Косова кадъ се добавio,
Пушта узде коню виловитом’,
Витка нѣму ребра притискує,
Па овако нѣму проговара:
„Лети, Вило, лети добро моє!
Ако мене пре поноћи нѣме
Ты однесешъ бѣлой Неродимльи,
Пресућу те златомъ и бисеромъ.“
Вила витке ноге опружила,
Па се стисла преко поля равна,
Као да гладни гоне є куряци. —
Сынъ на врата, а отацъ на землю,
Изъ три ране крвь потокомъ лiє;
Лице блѣди, а очи се гасе,
Ноге, рукє, све се већма круте,
Срце ладна смрти стеже рука.
Тихымъ пита умираня гласомъ:
„Є л’ смрть моя воля Душанова?“
Нѣму вели Жарковићъ Деане:
„Нiє, кралю, мог’ ми спасенiя!
Смрть є твоя была тайна моя.
Ты си дао мога убит’ отца,
Ты си дао сестру ми убити,

Съ тебе дѣда морао є умрети
Одъ жалости пре суђена дана.
Смрть трострука твою иска главу,
Заклетва є мачемъ управляла.
Опетъ тихо Стефанъ проговара:
„Хвала Богу, хвала єдиному,
Кадъ крвь отца непаде на сына!
Ты, Деане, вѣруй, што ти кажемъ,
Издышућа невараю уста:
Како живогъ Бога вѣруємо,
Тако теби я истину кажемъ:
Нит' самь отцу, нит' икоме твоме
Я икада смрти зажелio.
Богъ ће судит', коме судит' валя.
Проста теби моя глава была!“
Краль уздане, прси му се узе,
Єдва духа за кратке слогове.
„Ахъ Душане, мой сыне рођеный!
Гди си отцу, да те благослови,
Свою славу, и свою утѣху.“—
Кадъ є Душанъ отца опазio,
Гди у своiой онъ се крви купа,
Подъ ньиме су ноге обамрле,
Са мѣста се немогао покренут'.
Рѣчи отца и уздысай смрти
Животу му повратише снагу,
Онъ притрчи отцу умирућем',
Предъ ньиме се спусти на колѣна,
Свету главу узме у наручя,
А на руке полюбце просипа,
И овако нѣму проговара:
„Прости, отче, прости, Божій светче,

Мысао сыну ты опрости скверну!
У теби є видіо убійцу,
А осветy y твом' благослову;
Круну ти є скинут' намысліо,
Ал' є свету поштовао главу“ . . .
Отацъ сыну говорит' недао,
Вечъ овако нѣму одговара:
„Милый сыне, милый мой Душане,
Зломъ и добромъ небу люди служе,
Слободно имъ стои изабрати,
Воля вышня испунит' се мора.
Люби, сыне, правду и истину.
Пази твоє пріятелѣ вѣрне,
На душмане мотри, ал' немрзи.
Праштай злобу, заборавляй злоћу,
А награди, кои добро ради.
За Србію живи и умири,
Нѣну славу на све стране шири.
Люби брата и матерь кральицу;
Ако ти є какву тугу дала,
Крвь є моя кривицу опрала.“ —
Ово рекне, па прекрсти руке,
Свою Богу препоручи душу:
„Прими, Боже, грѣшну мою душу,
Прости кралю, помилуй човека!“
То говори, а съ душомъ се бори,
Срце стане — краль Стефанъ издане. —
У Душану живо срце пишти,
Тужно гледи Жарковићъ Деана,
Па овако нѣму проговара:
„Ей, Деане, шта учини боланъ?“
А Деанъ му мучно одговара:

„Црвъ земальскій Богомъ быти хтѣо,
У слепоћи ђаволомъ постао!
У єдну самь бацio те тугу,
Одъ друге ћу тебе сачувати:
Прво кралю да т' небуде дѣло,
Дати мачу пріятеля главу,
Самъ ћу сєби я быти судія.
Прости другу: Богъ нека му суди!"
То рекао, срце просѣкао,
Земльи пао, душу Богу дао.
У то доба и Реля дошао,
И Вукашинъ съ дружиномъ ушао,
Круну нашли србског' цар' Стефана,
Донели є, Душану є даю.
Душанъ круну у руку узима,
Па є гледа съ сузомъ у очима,
И овако ньойзи проговара:
„Сяйна круно, мой големый яде,
Три самь добра съ тебе изгубio:
Єдно добро мога родителя,
Божієга правогъ светителя,
Друго добро мою Анђелію,
Одъ свы круна срцу мом' милію,
Треће добро пріятеля мога,
Цвѣтъ послѣдный славног' дома свога!—
Неће тебе моя понет' глава!
Гди с' сѣдила, тамо и остани:
Нек' се честна мученика глава
Ни на земльи вѣнца нелишава.
А я нећу грѣшну покрыт' главу
Златномъ круномъ, ил' бысернымъ вѣнцемъ,
Докъ ми рука нову неприбави

Крвлю србской проливеномъ слави.“
То изрече, па къ отцу приступа,
И круну му чело главе меће,
Па се онда кральици окрене,
Коя клеча кодъ мртвога краля,
И овако ньойзи проговори:
„Плач’, кральице, несуши образе,
Ал’ страхъ свакій изъ срца удальи,
Што є было, землѣ кріє крыло,
Скупа жертва насъ є помирила.“

Сынъ є отца сараніо лѣпо
У Дечани, светом’ манастыру,
Сузама є гробъ му поросіо,
Задушбине многе учиніо,
Много благо на цркве раздао,
Одѣнуо, коє нашао наго,
Нараніо, коє дошло гладно,
Удѣліо слѣпу и сакату,
Уштедріо, гди могао, сирогу,
Па є онда сазвао пріятелѣ,
И овако ньима говоріо:
„Айдте, браћо, бієлу Призрену,
Да зовемо господу у саборъ,
Да видимо, гди шта има радит’;
Доста было разговора празна,
Садь нек’ уста мишице замѣну.
Прилика є крвлю прибавлѣна,
Греота є пропустит’ на празно:
Изъ кралѣве свете крви треба
Да цвѣтъ славе никне за Србію!“

ИМЕНА ГГ. ПРЕНУМЕРАНТА.

Алибунаръ.

ГГ. Глигоріе Димићъ, тргов.; Савва Фил. Жанъ, трг. и Арендаторъ; Аронъ Искрићъ, трг. у Карлсдорфу за сына Димитрію; Георгій Враговићъ, учитель; Филипъ Дамяновъ, капралъ у Економіи; Урошъ Павковићъ, Биндермайсторъ; Радованъ Іовкићъ, кроячъ; Георгій Іоновъ, изписатый фрайтъ и Сенаторъ. — Госпоя поштиница Елисавета Канижа изъ Улме, любительница кньига; Госпоя стражмештеровица Анна Флора, рођ. кћи Г. капетана Радой, любительница кньига. — Честн. ГГ. Димитрій Пиваровићъ, Парохъ Самошкій; Димитрій Черняпскій, Капеланъ Иланжанскій; Василій Петровићъ, Діаконъ Иланж. — ГГ. Емануилъ Николићъ, купацъ Илан., Василій Миловановићъ, Арендаторъ Илан. — Честн. Г. Пантелеймонъ Петровићъ, Парохъ Фердинскій. — ГГ. Григорій Болянацъ, дѣтоучитель Фердин., Симеонъ Лалићъ, изписаный капралъ и Епітропъ изъ Ферд., Аћимъ Главашъ, изписан. капралъ изъ Ферд., Димитрій Марковићъ, изпис. капралъ и соларъ изъ Ферд., Георгій Поповићъ, граничаръ и магазинеръ изъ Ферд. — Г. Ааронъ Предраговићъ, трговацъ Алибунарскій и Совокупитель Пренумеранта. 22.

Арадъ.

Пречестн. ГГ. Лазаръ Адамовићъ, честн. Конс. Арадске Діоц. Ассессоръ, Никифоръ Рашковићъ, ч. Кон. Арад. Діоц. Ассессоръ. — Благор. Г. Іоаннъ Петровићъ, слоб. Арад. варо-

ши поч. Бележникъ и Адвокатъ. — Почтен. ГГ. Петаръ Маринковићъ, избр. грађанинъ; Василіе Антоновићъ, срб. общества избр. Членъ; Гая Бозитовацъ. — Благор. Г. Георгій Радакъ, срб. юности Возпитатель. 7.

Бая.

Благор. Г. Самуилъ Ненадовићъ, привил. вароши Байске Трибунъ и тргов. за унука Іосифа. — Г. Гаврійлъ Аѳанацковићъ, трг. и члень коммунитета за сына Георгія. 2.

Београдъ.

Нѣгова Свѣтлость Князъ Сербіе, Господаръ Александеръ Карађорђевићъ. 20.

Нѣг. Высокопреосвященство Архи-Епископъ Београдскій и Митрополитъ Сербіе, Кавалѣръ, Господинъ Петаръ Іовановићъ. 3.

Пречестн. ГГ. Гаврiилъ Поповићъ, Архимандритъ Врањ. и Чл. Консист.; Герасимъ Стойковићъ, АЕМ. Протосин. Проф. Богосл.; Діонисіе Поповићъ, Игуманъ Раван. и Чл. Консист.; Савва Іовшићъ, АЕМ. Сингелъ, Катих. и Ексхор. у лицеуму. Евгеніе Симоновићъ, АЕМ. Іеромонахъ, Проф. Богосл.; Илія Новаковићъ, воѣнный свештеникъ; Теодоръ Мраовићъ, АЕМ. Протодіяконъ, Проф. Богосл.; Данiйлъ Поповићъ, АЕМ. Іеродіяконъ, Столоначалникъ АЕМ. канцел. — Благородна ГГ. Кирилъ Мирковићъ, Проф. Бог.; Атанасіе Георгіевићь, Протоколиста АЕМ. канцеларіе. 13.

Высокородна ГГ. Стоянъ Симићъ, Предсѣдатель Совѣта Княж. Србск., Кавалѣръ, 3 кн.; Стефанъ Стефановићъ, Вице-Предсѣдатель Совѣта, Генер.Маіоръ, Кавалѣръ, 2 кн.; Милосавъ Ресавацъ, Чл. Сов., Полковникъ, Кавалѣръ 2.; Стефанъ Стояновићъ, Чл. Сов., Полк., Кав. 2; Стефанъ П. Книћанинъ, Чл. Сов., Подполковникъ 2; Єфремъ Ненадовићъ, Чл. Сов., Подполк. 2; Іованъ Вельковићъ, Чл. Сов., Подполковникъ, Кав. 2; Лазаръ Арсенієвићъ, Чл. Сов., Кав. 2; Стоянъ

Іовановићъ, Чл. Сов., Подполк. 2; Петаръ Лазаревићъ, Чл. Сов., Полк., Кавал. 2; Милутинъ Петровићъ, Чл. Сов., Полков., Кавал. 2; Матія Ненадовићъ, Чл. Сов., Кав. 2; Илія Новаковићъ, Чл. Сов., Подполк. 2; Стефанъ Марковићъ, Ч. Сов., Подполк., Кав. 1; Лазо Зубанъ, Чл. Сов. 1. — Высокоблагор. Г. Іованъ Стеићъ, глав. Секретаръ Совѣта. — Благор. ГГ. Іованъ Мариновићъ, Секретаръ; Никова Милосављевићъ, Експедиторъ; Александеръ Лазаревићъ, Практикантъ Совѣта. 33.

Высокородна ГГ. Аврамъ Петронієвићъ, княжескій Представникъ и Попечитель Иностранны Дѣла, Кавалѣръ 2 кн. — Павле Станишићъ, Попечитель Финансіе, Полковникъ, Кавалѣръ 2 кн. — Паунъ Янковићъ, Попечит. Правосудія и Просвѣштенія, Полковникъ, Кавалѣръ 3 кн. 7.

Высокоблагор. ГГ. Алекса Іанковићъ, Директоръ княжеске и Попечительства иност. дѣла канцеларіе, Кавалѣръ. — Тимоѳей Кнежевићъ, прьый Секретаръ исте канцеларіе. — Высокобл. Г. Іованъ Филипповићъ, Столоначалникъ княж. и Попеч. иност. дѣла канцел. — Романовићъ, Архиваръ княж. канцел. — Благор. ГГ. Петаръ Протићъ, Регистрат. княж. канцел. — Яковъ Димшићъ, Секретаръ Апеллац. Суда. Константинъ Плякићъ, княж. Аѣутантъ, Маіоръ.

Благородна ГГ. І. С. Поповићъ, Началникъ Попеч. Просвѣштенія. — П. А. Поповићъ, Секретаръ Попеч. Правосуд. — Димитріе І. Симићъ, Протоколиста Попеч. Правосуд. — Светозаръ Десимировићъ, Архиваръ Попеч. Правосуд. — Милутинъ Поповићъ, Архиваръ Попеч. Просвѣшт. — Михаилъ Радивоевићъ, Експедиторъ Попеч. Правосудія и Просвѣшт. — Никола Райковићъ, Канцеллиста Попеч. Правосуд. — Петаръ Маринковићъ.

Высокобл. Г. Приврем. Началникъ глав. контрол. Іованъ Нинићъ. Благород. ГГ. Іованъ Іовановићъ, Секретаръ Попеч. Финанціе. — Стоянъ Стасићъ, 1. кньиговод. Поп. Фин. — Петаръ Лукићъ, II. Казначей Поп. Фин. — Миланъ Д. Давидовићъ, II. Столоначал. Поп. Фин. — Василій Груіовићъ, Протоколл.

Одѣленія Казначейства. — Никола Петровиѣъ, Експедиторъ Поп. Фин. — Александеръ Николиѣъ, Рачуновод. Фонда удовичногъ. — Милосавъ С. Іовановиѣъ, Канцеллиста Поп. Фин. — Гавріило Протиѣъ, Практ. Ђумрука Београд. 32.

Высокоблагор. Г. Миша Атанасієвиѣъ, Маіоръ и нѣгове кѣери Господичне Анка и Сарра 3 кн — Высокоблаг. ГГ. Второгъ Батал. Комман. Маіоръ Риста Теодоровиѣъ. — Ротный Комманд. Маіоръ Коста Янковиѣъ. — Благор. ГГ. Ађутантъ првогъ батал. Подпоручикъ Міо Ковиѣъ. — Второгъ бат. Ађутантъ Подпор. Радосавъ Петровиѣъ. — Прве ротте првогъ бат. Фелдвебель Арсеніє Яковлѣвиѣъ. 8.

Благород. ГГ. Веніяминъ Розмировиѣъ, Предсѣдатель; Іованъ Димитрієвиѣъ, Членъ; Іованъ Петровъ, Архиваръ Суда вароши Београда. Никола Христиѣъ, Столоначалн. княж. канцеларіє; Петаръ Радовановиѣъ, Аудиторъ гарн. воинства; Коста Єчмениѣъ и Мирко Неделковиѣъ, Писари Суда вароши Београда; Ђока Нинiѣъ, канцел. княж. Канцеллиста; Павле Чавловиѣъ. 9.

Благород. и Высокоуч. ГГ. Илія Захарієвиѣъ, Директ. Гимназіє. — Ђорђе Ћириѣъ, Проф. — Корнилій Поповиѣъ, Профес. — П. т. ГГ. Миланъ Петроніевиѣъ. — К. Роно. — Матія Поштиѣъ, Юриста. — Димитрій Аврамовиѣъ, Живописацъ. — Іованъ Поповиѣъ, тргов. Субѣктъ у Нов. Саду. 8.

Высокоблагор. и Высокоуч. Г. Іованъ Хаџиѣъ, Сенаторъ Н. Садскій, Докт. Права и серб. Законописацъ. — Благор. и Высокоуч. ГГ. Профессори у Лиц. княж. Серб. Янко Шафарикъ, Др. Медиц. — Емилъ Л. Іосимовиѣъ, Математике. — Ігнятъ Станимировиѣъ, Штатистике. — Ісидоръ Стояновиѣъ, Обще Исторіє, овог. Рект. Лицеума. — Сергія Николиѣъ, природн. Права и политич. наука. — Благор. Г. Глигоріє Возаровиѣъ, Кньигопрод. и Издаватель серб. кньига. — ГГ. Слуш. II. год. Философіє: Алекса Десимировиѣъ, Димитрій Петровиѣъ, Филиппъ Б. Ковачевиѣъ. — I. године: Яниѣіє Павловиѣъ, Никола Петровиѣъ, Василіє Петровиѣъ, Георгіє Мишковиѣъ. — Слуш. правослов. наука I. год.: Іованъ Б. Марковиѣъ, Панта Іовановиѣъ, Миленко Тимотіевиѣъ. — Высоко-

благор. Г. Іованъ Лукачевићъ, Маіоръ, Коммандиръ Првогъ Баталліона. — Благор. Г. Павле Куртовићъ, Штабскапетанъ и Ађутантъ глав. воєн. Штаба. 19.

152.

Бечь.

Нѣгова Свѣтлость Князъ Милошъ Обреновићъ 10
Нѣгова Свѣтлость Князъ Михаилъ Обреновићъ 10

20

Ст. Бечей.

Честн. Г. Александеръ Бастићъ, Ст. Бечейскій Парохъ и Катихетъ. — Благор. ГГ. Іосифъ Гаванскій, ц. к. Оберлайтн. Іоаннъ Петровићъ, сл. Потійск. окруж. Кассеперцепторъ; Іоаннъ Мучаловъ, Адвокатъ; Аврамъ Іоанновићъ, Адвокатъ; Георгіе Іоанновићъ, закл. Адв. и слав. окруж. Потійск. Подбележникъ. — Николай Банчевићъ, Юратъ. ГГ. Андрей Дада, Нов. Бечея тргов.; Данійлъ Стаићъ, трг. и Скупитель Предчисленика; Василій Штефковићъ, Берберинъ; Іоаннъ Сомборскій, Зидаръ; Миланъ Іойкићъ, ученикъ; Ааронъ Поповићъ, ученикъ; Глигоріе Косановићъ, ученикъ. 14.

(послани одъ Благор. Г. Іоанна Саввића.)

Честн. Г. Ааронъ Крестићъ, Петрово-Селскій Парохъ. — Благор. ГГ. Савва Ђорђевићъ, слав. Варм. Торонт. Ассессоръ; Іоаннъ Саввићъ, Адв. и Торонт. Варм. Ассессоръ; Симеонъ Пеићъ, вел. Нотаръ; Милошъ Влаовићъ, Адвокатъ; Александеръ Вукосавлѣвићъ, Адвокатъ; Ѳада Єлчићъ, Ст. Бечейск. Бележникъ; Шандоръ Дудварацъ, Коммиссаръ. — ГГ. Давидъ Вукосавлѣвићъ, кастеланъ; Іаковъ Стояновићъ, трг.; Василіе Поповићъ, трг.; Стефанъ Попадићъ, трг.; Іосифъ Божићъ, трговацъ. 14.

Вел. Бечкерекъ.

Пречестн. Г. Данійлъ Стаићъ, Парохъ, за родолюбиве Предчисленике. 10.

Бретислава (Пожунъ).

Србска кньижница. — Высокоуч. ГГ. Мія Влашкалићъ, Св. Свеславъ Милетићъ, II. год. Мудролюбія слуш. — Лазаръ Марковићъ, Петаръ Ненадовићъ, Іованъ Пантелићъ, Аверкій Перићъ, Марко Поповићъ, Павле Поповићъ, Стеванъ Поповићъ, Стеванъ Симуновићъ, Милошъ Єздимировићъ, Савва Петровићъ, I. год. Мудролюб. слуш. — Ђорђе Гвоздановићъ, Поезіе слуш. 14.

Букурештъ.

Высокородный Г. Алекса Симићъ, Кавалѣръ. 3.

Будимъ.

Нѣгово Высокопреосвештенство Господинъ Платонъ Аѳанацковићъ, правосл. Епископъ Будим. и Содружества Отечественога Музеума у Бохеміи, и Истор. и Древностій Русійски при свеучил. Москов. поч. Членъ. — Пречестн. ГГ. Іоаннъ Витковићъ, Протопресв. Будим., Матице Србске Членъ; Исидоръ Коларовићъ, Протодіаконъ. — Высокор. ГГ. Павелъ Трифунацъ отъ Батве, при выс. кр. унг. Каммери Секретаръ, Матице Сербске Предсѣдатель, за себе и брaћу: ГГ. Луку, Іоанна и Данійла, 4 кн.; Исидоръ отъ Николићъ, при выс. Мѣстозаступномъ унг. крал. Совѣту Секретаръ, 4 кн. — Благородна ГГ. Евѳимій Недељковићъ, ц. кр. капет. Аудиторъ; Іоаннъ Пачићъ, пенз. ц. кр. 1. Ритмайсторъ, и сл. школске Депутаціе Членъ; Симеонъ Игнятовићъ, вел. Нотарошъ вар. Буд.; Павелъ Коићъ, Адвок и Матице Серб. Членъ; Давидъ Давидовићъ, Адвок. и Мат. Серб. Членъ и Актуаръ мѣстный школ. Надзыратель; Александеръ отъ Радичь, Адвок. и при выс. Мѣст. Совѣту Практикантъ; Стефанъ Стефановићъ, Адвок. и при выс. Каммери Практикантъ; Евгеній Субботићъ, при выс. Каммери Практикантъ; Димитрій Темишварій, Адвокатъ; Димитрій Поповићъ, Адвокатъ. — ГГ. Стефанъ Урошевићъ, кроячъ; Іоаннъ Ясниćъ, чизмаръ. — Госпожа Анна

удова Груићъ за младе Остоиће. — Господичне: Юдита Беричъ, Евфросина Димићъ. 26.

Вуковаръ.

(Послани одъ Г. Георгія Іовичићъ, Учителя.)

Пречестн. Г. Петаръ Кузмановићъ, Прот. Вуковар., чест. Конс. и Срем. Варм. Присѣдатель. — Честн. ГГ. Павелъ Спаићъ, Парохъ Вуков.; Урошъ Лазаревићъ, Администраторъ.— Благор. ГГ. Павелъ Петровићъ, Срем. Варм. почест. Великій Фішкалъ; Георгій Контићъ, сл. Домін. Вуковар. Вел. Фішкалъ; Коста Бырра, сл. Дом. Вук. Актуаръ. — Высокоуч. Г. Баронъ Готтхардъ Проффъ, Юратъ. — Поштенор. ГГ. Васа Марковићъ, трг.; Павелъ Д. Поповићъ, Спомоћникъ; Петаръ Бошковићъ, Абаџіа за сына Георгію; Матія Перкаћанскій, Опанчаръ за сыновца Илію; Іованъ Степанчевићъ, Опанчаръ за сына Симеона. 12.

Вршацъ.

(Послао Г. Аристидъ Николићъ, II. год. Бог. Слуш.)

Высокопреосвященѣйшій и Высокодостойнѣйшій Госп. Стефанъ Поповићъ, правосл. Епіскопъ Вршачкій и пр. и пр. — Высокопречестн. Г. Андрей Шакабентъ, Архимандр. мон. Месића. — Пречестн. ГГ. Меѳодіе Миланковићъ, Протосингелъ и Богосл. Проф.; Филипъ Трандафировићъ, Протопресв. Вршач.; Димитрій Алексићъ, Намѣст. и Пар. Вршач.; Лазаръ Стефановићъ, Пар. Врш. и Богосл. Проф.; Игнятій Вуя, Пар. Лугош. и влаш. Богосл. Проф. — Честн. Г. Димитрій Аѳаназевићъ, Пар. Павлиш. — Благородна ГГ. Теодоръ Неделькевићъ, варош. Бировъ; Георгій Нешићъ, Фішкалъ Консист.; Іоаннъ Ангелковићъ; Димитрій Поповићъ; Тимотей Петровићъ, Грундбухсфиреръ; Димитрій Нешићъ, Адвок. и серб. Сниc.; Лазаръ Цвеићъ, Адвок.; Коста Мештеровићъ, Адвок. — Высокоуч. Г. Георгій Ђуришићъ, Проф. латинск. школа и Адв. — Поштенородна ГГ. Дим. Шербанъ, тргов.;

Яковъ Томићъ, Аренд. и трг.; Гаврiйлъ Е. Обрадовићъ, трг.; Алекса Недељковићъ, трг. и црков. туторъ; Д. Ж. Божићъ, тргов. за сына Александра; Игнятiй Живановићъ, чизмаръ за сыновицу Марту; Петаръ Стояковићъ, берберинъ; Iованъ Iоановићъ, послуж. гост.; Павелъ Вукашиновићъ, спом. апоѳекарскiй; Дим. Баћанъ, спом. трг. изъ Н.Сада; Ник. Влашкалићъ за прiят. Георг. Петровића. — Высокоуч. ГГ. Живоинъ Петковићъ, Михаилъ Молнаръ, Савва Васићъ, Клерицы III. Михаилъ Зарићъ и Андрей Христићъ, Клер. II. год.; Симеонъ Груићъ, Младенъ Баићъ, Iоаннъ Л. Надашкiй, Викентiя Галешевићъ и Теофилъ Димићъ, Клер. I. год. — Высокоуч. ГГ. Веселiе Маньулъ и Мѣиле Александровићъ, влаш. Клер. — Господичне: Агница Вулетићъ, и Юлка Балашъ, любителке пѣсама. 42.

Вацъ.

Честн. Г. Петаръ Петровићъ, Администраторъ. 1.

Добринцы.

Честн. Г. Iоахимъ Субботићъ, Парохъ. 1.

Дубровникъ.

Высокоблагор. Г. Iеремiя Гагићъ, Надворный Совѣтникъ, Кавалѣръ, и Консулъ Русскiй. — Пречестн. Г. Георгiй Николаєвићъ, Парохъ. — Г. Георгiй Ковачевићъ, трг. Г. Христифоръ Поятина, трговацъ. 4.

Задаръ.

Честн. ГГ. Николай Вуиновићъ, Свештеникъ и ц. кр. Катихета; Герасимъ Петрановићъ, Е. Дiаконъ и Богословiе Учитель. 2.

Ирригъ.

(послани одъ Честн. Г. Iосифа Горяновићъ, Дiакона.)

Пречестн. ГГ. Ириней Радићъ, Игуманъ Хоповскiй, чест. АЕМ. Конс. и Срем. Варм. суд. стола Присѣдатель; Данiйлъ

Петровићъ, Игуманъ Раваничкій и Срем. Варм. суд. ст. Присѣдатель; Амвросій Лазићъ, Администрат. Кувеждинскій. — Преподоб. ГГ. Макарій Цвеићъ и Даміанъ Пеовићъ, Іеромонаси Хопов., и Амфилохій отъ Іеремићъ, Іеромон. Раваничкій. — Честн. Г. Несторъ Неделковићъ, Парохъ Каменичкій. — Благород. ГГ. Трvфонъ отъ Младеновићъ, вел. Судацъ и народнѣ кассе Ассістентъ; Іоаннъ Кvрковићъ, ФФ. ММ. Фішкалъ и Срем. Варм. суд. ст. Присѣдатель; Василій отъ Рогулићъ, тргов. — Высокоуч. ГГ. Димитрій Дожудићъ, I. классе Учитель, и Георгій Марковићъ, соверш. Клирикъ. — Поштенор. ГГ. Александеръ Іоанновићъ, трг.; Павелъ Живановићъ, Максимъ Авраамовићъ, чизмаръ; Димитрій Димитрієвићъ, цимерманъ. 16

Калоча.

Г. Аѳанасій Влаовићъ, Митропол. Калоч. церкве римск., Успенія пречистія Богородицы Пресвvтеръ, СС. XX. и Филос. Докт., Архіепископ. и капитулар. библіоѳеки Настоятель, и сл. Факулт. Философ. кр. Наукъ Всеучил. Пешт. соб. Членъ, древле Сегедин., С. Николаєв., Пешт., С. Георгієв. и С. Бечейск.. св. Предтечевія церквей Сербовъ Парохъ.

Карлово.

Честн. Г. Димитрій Цуцићъ, Парохъ. — ГГ. Іоаннъ Павловићъ, Бировъ. — Георгій Коићъ, Заклетникъ. — Іоаннъ Мажићъ, Форшпанкомис. — М. Цуцићъ, Кассиръ. — Коста Ковачевъ и Петаръ Бешлинъ, трговцы. — Ісакъ Белићъ, Михаилъ Сталаћевъ и Герасимъ Попићъ, землѣдѣлцы. 10.

Вел. Каньижа.

Честн. Г. Адамъ Фрушићъ, Парохіє Администт. и Гимн. Катихета, за сына Стефана поету. — ГГ. Михаилъ Добровићъ, к. пр. Соларъ; Георгій Аксенти, гражд. и купацъ; Димитрій Ѳеодоровићъ, гражд. и купацъ. — Ученицы: Георгій Раићъ, поета; Константинъ Войновићъ, синтаксиста. 6.

Карловцы.

(Послани одъ Г. Георгія К. Стефановића.)

ГГ. Марко Бурна за сына Стефана. Маша Звонаркићъ за сына Михаила. Петаръ Нинковићъ. Урошъ Девићъ. Николай Ковачевићъ, III. л. Клир. Петаръ Саблићъ. Павелъ Кречаревићъ. Савва Аранитскій. Симеонъ Майнскій. Георгій Ѳеодоровићъ, II. л. Клир. — Петаръ Младеновићъ, Светозаръ Тарбукъ Петровићъ, Іоаннъ Михайловићъ, Николай Стаматовићъ I. л. Клир. — Благор. Г. Юлій Нешко отъ Литтманове, соверш. маѣ. Правдословъ. Николай Стоячковићъ, II. л. Мудр. слуш. — Благонадеждній Стефанъ Каћанскій, Николай Вукићевићъ, Павелъ Путникъ, Кузманъ Станићъ, Милошъ Миланковићъ, Іоаннъ Димовићъ, стихотв. — Стефанъ Димитріевићъ, Константинъ Трумићъ, IV. л. грам. — Максимовићъ Георгій II. л. грам. слуш. 25.

Карлштадтъ.

(Послани одъ Г. Іоанна Іанковића.)

Благор. Госпожа Юліяна отъ Герлецій, любит. книига. — ГГ. Ігнятій Утѣшиновићъ, Економіе Лайтн. — Михаилъ Стоисавлѣвићъ, Слунске регим. Фуриръ. — Вуковићь, Огулинске регим. Фуриръ. — ГГ. трговцы: Василій Радаковићъ, Вас. Кокановићъ, Мих. Паићъ, Мих. Милићевићъ за сына Уроша, Андрей Куниѣь за сына Іоанна, Ник. І. Костићъ за сына Илію, Іоаннъ В. Барако, Еман. Солларъ за кћерь Іохану, Вас. Стояновићъ, Михаилъ Медаковићъ, мѣсти. Надзыратель срб. школе, Теодоръ Теодоровићъ, Никола Давидовићь за кћерь Катицу. Александеръ Кнежевићъ, пенз. Фуриръ. Іоаннъ Поповићь, Георгій Кермаръ, Александеръ Тербоєвићь, Гавріилъ Обрадовићь, Милутинъ Вилићъ, трг. калфа. — Димит. Іовановићь, абаџія за сына Іоанна, Ефто Несторовићъ, абаџія. Михаилъ Живковићь. Читаоница народна. — Димитрій Мусулинъ, ученикъ 3. кл. лат. шк., Михаилъ Радоєвићъ, учен. 4. кл. изъ Ясеновца, Петаръ Секулићь, учен. 4. кл. изъ Ясе-

новца, Іосифъ Поповићъ, трг. калфа, Стефанъ Георгіевићъ изъ Руме родомъ. 30.

Вел. Кикинда.

Пречести. ГГ. Павелъ Влаховићъ, окруж. В.Кикинд. Протопресв., ч. Конс. якоже Темишвар. Варм. Присѣдатель; Іоаннъ Влаховићъ, Парохъ и ч. Конс. Присѣд. — Благород. ГГ. Александеръ Веселиновићъ, Адв. за сына Николая синтаксиста; Арсеній отъ Стояновићь; Александеръ Лаковићь, окруж. В.Кикинд. кассе Контролоръ за кћерь Софію; Стефанъ отъ Видакъ, варош. Бировъ за сына Петра 3. кл. ученика. — Высокоуч. ГГ. Василій Ристо, вар. Бележн. за сына Петра 2 кл. лат. слуш., и Живоинъ Капришъ, вар Бележн. за кћерь Анну. — Г. Арсеній Сумићь, вар. Нотаріата Канцел. за супругу Іконію. — Г. Несторъ Стояновићь, окр. В.Кик. Кастеланъ за сына Живоина. — Высокоуч. Г. Петаръ Граничь, совр. Богосл. и сл. кр. стола закл. Бележн. за супругу Анастасію. — Благопоч. ГГ. трговцы: Георгій Руссъ, Евѳумій Звекићь за сына Георгія, Савва Прекайскій за супругу Єлену, Евѳумій Вукићь, Павелъ Трипковићь и Арсеній Коньовићь за сына Петра 3. кл. учен. изъ М. Црнѣ. — Г. Лука Шибулъ, вашар. Арендашъ за сына Шандора 2. лат. шк. слиш. — Г. Лазаръ Райковићъ, крочъ и винопродавацъ. — Благонад. юноша Михаилъ Стефановићь, синтакс. у гимн. Сегедин. — Чест. Г. Петаръ Поповићь, Діаконъ и 2. клас. Учитель В.Кикиндскій и Скупитель Предчисленика. 21.

Изъ Читаонице Сербске.

Благород. ГГ. Николай Марковићь, Адв. и Експедиторъ окруж. В.Кик.; Дръ Паво Трифунацъ, Адв. и Протоколиста окр. В.Кик.; Аркадій Василіевићь, Адв.; Аѳанасій Кенгелацъ Адв. — Высокоуч. ГГ. Паво Недићь и Аѳанасій Удицкій, окр. В.Кик. Писари; Паво Таназевићь, окр. В.Кик. Подбележн.; Евѳумій Прекайскій, сл. кр. стола Бележн. — Благораз. Г. Лазаръ Курићь, 3. кл. Учитель, и Высокоуч. Г. Ратко Станковићь, сл. кр. стола Бележн. и Скупит. Предчисл. 10.

Мартоношъ.

Г. Аронъ Илиићъ, Учитель за кћерь Юліяну; Г. Василій Мучаловъ, тргов. за сына Петра, ученика 2. грам. классе; Г. Глигорїе Ракићь, Ћурчія за кћерь Юліану, ученицу; Манойло Вучићъ, землѣдѣл. за кћерь Софію, ученицу. 4.

С. Миклошъ.

Пречестн. ГГ. Арсеній Предраговићъ, Протопресв. Чанад. Ч. Е. Т. Конс. якоже и Торонт. Варм. Ассес. — Даміанъ Магарашевићъ, Парохъ Турске Каньиже, Асс. Конс. — Николай Іоановићъ, Пар. Серб. Ст. Петарск., Асс. Конс. — Трифонъ Стойковићъ, Пар. Сент.Іванск., Асс. Конс. — Софроній Драгићъ, Пар. Саравол. — Димитрій Молнаръ, Пар. В. Ст. Миклошк. — Аѵксентій Кнежевићь, Пар. Турско-Каньижкій. — Ѳеодоръ Петровићъ, Администт. Чанадск. — Церковь Санадск. Церковь Валканск. — Церковь Десчанска. 11.

Митровица.

(Скуплѣни одъ Г. Петра Радовановића, Діакона и Учителя Митровачкогъ.)

Пречестн. Г. Еѵѳѵмій Івановићь, Протопресв. Митровач. и Ч. АЕМ. Конс. Сосѣдатель. — Честн. Г. Георгій Бараковићъ, Діаконъ и Учитель Шашиначк. — Благор. ГГ. Ааронъ Пашванскій, кр. Контролоръ за сынове Миловоя и Ісидора; Ѳеодоръ отъ Радосавлѣвићъ, Кап.Аудиторъ за сына Ѳеодора; Ѳаддей Беркићъ, Капетанъ Градителства; Константинъ Гадеши, Докторъ Медиц.; Елисей Вукомановићь, ц. к. Лайтнантъ и любитель чтенія; Іосифъ Керняићъ, Фуриръ Петроварад. регим. за сына Алексіа; Димитрій Радовановићъ, к. к. кадетъ, стражмештеръ и землѣмѣръ; Лазаръ Іоанновићь, ц. к. Штабсшреіберъ и любитель чтенія. — Выоокоуч. ГГ. Ѳеодоръ Петковићъ, соврш. Клир. и Дѣтонастав. юности Митровач., Лука Церноякићъ, ц. к. Учитель прве классе, Андрей Дудићъ, со-

верш. гимназиста и Практикантъ кодъ Фервалтунга. — Почтенор. ГГ. Трговцы: Григорій Механовићъ, Георгій Живковићъ за сына Стефана ученика срб. школе, Александеръ Крстоношићь за сына Николу, Коста Іоанновићъ за сынове Александра и Николу, Георгій Костићь за сына Константина, ученика срб. школе, Димитрій Загла за сынове Павла и Георгія, Ѳома Радуловићъ изъ Банялуке са братомъ своимъ Христомъ, Коста Поповићъ, Петаръ І. Поповићъ, Іоаннъ Ѳеодоровићь за сына Симеона, учен. срб. шк., Кѵріилъ Марковићъ за сына Іоанна, учен. срб. шк. — Почтенор. ГГ. Майстори: Василій Николићъ, чизмаръ за сына Николу, Стефанъ Николићъ, месаръ за сына Димитрія, учен. нѣмецке шк., Александеръ Вуяшковићъ за сына Іоанна, учен. нѣмец. шк., Михаилъ Николаєвићъ, сапунджія за кћерь Анку, любител. чтенія, Георгій Козлукъ, пекаръ за сына Игнята, учен. срб. шк., Іоаннъ Димитрієвићъ, абаджіа за сына Петра, учен. срб. шк., Стефанъ Исааковићъ, Wiener-Schuster, за сына Константина, учен. нѣм. шк. — Благораз. Г. Яковъ Вечеринацъ, писаръ кодъ суда са своіомъ сестромъ Елисаветомъ. — Благораз. Госпоже: Юліана Конѣвићъ вдова, роѣена отъ Рогулићъ, Елисавета Керинићъ, Фурирка, Ефѵмія Поповићъ. — Благораз. Господична Єлена Румба, любител. чтенія. — Почт. Г. Максимъ Георгієвићъ, трговацъ и любит. чтенія. — Г. Петаръ Радовановићъ, Діаконъ и Совокупитель за сына Андреа. 38.

Новый Садъ.

(Послани одъ Г. Петра М. Райковића.)

Честн. Г. Маѳей Костићъ, Администт. Парохіе при цркви св. тріехъ Іерарховъ. — Благор. Г. Павелъ отъ Іоанновићъ, Сенаторъ и сл. Бачке и Сремске Варм. Сосѣд. за сына Іоанна. — Благор. ГГ. Адвокати: Урошъ Поповићъ Пеціій, Павелъ Мачванскій. — Высокоуч. Г. Димит. Михайловићъ, соврш. Юриста. — Благород. Гжа Анна Іована Обреновићъ. — Благород. Г. Стефань Радичевићъ, княж. срб. Полков. и пенз. Правос. и Просвѣщ. Попеч. — Почтен. ГГ. Іосифъ Мачванскій, Членъ

избран. общества; Димит. Видуловићъ, Чл. изб. общ. за кћери Хермину и Анастасію; Филипъ Неделковићъ, купацъ; Стефанъ Николићъ, Вукъ Панајотъ, Георгій Кода, купацъ, Игнятій Адамовићъ, Андрей Димитрієвићъ, Іоаннъ Радуловићъ, Павелъ Личанинъ, Іосифъ Марковићъ, чизмаръ и Чл. избр. общества, Марко Поповићъ, ћурћіа, Савва Міодраговнћъ, дрваръ за сына Андрію, Павелъ Симићъ, живописацъ, Іоаннъ Деметровићъ, Fabriks-Inhaber, Николай Богичевићь, мужкогъ одћла кроячъ, и Живко Васићъ, жен. одћла кроячъ. — Благораз. Г. Петаръ Политъ, тргов. школе 2. л. слуш. — Почтен. Г. Милованъ М. Пеичиновићъ, Рудничкогъ окруж. изъ мћста Бруснице.

Петроварадинъ.

Благор. Г. Мойсей Поповићъ, Stadtſchreiber.

Надаль.

Честн. Г. Стефанъ Аранитскій, Парохъ.

Жабаль.

Почтенор. Г. Ѳеодоръ Сараилићъ, купацъ.

Мошоринъ.

Почтенор. Г. Коста Милетићъ, купацъ. 30.

Новый Садъ.

(Послани одъ Георгія Киріаковића.)

Честн. Г. Георгій Нешковићъ, Парохъ. — Благород. ГГ. Іоаннъ Матићъ, Адв., Петаръ Іоанновићъ, Докторъ, Стефанъ отъ Ненадовићъ за сына Уроша. — Почтен. Г. Максимъ Маринковићъ, тргов. — Почт. Г. Станко Стефановићъ, житаръ.

Жабаль.

Пречестн. Г. Максимъ Папићъ, Протопресв. и ч. Конс. Ассессоръ.

Србскій Бечей.

Благор. Г. Петаръ Стакићъ, кр. Таб. закл. Нотарій.

Кулпинъ.

Чести. Г. Стефанъ Милошевићъ, Парохъ.

М. Раковацъ.

Преподоб. Г. Іосифъ Крстоносићъ, Іеромонахъ. 10.

Оточацъ.

(послани одъ Александра Терпкова.)

ГГ. Георгій Поповићъ, Пар. изъ Доляне, Илія Шкорићъ, Фуриръ, Спиро Рашевићъ, трг. калфа, Михаилъ Делићъ, трг., Александеръ Трпковъ, Михаилъ Левнаићъ, Фелдвеблъ, Іованъ Хертићъ, Фуриръ, Тома Ленацъ, трг. калфа, Илія Стефанъ Машићъ, трг., Петаръ Крестићъ, трг. калфа. 10

Острогонъ.

Благонад. Юноша Константинъ Болярићъ, стихотв. слуш. и пѣвацъ црковный. — Господична Александра Ђорђевићъ, любителница србск. чтенія. — Г. Георгіи Вретовскій, ученикъ норм. школе. 3.

Панчево.

Преподобн. Г. Ѳеодосій Цернянскій, Игуманъ Войловач. и ч. К. Т. Присѣдатель. — Пречести. ГГ. Конст. Арсеновићъ, Прот. Панч. и ч. К. Т. Присѣд., Стефанъ Болгарићъ, Парохъ Доловач., Намѣстн. Протопресв. Панч. и ч. К. Т. Присѣд., Димитрій Радановићъ, Парохъ Панч. и ч. К. Т. Присѣд. — Честн. ГГ. Моусей Аѳанацковићъ, Пар. Панч., Сумеонъ Димитріевићъ, Пар. Овчан., Георгій Шупица, Пар. Севкерин., Василій Живковићъ, Пар. Панч. — Высокоучена ГГ. Іованъ Пантелићъ, срб. нар. шк. Управителъ, Константинъ Пеичићъ,

Медиц. Др. и ц. к. Физикусъ, Димитріе Радуловићъ, Медиц. Др., Александеръ Андрићъ, ц. к. управит. Лайтн. и срб. пѣсникъ. — Благопоштен. ГГ. трговцы: Стефанъ отъ Іоанновићъ, Єфремъ Барићъ, Марко Іанковићъ, Викентіе Костићъ, Георгій Маринковићъ, Савва Симићъ, Никола Ђурчинъ, Георгій Тамбурићъ. — Г. Никола Ђурковићъ, Учитель црков. харм. пѣнія у Панчеву. 21.

Перлезъ.

(Послани одъ Г. Ст. Евг. Бекићъ.)

Честн. ГГ. Сумеонъ Іоанновићъ, Парохъ, Константинъ Константиновићъ, Пар., Милутинъ Іоановићъ, Пар. Фаркаждин., Іосифъ Херцеговацъ, Капеланъ. — Почтен. ГГ. трговцы: Марко Дракулићъ за сына Стефана, Максимъ Евгеновићъ, Іоаннъ Илићъ, Савва Георгіевићъ, Александеръ Ивковићъ, Александеръ Станишићъ. 10.

Пешта.

Честн. Г. Георгій Марко, Парохъ и Конс. Ассесоръ. — Нь. Высокородіе Г. Єфремъ Обреновићъ, Генералъ-Маіоръ, бывшій Предсѣдатель Совѣта княж. Сербіе 4 кн. — Благород. ГГ. Георгій Дамяновићъ, Сенаторъ. — Іоаннъ Нако одъ Вел. Сент-Миклоша 10 кн. — Павелъ Рићичкій отъ Скрибешћа. 2 кн. — Исидоръ Рићичкій отъ Скрибешћа. — Светозаръ Рићичкій отъ Скрибешћа. — Іоаннъ Рићичкій отъ Скрибешћа. — Александеръ Рићичкій отъ Скрибешћа. — Стефанъ Рићичкій отъ Скрибешћа. — Ѳеодоръ Павловићъ, Адвок. и Учредн. Н. С. Новина и Секретаръ Мат. Серб. — Михаилъ Костићъ, Адвок. и Фишкалъ М. С. — Алекса Войновићъ Адвок. — Др. Георгій Стояковићъ Адв. и Фишк. Ч. Будим. Консист. и Завед. Текел. — Евгеній Ракићъ, Адв. — Георгій Веровацъ, Адвок. — Іосифъ Вишня, Адвок. — Данійлъ Продановићъ, Адвок. — Іоаннъ Алексићъ, Адвок. — Георгій Єрикоглу, Адвок. — Петаръ Пиперковићъ, Адвок. и сл. шк. Деп. Фишкалъ. — Александеръ

отъ Юрковићъ, Адв. — Павелъ Радовановићъ, Адв. — Петаръ Белићъ, Адв. и варош. Райтоффицыръ. — Симеонъ Станисављевићъ, Адв. — Миланъ Симићъ, Филос. слуш. — Димитрій Іоанновићъ, вар. Инжиниръ. — Павелъ Недокланскій, сл. Деп. шк. Кассеперцепторъ. — Суббота І. Младеновићъ, Іншпекторъ Зав. Текел. и Дѣловодитель М. С. — Ѳеодоръ Марго, Медиц. Докт. — Георгій Поповићъ, Хирургъ. — Іоаннъ Кадавы, еванг. слов. Учитель. — Господа Терговцы: Стефанъ Л. Іоанновићъ 5 кн. — Іоаннъ Трифоновићъ избр. граѣ. и М. С. Старешина. — Наумъ Бозда, избр. граѣ. и М. С. Кассиръ. — Михаилъ Іоанновићъ избр. граѣ. — Петаръ Іоанновићъ. — Георгій Станковићъ. — Милошъ Миросављевићъ. — Петаръ Раићъ. — Іосифъ Михайловићъ. — Евтимій Саввићъ. — Михаилъ Томашевићъ. Димитрій Вельковъ- — Савва Петровићъ. — Дим. Тинковићъ. — Илія Николићъ. — Іоаннъ Іоанновићъ. — Илія Савићъ. — Михаилъ Дерра. — Іоаннъ Пилясановићъ. — Стефанъ Адамовићъ. — Симеонъ Шићаръ. — Павелъ Кроићъ. — Іоаннъ Стаићъ. — Іоаннъ Лазаревићъ. — Георгій Кирилловићъ. — Александеръ Младеновићъ, сударскогъ цеха Предсѣдатель. — Емануилъ Лежимирскій мужскогъ, Елисей Кресоєвићъ за сына Симеона, и Іоаннъ Бучанъ женскогъ одѣла кроячи. — Александеръ Радовићъ, тргов. изъ Толне. — Іоаннъ Стояковичъ, трг. изъ Паланке. — Дим. Стояновићъ, трг. Спомоћникъ. — Ѳеод. Ерваћанинъ изъ хорв. Дубице. — Радованъ М. Радовановићъ изъ Београда. — Марко Субботићъ изъ Панчева. — Георгій Стерія изъ Н.Сада, ученицы тргов. школе. — Петаръ Политъ, Практ. у комтоару. 86.

(Одъ Г. Велимира Барбарића, Медиц. Слуш.)

Высокоуч. ГГ. Георгій Павковићъ, кр. Таб. закл. Нотарій за сестру Мину. — Дмитаръ Лудаићъ, суд. кр. Таб. закл. Бележникъ. — Кѵрилъ Нягуль, Геометра. — Боголюбъ Георгієвићъ, лѣк. слуш. за сестру Милицу. — Іоаннъ Ристићъ, І. год. Прав. Слуш. — Велимиръ Барбарићъ, І. год. лѣк. Слуш. за сестру Катарину. — Андрей Лукачъ, І. год. лѣк. Слуш. —

Никола Живановићъ, Іоахимъ Гложанацъ, Сумеонъ Ковачићъ, I. год. Мудр. слушательи. — Илія Ѳомићъ, чизмаръ за сестричину Софію. — Атанасій Павковићъ, трг. Помоћникъ.

Печка.

Высокоуч. Г. Іоаннъ Петровићъ, лѣкар. слуш.

Даль.

Высокоуч. Г. Младенъ Стефановићъ, соверш. Богословъ и Философъ.

Вуковаръ.

Поштенор. Г. Александеръ Миланковићъ, тргов. 15.

(Скуп. Г. Стеф. Илійћъ.)

ГГ. Младеновићъ Петаръ, Младеновићъ Меѳодій, Папхазій Николай за себе и сестру Александру 2 кн., Рашковићъ Михаилъ и Рогулићъ Стеванъ, II. год., Илійћъ Стеванъ и Поповићъ Іоаннъ, I. год. Мудр. слушательи. 8.

109.

Плашко.

Нѣгово Высокопреосвештенство Г. Евгеній Іоанновићъ, правосл. Епіскопъ Карлштадтскій. 1.

Рума.

Честн. Г. Станимиръ Крестићъ, Парохъ, Конс. и Варм. Ассессоръ. — Димитрій Станићъ, трг. — Никола Чаркаджићъ, трг. — Братія отъ Младеновићъ, трг. — Братія Войновићъ, трг. — Ѳеодоръ Максимовићъ, трг. — Іоаннъ Максимовићъ, трговацъ. 7.

Каньижа Стара.

Честн. ГГ. Александеръ Летићъ, и Димитрій Іанковићъ, Пароси. 2.

Мартоношъ.

Честн. ГГ. Петаръ Петровићъ и Іованъ Милићъ, Пароси; Благород. Госпођица Христива отъ Єремићъ. 3.

Сегединъ.

Честн. Г. Дим. Поповићъ, Ђак. и Учитель. — Благород. ГГ. Стеф. Петровићъ, Сенаторъ, Обштин. Комесаръ, локал. Дирек. и Чанад., Чонград. и Торон. Варм. Присѣд.; Василій Веселиновићъ, Виценотеръ, и Торон. Варм. Присѣд. — Высокоуч. ГГ. Іов. Сремацъ, III. год. права у свеучил. Пештан. слуш.; Сим. Поповићъ, Физике слушат., род. изъ Вуковара; Пет. Божовићъ, гвожђ. калфа, родомъ изъ Язка. 6.

Сента.

Честн. ГГ. Тимоѳей Бранковићъ, Парохъ и Кат.; Александеръ Николићъ, Спомоћникъ. — Высокоблагор. ГГ. Лазаръ Манойловићъ, Варм. Присѣд. и прив. Пот. Диштр. Сенаторъ; Арсеній отъ Бодерлица, Варм. Присѣд.; Іоаннъ отъ Бодерлица, Варм. Присѣд. — Благор. Г. Стефанъ Брановачкій, прив. Потис. Диштр. поч. Фишк. и прив. Март. Надзыр.; Георгій Николићъ, мѣст. дѣтонастав. — Г. Лазаръ Пецарскій, мѣстн. Биров. — Благ. Г. Елесіа отъ Тешићъ, мѣстн. Кассиръ. — Г. Новакъ Славнићъ, мѣст. Екон. — Атанасій Іванчићъ, пѣвацъ. — Благ. Г. Георгій отъ Бодерлица за сыноче свое Стевана и Іована. — ГГ. Самуилъ Арадскій и Василій Брановачкій, трговцы. — Іованъ Зубановићъ, месар. Аренд. 15.

Сисакъ.

Василій П. Котуръ, трговацъ, за своя два сына Василія и Николая. 4.

Станишичъ.

Честн. Г. Авраамъ Борђошкій, Парохъ Станишич. 1.

Стеяновцы.

Пречестн. ГГ. Урошъ Милутиновићъ, Парохъ Стеянов.; Сумеонъ Николаєвићъ, Пар. Язачк.; Амфилохій Крестићъ, Намѣстн. мон. Язка.; Георгій Христићъ, Екклисіархъ мон. Язач.; Анатолій Гвоићъ, Іеромон. и Економъ мон. Бешенове; Максимъ Стояновићъ, Екклисіархъ мон. Бешенове. 6.

Темишваръ.

Высокопречестн. Г. Самуилъ Маширевићъ, Архимандрітъ Бездинскій 12 кн. — Честн. Г. Василій Субботићъ, при полку Архи-Херцега Леополда Душепопечитель. — Благородна ГГ. Іоаннъ Поповићъ, Конс. и више фамилія Фишкалъ; Теодоръ Радичевићъ, Драйсигст-Контролоръ 2 кн. 16.

(Послани одъ Г. Михаила Чокерляна, заслужен. кр. Каммере Ишпана.)

Высокопречестн. Г. Емиліанъ Кенгелацъ, Архимандрітъ Ходошкій. — Высокопреподб. Г. Теодосій Цернянскій, Игуманъ Войловач. — Пречестн. ГГ. Іоаннъ Васићъ, Протопресв. Темишвар., Димитрій Петровићъ, Протопр. Липовач., Константинъ Груићъ, Прогопр. Бузіяш., Лазаръ Радакъ, Протоп. Карансебеш., Владиславъ Веселиновићъ, Протопр. Жебель., Василіе Табаковићъ, Протопр. Чаковач., Павле Влаховићъ, Протопр. Кикинд., Софроній Ивачковићъ, Протопр. Оравич., Іоаннъ Чокерлянъ, Парохъ Тараш., Ассес. Конс. и Ческ. Музеума Членъ. — Благор. ГГ. Николай отъ Маленица, Землѣдржацъ одъ велик. Гая, Іоаннъ Палик-Учевный одъ Фурлюка, Стоянъ Миленковићъ одъ Жабара, Благор. Гжа Катарина отъ Вуковићъ, Спаиница отъ Берексова; Василій Лонгиновићъ, унг. и гранич. Адвок., Павле Баићъ, унг. и гран. Адв., Павле Веселиновићъ, сл. кр. вар. Темишв. Капетанъ, Танасіе Звекићъ, вел. Фишкалъ, Тома Стефановићъ, Др. Медицине, Александеръ Кода, Др. Мед., Димитрій Тиролъ, срб. Литераторъ и Одесскогъ ученогъ Дружства Членъ, Петаръ Алек-

сіевићъ, унг. права Адвок. и великій родолюбацъ, Тимотей Петровићъ, Ober-Steuer-Einnehmer, Іованъ и Аркадіе Поповићъ за родителя старца Марка изъ Боке 2 кн., Стоянъ Богановићъ, Нотарошъ Берексовач. — ГГ. Марко Льот. Папа Ефтиміе, Членъ Комунитета, Михаилъ Барбуловићъ, купацъ и Чл. Ком., Софроніе Груићъ, гражданинъ, Михаилъ Чокерлянъ за нећака Іоанна Поповића изъ вел. Бечкерека, Георгіе Стояновићъ, куп., Константинъ Савићъ, куп. калфа., Іоаннъ Милутиновићъ, гражд. Берберинъ за сына Іоанна. 35.

51.

Тителъ.

Благор. Г. Іоаннъ отъ Трумићъ, ц. кр. границе управительства Капетанъ у шайкаш. Баталіону. — Г. Живко Крестићъ трг. — Господичне Юліяна и Емилія Сурдучкій. 3.

Трієстъ.

Пречестн. Г. Никола Вуиновићъ, Членъ ч. Конс. — Чест. Г. Даніилъ Буићъ, Свештенослужитель. — Высокоуч. Г. Симеонъ Димитріевићъ, Учитель. — Г. Андрія Стояковићъ, трг. — Димитріе Владисавлћвићъ, Учитель 2 кн. 6.

Франћво.

Честн. ГГ. Іоаннъ Гавриловићъ, Парохъ и мћстн. школа Надзыратель, Димитріе Дьаковачкій за сына Петра 2. год. Граматиста, Стефанъ Марковићъ, Катихетъ за сыновца Милана. — Благораз. Г. Іоаннъ Мажаровићъ, 2. кл. Учитель. — Благород. Г. Леонти Кекезъ, мћст. Бележникъ. — Поштенор. ГГ. Ѳеодоръ Богарацъ, мћст. Судія, Ѳеодоръ Буићвацъ, Винскій Аренд., Ѳеофилъ Главашъ, Іоаннъ Райковићъ, изслуж. мћст. Судія, Ѳома Боберићъ, Тимотей Риститъ, трг., Георгій Живковићъ, трговацъ за супругу Юліану, Петаръ Печеновићъ, трг., Деметеръ Капетановићъ, трг., Лазаръ Поповићъ, вел. сензалъ, Павелъ Путникъ, коморашъ, Георгъ Живковићъ,

младшій Епітропъ, Іоаннъ Кнежевићъ, безмездный пѣвацъ, Деметеръ Лазићъ, ковачъ и марвен. лѣкаръ за сына Александра, Александеръ Бранковићъ, салеръ за сына Стефана, Ісидоръ Шугићъ, ковачъ, Василій Юрковићъ, кроячъ за сына Лазара, Кузманъ Іанковићъ, кабаничаръ за сына Младена, Деметеръ Маинскій, кроячъ за сына Стефана, Іоаннъ Романчићъ, женс. кроячъ, Георгъ Крестићъ, чизмаръ изъ Бочари, Павелъ Іанковићъ, пашучаръ, Теодоръ Петровићъ, коларъ, Александеръ Сервинацъ, млад. ученикъ. — Софія Дьаковачка за кћерь єдиницу Кристину. — Господична Кристина Бранковићъ. — Почт. ГГ. Іосифъ Гебелъ, западне цркве Србинъ и кафеджія; Стефанъ Влашкалићъ, Касиръ и Скуп. Предч. 33.

Шабацъ.

(Послао Высокоуч. Г. Павле Стояновићъ, Проф.)

Іованъ Павловићъ, Прото-Єреј и Чл. Конс. Шаб., Григорій Илијћъ, Іеромонахъ, Настоятель обштежит. ман. Боговађе и Чл. Конс. Шаб.; Добросавъ Здравковићъ, Маіоръ, Начал. окр. Шаб.; Іованъ Миловановићъ, Капетанъ, Помоћникъ Нач. окр. Шаб.; Радивой Милованчевићъ, Секретаръ Нач. окр. Шаб.; Ђорђе Брдаровићь, Подпоручикъ Секрет. Суда окруж. Шабач.; Петаръ Чупићъ, Писаръ Начал. окр. Шаб.; Ђорђе Кривајацъ, Писаръ Среза Подцер. за сыновца Петра; Тома Ковачевићъ, Практ. Нач. окр. Шаб.; Марко Маринковићъ, Нотарій Конс. Шаб.; Дамянъ Маринковићъ, Проф. при Полугимн. Шаб.; Іованъ Илијћъ, Діак. и Учит. нормал. школе Шаб.; Коста Маринковићъ, Учит. Текеришк.; Маринко Поћъ, Учит. Кривајскій; Браћа Рекалићъ, тргов. и жител. Шаб.; Петаръ Куртовићъ, тргов. и жит. Шаб.; Стеванъ Благоєвићъ, тргов. и жит. Шаб.; Сима Леонтићъ, тргов. и жит. Шаб.; Лука Солдатовићъ, Филипъ Берићъ, Янко Еремићъ, Ученицы Полугимн. Шаб. 21.

Ђуръ.

Почтенор. ГГ. Трговцы: Андрія Марковићъ, Владиславъ Терзићъ, Іоаннъ Димићъ изъ Томашеваца, Васа Ђирковићъ, Мита Теодоровићъ, Васа Купусаровићъ, сва троица изъ Ковина; Стефанъ Сарайлићъ изъ Жабля, Іоаннъ Николићъ изъ Панчева, тргов. калфе. — Ђира Адамовићъ, кроячъ — Высокоуч. Г. Гсоргій Лубурићъ, прв. лѣта Мудр. слуш. изъ Н. Сада; и Васа Абжићъ, сл. кр. суд. Таб. закл. Бележникъ и Скупителъ Предчисленика. 10.

НАРОДНА МАТИЦА СРПСКА У НОВОМ САДУ

☞ На стр. 206. предъ стих. 150. изостао є стихъ овай:

Срећа насъ є давно оставила,

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ
Р19Ф II 353. 1

У БУДИМУ,

писмены кр. Свеучил. Пештанскогъ

1846.